

ВЕСТНИК МГЛУ

СЕРИЯ 1
ФИЛОЛОГИЯ № 2 (111) / 2021

Серия основана в декабре 1996 года

Редакционная коллегия:

Л. А. Тарасевич (*главный редактор*),
М. С. Рогачевская (*зам. главного редактора*),
А. Н. Баранов, Е. А. Булат, А. Н. Гордей, Е. А. Гапанович,
Е. Г. Задворная, Т. В. Поплавская,
А. А. Романовская, З. А. Харитончик

*Журнал «Вестник МГЛУ. Серия 1. Филология»
включен Высшей аттестационной комиссией
в перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований*

СОДЕРЖАНИЕ

Проблемы общего и типологического языкознания

<i>Аникеева Т. В.</i> Прецедентный феномен как языковая объективация средств выражения межтекстовых связей	7
<i>Баханович А. С.</i> Лингвопрагматический потенциал иронии в белорусском и англоязычном дискурсе	14
<i>Дединкин А. Л.</i> Языковая экспликация образа «чужого» («врага») в современном экстремистском дискурсе	22
<i>Зиневич Н. В.</i> Специфика реализации категории субъектности в экологическом дискурсе	28
<i>Куц А. А.</i> Национальная специфика понятия <i>victory, победа, перамога</i> : сопоставительно-параметрический метод исследования	35
<i>Салавей А. А.</i> Катэгорыя верагоднасці ў жанрах публіцыстычнага, навуковага і мастацкага дыскурсаў	45
<i>Толкачёва О. В.</i> Цель перемещения в семантике дирекциональных предлогов (на материале немецкого и русского языков)	54
<i>Тур В. В.</i> Прагматический компонент в семантике слова и его роль в формировании структуры лексического значения	62
<i>Шевцова А. К., Каширина А. Л.</i> Вербализация категории персуазивности в жанре информационного интервью.....	68
<i>Ядченко Е. И.</i> Категоризация как ключевой метод изучения содержания дискурса идентичности мигрантов	75

Романское и германское языкознание

<i>Беланович Е. В.</i> Семантика и структура каузативных конструкций с глаголами со значениями ‘критиковать’ и ‘стыдить’ в современном английском языке	83
<i>Котик Т. С.</i> О семантике производных глаголов с дейктическими отнаречными приставками (на материале немецкого языка).....	89

<i>Крючкова А. Е., Тимощенко Е. А.</i> Лексические и стилистические особенности рассказов для детей на французском языке.....	97
<i>Якубёнок Л. М.</i> Модальность нереальности как средство убеждения в адвокатских речах.....	103

Исследования славянских языков

<i>Бранавец П. С.</i> Кантынуальнасць семантыкі праславянскіх *lice, *likъ ў беларускай і польскай мовах.....	111
<i>Горицкая О. С.</i> Белорусская безэквивалентная лексика в текстах на русском языке.....	118
<i>Русина Ю. Н.</i> Особенности прецедентных текстов в заголовках газетных статей на тему коронавируса.....	125

Исследования восточных языков

<i>Дардыкова Н. В.</i> Гастрономическая метафора как способ выражения оценки в турецком языке	133
<i>Медюлянова В. А.</i> Условия употребления личных местоимений в японском языке	141
<i>Мишурная Ю. В.</i> Словообразовательные возможности интернационализмов в современном турецком языке.....	148
<i>Ху Цзядун.</i> Дискурс веб-сайта посольства как разновидность дискурса цифровой дипломатии	156

Литературоведение

<i>Бразгуноў А. У.</i> Аўтарскі пачатак ва «Ўспамінах» Ф. Еўлашоўскага.....	164
<i>Зелезинская Н. С., Личко М. Ю.</i> Функциональный потенциал приема ненадежного нарратора в детской эколитературе	170
<i>Лаптёнок И. Б.</i> Белорусская рецептивная среда поэта Сергея Есенина в переводах и литературной критике 1920–1930-х годов	177
<i>Хмельницький Н. Н.</i> Мастацкая рэканструкцыя гісторыі роду ў аповесці М. Кунцэвіч «Ляснік».....	185

Обзоры и рецензии

<i>Харитончик З. А.</i> Рецензия на книгу: Чернявская Валерия Евгеньевна. «Текст и социальный контекст. Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения»	192
--	-----

CONTENTS

General and Typological Linguistics

<i>Anikeyeva T.</i> Precedent Phenomena as Language Objectification of Intertextual Relations	7
<i>Bakhanovich A.</i> Linguopragmatic Potential of Irony in Belarusian and English Language Discourse	14
<i>Dedinkin A.</i> Linguistic Explication of the Image of an “Alien” (“Foe”) in Modern Extremist Discourse.....	22
<i>Zinevich N.</i> Peculiarities of Actualizing the Subjectivity Category in Ecological Discourse.....	28
<i>Kuts A.</i> National Peculiarities of the <i>Victory, Победа, Перемога</i> Concept: a Comparative-Parametric Method of Research	35
<i>Solovey A.</i> The Category of Credibility in the Genres of Journalistic, Scientific and Artistic Discourses	45
<i>Tolkacheva O.</i> Goal of Movement in the Semantics of Directional Prepositions (based on the German and Russian languages).....	54
<i>Tur V.</i> Pragmatic Component in the Semantics of a Word and its Role in the Formation of a Word Meaning Structure	62
<i>Shevtsova A., Kashirina A.</i> Language Implementation of the Communicative Category of Persuasiveness in an Information Interview	68
<i>Yadchenko E.</i> Categorization as a Key Method for Studying the Discourse of Migrants’ Identity.....	75

Romance and Germanic Linguistics

<i>Belanovich Y.</i> Semantics and Syntax of Causative Constructions with the Verbs Meaning ‘to Criticize’ and ‘to Shame’ in Modern English.....	83
<i>Kotik T.</i> Semantics of Derived Verbs with Deictic Adverbial Prefixes (based on the German language data)	89
<i>Kruchkova H., Timoschenko E.</i> Lexical and Stylistic Peculiarities of Children’s Stories in French.....	97
<i>Yakubionak L.</i> Irreal Modality as a Means of Persuasion in the Speeches of Defense Lawyers.....	103

Slavonic Languages

<i>Branavets P.</i> Semantic Continuity of Proto-Slavic *Lice, *Likъ in Belarusian and Polish	111
<i>Goritskaya O.</i> Belarusian Non-equivalent Words in Russian Texts	118
<i>Rusina Y.</i> Peculiarities of Precedent Texts in the Headlines of Newspaper Articles on Coronavirus	125

Studies of Oriental Languages

<i>Dardykova N.</i> Gastronomical Metaphor as a Means of Expressing Assessment in the Turkish Language	133
<i>Mejiulianava V.</i> Factors of Personal Pronouns use in the Japanese Language	141
<i>Mishurnaya Y.</i> Derivational Possibilities of Internationalisms in the Modern Turkish Language	148
<i>Hu J.</i> Embassy Website Discourse as a Variety of Discourse of Digital Diplomacy	156

Studies in Literary

<i>Brazgunou A.</i> Author's Presence in "The Memoirs" by F. Jeulašouski.....	164
<i>Zelezinskaya N., Lychko M.</i> Functional Capacity of the Unreliable Narrator in Ecological Literature for Children	170
<i>Laptionak I.</i> Belarusian Receptive Environment of the Poet Sergey Yesenin in Translations and Literary Criticism of the 1920s and 1930s.	177
<i>Khmialnitski M.</i> Kin History Reconstruction in the Short Novel "Leśnik" by M. Kuncewiczowa	185

Reviews

<i>Kharitonchik Z. A.</i> A review of the book by Chernyavskaya Valeria E. "The Text and Social Context. Sociolinguistic and Discourse Analysis of Sense Generation"	192
--	-----

ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕГО И ТИПОЛОГИЧЕСКОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

УДК 81'42+81'38

Аникеева Татьяна Владимировна
аспирант кафедры славянских языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Anikeyeva Tatsiana
Postgraduate Student of the Department
of Slavic Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ФЕНОМЕН КАК ЯЗЫКОВАЯ ОБЪЕКТИВАЦИЯ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ МЕЖТЕКСТОВЫХ СВЯЗЕЙ

PRECEDENT PHENOMENA AS LANGUAGE OBJECTIFICATION OF INTERTEXTUAL RELATIONS

В статье анализируются основные теоретические посылки изучения межтекстовых связей художественного текста. Описывается становление понятийного аппарата для исследования проблематики межтекстовых связей. Исследуется проблема определения языковых средств содержательного диалога текстов. Рассматриваются основания смыслового сопоставления прецедентных единиц и заимствующего текста. Устанавливается статус прецедентного феномена как средства выражения межтекстовых связей.

Ключевые слова: *прецедентный феномен; межтекстовые связи; диалог текстов; критериальные основания; языковая интеграция.*

The article analyses a range of theoretical approaches to the problem of intertextual relations and their objectification in modern literary texts. It describes the language means that form the content of dialogue between texts, and attempts to define the status of a precedent phenomenon as a language means to explicate intertextual relations. It analyses the problem of the definition of intertextual means and studies the basis for comparing precedent phenomena and adapting text analysis and integration. It defines the status of precedent phenomena as language objectification of intertextual relations.

Key words: *precedent phenomenon; intertextual relations; text dialogue; criterial basis; language integration.*

Современная культура насыщена разнообразными информационными кодами, обрывками текстов, перекликающимися мотивами, пересекающимися между собой, вступающими в определенные отношения с целью порождения нового. Сотканное из обрывков других текстов, опытов, отсылок, воспоминаний, современное семиотическое и культурное пространство перенасыщено заимствованной составляющей, находящей свое отражение в текстах других эпох. Данный факт приводит к тому, что исследователь или реципиент текста XXI века имеет дело с текстовым пространством как традиционным объектом филологического и гуманитарного анализа и интерпретации, а также с тем его слоем, образованием, которое носит название подразумеваемого текста как

знакового комплекса, насыщенного иносемиотическими формулами и кодами [1]. Многочисленны и определения, служащие для отражения присутствия одного семиотического пространства в другом, – интертекст, инотекстуальность, фенотекст, генотекст, многие из которых, изначально представлявшие собой метафорически-иносказательные способы отражения логических связей между текстовыми пространствами, в данный момент являются закрепленными в лингвистической среде терминами, представляющими различные виды текстового взаимодействия. Несмотря на значительное количество работ, отражающих проблему присутствия «чужого слова» в заимствующем тексте, на настоящий момент вопросы, связанные с установлением сущности данных единиц, их отношения к тексту-реципиенту, определением видов межтекстовых отношений, формируемых на основе данных средств в современном текстовом пространстве XXI века, представляются недостаточно разработанными, обуславливающими возможность дальнейшего изучения и классификации.

Для решения подобных проблем в литературоведческом и общепило-софском аспекте послужили исследования диалогичности. Данный термин не только фокусировал внимание исследователей на двусторонности текстовых отношений и обращенности текста, в том числе и на самого себя, но и способствовал последующему осмыслению герменевтики текстового пространства: в языке постоянно осуществляется «соотнесение с иными реальностями, взрывающими официальную, прямую, «приличную» поверхность слова» [2, с. 493]. Дальнейшее изучение проблемы соотнесенности текстов друг с другом позволило продолжить исследование межтекстовых связей. Еще одной метафорой, зародившейся как попытка установления отношений между текстовыми фрагментами, служит диалог текстов, который представляет собой удачную метафору для описания текстового взаимодействия, поскольку диалогичность как понятие, традиционное для исследований речи и речевых актов, направлена на диалогический обмен высказываниями в рамках определенной ситуации, где ключевым является фактор ситуации, активизирующий роль адресата в речевой деятельности адресанта [3, с. 135]. Подобным образом в ролях адресата и адресанта могут выступать тексты как семиотические сущности, что также может предполагать взаимообмен и взаимообогащение их фрагментами друг друга. Помимо диалога текстов как сущностей, имеющих семиотическую природу, фрагменты чужих текстов являются объективно опознаваемыми в большинстве текстов если не на семантическом, то, в первую очередь, на формальном уровне, а способность опознавать «диалогичный» текстовый фрагмент обуславливается жизненным опытом, багажом школьных знаний, литературной эрудицией, вкусом и зависит от выработанного у реципиента навыка критического отношения к прочитанному [4, с. 24].

Наиболее явными средствами, обеспечивающими диалог текстов XXI века, являются межтекстовые связи, благодаря которым представляется возможным проследить текстовый диалог в содержательном и формальном отношениях

[5, с. 173]. Под межтекстовыми связями понимаются содержащиеся в том или ином конкретном тексте, выраженные с помощью определенных словесных приемов отсылки к другому конкретному тексту (или к другим конкретным текстам [6, с. 72]. Содержательный аспект диалога текстов репрезентируется в широком спектре феноменов, исследуемых как в литературоведении, так и в лингвистике, и представляет собой разнообразные тематические переключки, детализации или конденсации различных сведений, дополнения, опровержения, манифестированные через специфическое использование языковых средств или особых приемов. Формальный диалог текста отражает то, как в разных коммуникативных условиях реализуется один и тот же тип текста при пародировании или сатире, ремейке или вариациях на тему [5, с. 174]. Диалог текстов может быть распознан реципиентом в соответствии с реализацией единиц, эксплицирующих связи разного типа, позволяющих, с одной стороны, заимствовать фрагмент, обладающий особым содержательным и кумулятивным потенциалом и способствующий приращению формального и содержательного текстового плана, и, с другой стороны, репрезентировать определенные культурные установки, ценности, ориентации, свойственные пространству современной культуры. Единицы подобного типа носят название прецедентных и, как следует из их канонического определения, являются значимыми для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, хорошо известны широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и обращение к ним возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [7, с. 216].

Способность текста включаться в сеть разнородных межтекстовых связей приводит к возможности распознавания данного типа связей по разнородным критериям. Критериальные основания, по которым предпринимается выделение межтекстовых связей, предполагают учет когнитивных, интеракционных, языковых и текстограмматических характеристик. Под когнитивными основаниями понимается то утверждение, что организация любого конкретного текста опирается на представления и знания, которые являются полностью или частично общими для всех носителей языка и культуры. Помимо знаний, особое значение в реализации средства выражения межтекстовых связей играет образ как индивидуальный или коллективный феномен освоения предметной действительности в целях осуществления культурной и межкультурной коммуникации. Образность и образная оценочность, закрепленные за определенным текстовым фрагментом, могут предполагать различное образно-оценочное восприятие понятия с точки зрения представителей разных культур: *Stoltz was right. The play did not share the bleakness or scepticism of Lázár's earlier work, and much of the reason lay with the character of György, a man who in his youth might have served as a model for a classic Soviet worker-hero, and seen himself sculpted in monumental brass for a public square, but forty years on, unillusioned, free of all dogma, he is merely decent, with the kind of gut courage and gut morality Camus endorsed* 'Штольц был прав. В пьесе не было той мрачности или скептицизма, так характерных для раннего творчества Лазара, и в значи-

тельной степени причиной был характер Георгия, человека, который в молодости мог бы служить образцом классического советского героя рабочего класса и увидеть себя в монументальной бронзе на одной из площадей, но спустя сорок лет, избавленный от иллюзий, свободный от догм, он просто порядочный человек, с той природной храбростью и моралью, которая воспета у Камю¹ [10, р. 48]; *Чё господа предпочитают в это время дня? Белое? Кампари? Виски? Может быть, мартини с водкой, смешать, но не взбалтывать? Мартыныч – просто закачаешься. Как слеза комсомолки, ей-право* [11, с. 158–159]. Данные примеры иллюстрируют значительные культурно обусловленные расхождения в отношении оценочности прецедентных феноменов, представленной в рамках сферы-источника «Советский Союз» (внешний вид увековеченного в бронзе образа советского рабочего апеллирует к высоким стандартам морали и уровню личной ответственности, в то время как образ девушки-комсомолки имеет ироничный оттенок). Вместе с этим, прецедентные феномены, имеющие в качестве сферы-источника широко растиражированные мифологические и религиозные сюжеты, демонстрируют меньшую оценочную вариативность в восприятии членов различных языковых сообществ: *Presumably he was counting off his daily quota of lengths, getting himself in shape, but it looked unprofitable, forlorn, like that Greek in hell who pushed a rock up the hill all day just to watch it roll to the bottom again* ‘По-видимому, он отсчитывал свою ежедневную норму дистанции, приводя себя в порядок, но это выглядело невыгодно, жалко, словно у того грека в аду, который катал камень в гору целый день лишь для того, чтобы убедиться, что он тут же скатится вниз’ [10, р. 100]; *...качусь кубарем, стремительно замыкая золотое кольцо жизни, иль, как Сизиф, упорно вздымаю свой гранитный валун к вершине, хотя и верно знаю, что не удержать его на коварной круче* [12, с. 330]. Таким образом, национально-культурные различия, представленные в языке и закрепленные за определенным прецедентным феноменом, с одной стороны, являются средствами обращения и трансляции культурных смыслов и ассоциаций, а также затрудняют или облегчают межкультурную коммуникацию. Данный тезис поддерживается положением о том, что в рамках определенной культуры слово может быть национально маркировано и иметь помимо основного денотативного значения еще множество дополнительных экстралингвистических значений, актуализирующихся у воспринимающего сознания только при наличии соответствующих фоновых знаний. Таким образом, прецедентный феномен представляет собой манифестирующийся в языке когнитивно-обусловленный феномен, имеющий в своей основе образную составляющую, способствующую аккумуляции, хранению и дальнейшей актуализации лингвистического и экстралингвистического фонового знания. Несмотря на многообразие и разнообразие знаний и представлений о различных предметах и связях между ними и тот факт, что «наборы» подобных знаний являются

¹ Здесь и далее перевод наш. – А. Т.

индивидуально обусловленными, ядро подобных наборов носит надиндивидуальный характер, позволяя осуществлять коммуникацию между членами одного или нескольких языковых сообществ [8, с. 43].

С другой стороны, интеракциональность подразумевает обращение к тексту как к результату деятельности, предполагающей реализацию языка как культурного кода. В рамках языка как кодовой системы возможно представить язык как систему сигналов всех уровней, где языковые единицы (фонемы, морфемы, лексемы) способны передавать информацию всем реципиентам, владеющим данным кодом [4, с. 30]. В свете описанного представляется возможным определить прецедентный феномен как явление, предусматривающее перекодировку – сперва прецедент кодируется по правилам исходного текста; но именно его вхождение в текст-реципиент предполагает трансформацию его коннотативного и семантического потенциала.

Языковые отношения между прецедентным феноменом и окружающим его текстовым пространством также вызывают ряд вопросов, связанных с сущностью прецедента и его смысловой репрезентацией. Особо важной в этом отношении представляется проблема диалогических отношений внутри лингвистического поля: «два высказывания, отдаленные друг от друга во времени и пространстве, ничего не знающие друг о друге, при смысловом сопоставлении обнаруживают некоторые отношения, если между ними есть хоть малейшая смысловая конвергенция» [9, с. 321]. При этом различные типы прецедентных включений обуславливают различный характер конвергенции в силу особенностей их структурной организации: прецедентное имя, носящее словный или сверхсловный характер, осуществляет смысловое сближение на основе эксплицированного или неэксплицированного атрибутивного компонента, реализующего номинативное сближение и перенос атрибута с одного лица или объекта на другой: *Розовые, распаренные физиономии с обведенными черным глазами выглядят фантастически; неожиданно Знаев понимает, что рядовой Алиев – весьма красивый парень, да и рядовой Сякера, уроженец Витебска, тоже практически Ален Делон, а рядовой Язбердыев в полупрофиль неотличим от Брюса Ли* [13, с. 362]. Схожим образом конвергенция наблюдается в случае реализации прецедентного текста, однако смысловое сближение в таком случае устанавливается вследствие знакомства с указанным источником путем апелляции к одному из многочисленных семантических признаков: *Те, что приличные люди, приходили к Витьке с доказательствами, сдохлыми курами, обернутыми в газету: «Плати, Витя, по четыреста рэ за убиенную душу». Ну, он сначала отдавал-отдавал... А когда денег ушло за пятнадцать тыщ, Витя позеленел и платить перестал: что-то, говорит, целая птицеферма задушенных тут набирается. Это вам что – архипеллаг-гулаг?* [14, с. 84]. Прецедентные ситуации, напротив, фокусируют внимание реципиента на одном или нескольких семантических признаках, нередко приводя источник подобного заимствования: *...а за ней – в букетах и венках, как майская утопленница, – выйдет та самая Нина* [14, с. 19].

Вопросы формально-смысловой интеграции прецедентного феномена в значительной степени затрагивают такое понятие, как проблема нового и границ нового в тексте. Исследование сущности прецедентного феномена и разнообразных аспектов его функционирования сводится к необходимости представления лексикографического комментария, поскольку введение и реализация в рамках текста новой информации не может рассматриваться вне учета общественных, научных, религиозных, исторических факторов, формирующих его связь с внетекстовой действительностью. Информативность прецедентного феномена, таким образом, представляется одной из наиболее значимых черт, связанных с его узнаваемостью. Данный фактор информативности может варьироваться в значительной степени, поскольку информативность также варьируется в зависимости от фактора адресата. В то время как для одного получателя включение в состав прецедентного феномена будет являться фрагментом новой информации, для другого сообщение будет лишено информации в силу низкого образовательного уровня или общей малопонятности. В этом отношении для облегчения установления межтекстовой связи и опознания прецедентного феномена могут использоваться графические способы экспликации данных связей с помощью маркирования фрагмента «чужого текста»: *Его больше интересовала та ночь, когда Люба решила меня зарезать. Вернее, не меня, а того несчастного иудея, в которого, по ее смутным предположениям, я превратился, лежа в ее постели. «Олоферн недорезанный» – было теперь мне имя* [15, с. 183].

В работах В. В. Красных особо отмечается, что, если в тексте идет апелляция к прецедентному феномену с дополнительной расшифровкой и комментарием, то для адресата он не представляется прецедентным. На наш взгляд, отсутствие маркирования границ текстового заимствования может указывать на частотность или высокую адаптивность прецедентного включения к текстовому окружению, но не служить способом определения статуса инотекстового фрагмента. Отсутствие маркирования границ прецедентного феномена служит одним из типичных способов его репрезентации, что происходит даже в рамках одной лингвокультуры и представляет определенную сложность для установления источника его заимствования. В то же время, учитывая принципиальную разнородность образовательного уровня конечного потребителя текста, в рамках демократизации языка, увеличения медийной нагрузки на современного реципиента и возрастающей динамики фонда прецедентных явлений, для современного художественного текста характерным является использование сопровождающего прецедентный феномен комментария, что, с одной стороны, служит фактором маркирования прецедента, с другой стороны, повышает его узнаваемость среди широкого круга реципиентов.

Повышающаяся семиотизация текстового пространства, фрагментация и использование все большего количества инотекстовых включений требует необходимость исследования семантической стороны прецедентных включений и способов их текстовой репрезентации. Комплексный подход к прецеден-

там как средствам выражения межтекстовых связей предполагает их изучение по нескольким критериальным основаниям, обуславливающим их природу и функционирование, к которым относятся когнитивный, интеракционный, языковой и текстограмматический планы. В когнитивном аспекте прецедентные языковые явления представляют собой языковые средства отражения сложных когнитивных образных структур, направленных на аккумуляцию, хранение и дальнейшую актуализацию лингвистического и экстралингвистического фонового знания. Семантическая интеграция прецедентного явления современного художественного текста происходит благодаря актуализации процесса конвергенции, предполагающего смысловое сближение инотекстового включения и окружающего его текстового пространства. Прецедентное имя имеет отчетливую признаковость репрезентации на основе переноса; конвергенция на основе прецедентной ситуации или прецедентного текста устанавливается путем выбора из или апелляции к одному из многочисленных семантических признаков, составляющих сущность феномена. Информативность прецедентного феномена предстает как необходимое условие его реализации и опознавания в пространстве, что ведет к использованию особых средств его маркирования. Наряду с отсутствием специфических способов маркирования прецедентного феномена в тексте-реципиенте, одним из способов его выделения служит использование кавычек в целях установления текстовых границ заимствования или привлечения особого внимания реципиента к выделяемому фрагменту.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин, М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа / М. М. Бахтин [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.infliolib.info/philol/bahtin/probltext.html#1>. – Дата доступа: 03.09.2020.
2. *Бахтин, М. М.* Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – 504 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь / Ин-т языкознания АН СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 685 с.
4. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И. Р. Гальперин. – М. : Наука, 1981. – 139 с.
5. *Гришаева, Л. И.* Межтекстовые и интертекстуальные связи как проявление диалога текстов / Л. И. Гришаева // Вестн. Санкт-Петерб. ун-та. Язык и литература. – 2019. – № 16 (2). – С. 172–187.
6. *Горшков, А. И.* Русская стилистика : учеб. пособие / А. И. Горшков. – М. : Астрель : АСТ, 2001. – 367 с.
7. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
8. *Красных, В. В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.
9. *Бахтин, М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

10. Miller, A. Oxygen / A. Miller. – London : Hodder & Stoughton, 2001. – 323 p.
11. Архангельский, А. Н. Бюро проверки / А. Н. Архангельский. – М. : АСТ, 2020. – 442 с.
12. Личутин, В. Беглец из рая / В. Личутин. – М. : Вече, 2017. – 640 с.
13. Рубанов, А. Патриот / А. Рубанов. – М. : АСТ, 2017. – 507 с.
14. Рубина, Д. Наполеонов обоз / Д. Рубина. – М. : Эксмо, 2019. – Кн. 1: Рябиновый клин. – 448 с.
15. Геласимов, А. Рахиль / А. Геласимов. – М. : Эксмо, 2016. – 352 с.

Поступила в редакцию 19.03.2021

УДК:811.161.3'42+811.111'42

Баханович Ангелина Сергеевна
аспирант кафедры белорусского языка
и литературы
УО «Минский государственный
лингвистический университет»
г. Минск (Беларусь)

Bakhanovich Angelina
Postgraduate Student
Department of the Belarusian language
and literature
Minsk State Linguistic University
Minsk (Belarus)

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ИРОНИИ В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ

LINGUOPRAGMATIC POTENTIAL OF IRONY IN BELARUSIAN AND ENGLISH LANGUAGE DISCOURSE

В статье анализируются языковые и коммуникативные характеристики иронии в свете теории интенциональности, что позволяет выявить и систематизировать реализуемые лингвопрагматические функции данного явления. Фактическим материалом послужили белорусские и англоязычные произведения А. Брава, А. Горвата, П. Васюченко, Х. Филдинг, С. Кинселлы, С. Фрая. Установлено, что декодирование иронии – это когнитивный механизм, реализация которого зависит от способности реципиента к интерпретации авторского импликационала.

К л ю ч е в ы е с л о в а : ирония; интенциональность; интерпретация; прагматический потенциал; прагматические функции.

The article analyzes the linguistic and communicative characteristics of irony from the point of view of the producer's intentionality, which contributes to identification and systematization of the implemented functions. The sources of ironic contexts were Belarusian and English works by the following authors: A. Brava, A. Horvat, P. Vasyuchenka, H. Fielding, S. Kinsella, and S. Fry. Decoding irony is a cognitive mechanism, the realization of which depends on the ability of the recipient to interpret the author's implication.

Key words: irony; intentionality; interpretation; pragmatic potential; pragmatic functions.

Ирония (греч. *eironeia* ‘притворство, насмешка’) – осмеяние; одна из форм отрицания. Отличительный признак иронии – двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый;

чем больше противоречие между прямым и подразумеваемым значениями, тем сильнее эмоциональная окрашенность высказывания. Мы определяем иронию как притворное изображение отрицательного явления в положительном виде с целью его осмеяния и дискредитации, основанное на выражении оценочного значения, заведомо контрастирующего с буквальным смыслом.

Прагматический аспект использования иронии заключается в том, что с ее помощью автор получает уникальную возможность выразить свое критически насмешливое отношение к описываемым объектам, событиям или реалиям, включая широкий диапазон эмоциональных оттенков (от притворного восхищения, легкой насмешки до злой издевки, шутки, намека, возмущения, неприязни, презрения, негодования). Выделяя функции иронии, отметим, что ирония – социально «маркированный способ коммуникации, с помощью которого говорящий инициирует особый тип взаимоотношений между всеми участниками» [1, л. 99]. В коммуникации ирония служит средством непрямого выражения как отрицательной, так и положительной оценки, что определяет ее функциональную направленность. Именно позиция говорящего и его коммуникативные намерения становятся отправной точкой при определении функции, которую реализует ирония в конкретной ситуации.

Само ироническое высказывание должно сигнализировать об отступлении от нормы, например, при помощи языковых средств, чтобы побудить адресата к поиску скрытого смысла. Л. Хатчеон выделяет ряд частных функций иронии, систематизированных по мере усиления интенциональности (общей предметно-смысловой направленности): усиливающая (*reinforcing*), усложняющая (*complicating*), развлекательная (*ludic*), дистанцирующая (*distancing*), самозащиты (*self-protecting*), раскрывающая суть объекта иронии (*provisional*), оппозиционная (*oppositional*), атакующая (*assailing*) [2]. Б. А. Гомлешко также фиксирует функции иронии, в которых заключена прагматическая нагрузка: оптимизация межличностных отношений; эксклюзивная (функция опровержения) – ирония как эффективное средство коммуникантов при доказательстве правильности занимаемой ими позиции; мотивация – способ имплицитного навязывания иронической оценки и побуждения адресата к самостоятельному выбору мотива для устранения недостатков, выступающих предметом критики; урегулирование разногласий – избегание излишней категоричности и определенности оценки; интимизация отношений – принятие предложения участия в иронической игре с характером доверия коммуникантов друг к другу [3].

Функции иронии детерминированы параметрами ее интерпретации, которые избираются реципиентом, поэтому отнесение контекста к той или иной функции субъективно, однако мы предприняли попытку систематизировать корпус выявленных белорусских и англоязычных контекстов, идентифицируя направленность имплицитной оценочности.

Выявленные функции можно представить в виде двух основных групп, объединенных преобладанием позитивных (выразить приязнь, сократить коммуникативную дистанцию) или негативных (выразить антипатию, само-

утвердиться) интенций продуцента (адресанта, говорящего). Границы между выявленными функциями представляются условными ввиду континуальности иронического дискурса.

Выделена такая функция, как **установление отношений авторитетности (доминирования)**, которая реализуется в иронической коммуникации посредством имплицитной критики, повышающей авторитет продуцента. С этой целью авторы художественных произведений применяют комплекс стилистических средств создания иронии: гиперболизация – *яна не дазволіць сабе памерці, пакуль не разлічыцца за машыну*; метафора – *арфа кахання; жанчына – крыніца натхнення трубадураў*. Тропы сочетаются с тактиками создания ироничности: очевидное завышение стилевого фона при помощи историзма – *трубадур*; иллюзия правдоподобности, выстроенная на предрассудках общественного или индивидуального сознания, – *ля культурнай чыстай сталіцы ўгналі аўтамабіль, закапаўшы гаспадыню пад ельнікам*; намеренный алогизм, не укладывающийся в рамки логического мышления, – *пакуль яна была з намі, яе быццам бы і не было*. Ирония начальства над подчиненными – один из способов демонстрации статуса и упрочнения главенствующей позиции, поэтому директор телеканала, на котором работает героиня, насмешливо комментирует ее отсутствие, добавляя язвительные замечания: *Гаворка пра Інгу Куродым, якую ўсе вы добра ведаеце. Пакуль яна была з намі, яе быццам бы і не было, такая казачная ўласцівасць гэтага полу. Нешта задарылася з жанчынай, крыніцаю натхнення трубадураў, арфай кахання, на чыіх плячах ляжыць вялікая стаўка. У яе няма нават коткі, затое ёсць машына маркі «Шкода Актавія». Яна за яе яшчэ не разлічылася і не дазволіць сабе памерці раней, чым гэта зробіць. Машына таксама пакуль не знойдзена ні ў выглядзе абгарэлых абломкаў, ні ў выглядзе запчастак, складзіраваных на торфбалоце, дзе пражываюць нашы грамадзяне цыганскай нацыянальнасці, якія цвёрда сталі на шлях выпраўлення. Мы верым, што машыну не прадалі падзельнікі, закапаўшы гаспадыню пад ельнікам, нядаўна ля нашай культурнай па-еўрапейску чыстай сталіцы адбыўся падобны выпадак. Вось пабачыце, Інга вярнецца да нас пасля адначынку ў Анталіі, загарэлая і ўсё такая ж аптымістычная, бо дзе яшчэ яна здолее столькі зарабляць?*

В англоязычном дискурсе также осуществляется данная функция. Дочь приезжает к матери со старомодным чемоданом, полным ненужных мелочей. Вечно молодящаяся мама уничижительно высказывается в адрес дочери, которая, по ее мнению, отстала от моды. Номинация «впавшая в нищету Мэри Поппинс» наделена негативным подтекстом. За счет ироничной критики в адрес другого персонажа посредством колкого сравнения, декодирование которого требует литературной осведомленности, начитанности, говорящий поднимает собственный статус: – *Oh, darling, you can't go around with that tatty green canvas thing. You look like some sort of Mary Poppins person who's fallen on hard times* – Доченька, ну куда годится эта зеленая холщовая торба! Ты с ней похожа на впавшую в нищету Мэри Поппинс'.

Следующая функция – **упрочнение позиции говорящего за счет опровержения позиции адресата**. Опровержение – рассуждение, направленное против тезиса с целью установления факта его ложности. Ироничное опровержение комбинирует эмоциональную и рациональную оценку, побуждая адресата самостоятельно осознать суть иронической критики, выявить недостаток. Так, опровержение определенного положения, тезиса, высказывания может сопровождаться упрочением связи со слушателем. К примеру, главный нарколог оспаривает статистические данные ВОЗ о первенстве страны по количеству алкоголя на душу населения. Опровержение снабжено ироничным риторическим вопросом и притворными восклицаниями: *Сусветная арганізацыя аховы здароўя ўручыла нам пальму першынства па колькасці ўжытых на душу алкалітраў. Праўда, галоўны нарколаг, сумленны чалавек, выступіў з абвяржэннем: «Гонар аказаны не па праве, так, мы бухаем, але хіба больш за іншых? Майце сорам, спадарства! Лаўры тут належаць не нам!»*.

В следующем англоязычном высказывании профессор Трефузис на вопрос ученика, будет ли он жульничать, отвечает показным, притворным опровержением, приводя следующие аргументы: *I'm an Englishman* ‘я англичанин’; *schoolmaster* ‘учитель’; *setting an example to his young charges* ‘подаю пример молодым подопечным’; *cricket – is the most artistic and beautiful game man ever devised* ‘крикет – самая артистичная и прекрасная из когда-либо придуманных игр’. Наигранное удивление формируется при помощи риторического вопроса и ложного восклицания. В итоге, противореча собственным доводам, профессор в ультимативной форме отвечает *of course I'll cunting well cheat* ‘безусловно, я буду жульничать’, подчеркивая абсурдность изначально заданного вопроса:

– ‘You won't cheat will you, sir?’

– ‘Cheat? Good heavens! This is an amateur cricket match amongst leading prep schools, I'm an Englishman and a schoolmaster supposedly setting an example to his young charges. We are playing the most artistic and beautiful game man ever devised. Of course I'll cunting well cheat. Now, give me my robe and put on my crown. I have immortal longings in me’.

‘– Но вы же не станете жульничать, сэр? – Жульничать? Боже милосердный! У нас любительский крикетный матч двух команд продгготовительных школ, а я англичанин и школьный учитель, которому следует подавать пример своим юным подопечным. Мы играем в самую артистичную и прекрасную из когда-либо придуманных игр. Безусловно, я буду жульничать. А теперь подай мне мантию, надень венец. Я весь объят желанием бессмертия’.

Такая функция, как **раскрытие сути объекта иронии**, часто коррелирует с акцентированием и высмеиванием наиболее выдающегося признака. В частности, в ответ на восторженный рассказ начальника о своем отпуске адресант иронии язвительно резюмирует, что все комплименты сводятся к еде и устройству туалетной комнаты. Продуцент подразумевает, что если других впечатлений нет, то отпуск был не слишком насыщенным: – «Люкс»

у мяне быў, скажу вам, ва ўнітаз, як у лютэрка глядзеўся. А што за беф-строганаў нам падавалі, ууу! А зразы, шашлыкі – ммм. На дэсерт шампанскае з клубніцамі, ооо! А лазенка, лазенка... у вясковым-та стылі...эхххх!

– Раблю выснову, што акрамя кухні і клазета, вы нічога ў тых паездках не пабачылі. Працэсы хоць не надта творчыя, але ўзаемазавязаныя.

В англоязычном дискурсе данная функция также успешно осуществляется. Иронизировать над более удачливой соперницей – единственный способ сохранить самообладание. Ироничность высказыванию придает сравнение помощницы мистера Дарси Наташи, обладательницы модельных параметров, с верблюдом: *She was so tall and thin she hadn't felt the need to put heels on, so could walk easily across the lawn without sinking, as if designed for it, like a camel in the desert* 'Она была такая высокая и стройная, что у нее не возникало необходимости надевать туфли на каблуках – ей удавалось идти по траве легко, не утопая в земле, словно она была создана для этого – как верблюд в пустыне'.

Обратим внимание на функцию **маскировки истинного отношения**, позволяющую говорящему избежать однозначного толкования своих суждений. С помощью иронического «кода» говорящий может избежать излишней определенности и категоричности, если не хочет звучать слишком жестко, грубо. К примеру, героиня Инга, с присущей долей комизма и сарказма, описывает желающих поучаствовать в «конкурсе позитива», которые никак не ассоциируются с названием мероприятия. Графическими сигналами критического отношения являются: слово *лякарства*, выделенное курсивом, а также взятые в кавычки слова *духоўнасць*, *мемуары*, *заставайцеся з намі* – свидетельство того, что включаются в текст не в прямом значении, а используются в ироническом смысле: *Для гэтага прыдуманы «конкурс пазітыву». Адстаўнікі, якія адточваюць набытыя на палігонах навыкі ў побытавых скандалах, заклікаюць мяне абудзіць у сабе «духоўнасць»; паэткі, у чых торбах набразгваюць бутлі з лякарствам для каханага, дэкламуюць вершы; ветэраны КПСС, эксгумаваныя кіраўніцтвам з невядомымі мэтамі, цягнуць мне свае «мемуары». Усе яны лічаць: заклікі дыктараў «Заставайцеся з намі!» трэба разумець літаральна.*

В англоязычном дискурсе на реальное отношение героини к секретарше своего возлюбленного также указывают графические сигналы: выражение *perfectly pleasant* 'вполне приятна', взятое в кавычки; авторский комментарий в скобках (*cow*) 'корова'. Данные сигналы в сочетании с нарочито доброжелательным настроением Бридж сигнализируют о наличии иронической двусмысленности и маскировке негативного отношения: *Am just so happy. Do not feel angry with Rebecca but generous and accepting. She is "perfectly pleasant" (cow)* 'Я так счастлива. У меня нет злобы к Ребекке, я великодушна и все прощаю. Она «вполне приятна» (корова)'.

Функция **урегулирования разногласий (избежание излишней категоричности)** является удобным и наглядным способом донести до коммуникантов свои пожелания и требования. Например, реплики героини минимизируют

строгость ультиматума ее бойфренда. Для того, чтобы склонить его к совместному проживанию, Алина приводит ироничные аргументы: *прызначым хамяку асобны пакой* – што можно истолковать как гиперболизацию или намеренный алогизм; *магу паклясціся на кулінарнай кнізе, што буду кожны дзень варыць табе рытуальны боршч* – аллюзия на клятву на Библии, чтобы подчеркнуть непреложность и торжественность своего обещания; высказывание *нішто не пагражае тваёй цнатлівай чысціні* явно имеет антифрастическое значение, исходя из контекста. Ирония, как способ убеждения или смягчения категоричности, может быть эфективна при условии, что продуцент не перейдет границу черного юмора, а реципиент верно распознает интенцию говорящего:

– *Я не гатовы прачынацца з табой у адным ложку!*

– *Гэта не праблема. У маёй невялікай кватэры цэлых чатыры пакоі, будзем спаць у розных, пакуль ты да мяне не прывыкнеш. А як захочаш завесці сабе хамяка, мы яму таксама прызначым асобны пакой.*

– *Навошта мне хамяк?*

– *І праўда, хто за ім будзе глядзець! Я амаль не бываю дома. Так што нават і не ведаю, калі мы зможам з табой апынуцца ў адным ложку. Бачыш – тваёй цнатлівай чысціні нішто не пагражае. Канешне, я не магу паклясціся на кулінарнай кнізе, што буду кожны дзень варыць табе рытуальны боршч.*

Избежание категоричности – способ уклониться от морального травмирования адресата, выражая критику имплицитно. В романе «Шопоголик на Манхэттене» Люк иронично и ненавязчиво дает понять своей девушке, что ее медленное вождение провоцирует пробку на дороге. Тем не менее женская манера управления транспортным средством часто становится предметом комического осмеяния: *“My petal,” says Luke beside me. “You’re causing a traffic jam” I glance into my rear mirror – and there are three cars creeping along behind me. Which is ridiculous, because I’m not going that slowly. “Try moving it up a notch,” suggests Luke. “Ten miles an hour, say?”* – Солнышко, – Люк наклоняется ко мне, – из-за тебя выстроилась очередь. Я смотрю в зеркало заднего вида и замечаю, что за мной ползут целых три машины. Не понятно, с чего бы это – не так уж медленно я еду! – Попробуй немного прибавить скорости, – предлагает Люк. – До километров двадцати в час для начала?’

Ирония в белорусском и английском контекстах выполняет функцию **самозащиты**. Ироничным ответом продуцент понижает градус деструктивной критики в свой адрес, вербально оправдывает свои действия или отстаивает интересы. Он защищается от обобщенного упрека в адрес «всего мужского рода» и при помощи насмешливого олицетворения *ў тэатры тонкая душэўная арганізацыя ёсць нават у швабры* переводит разговор в игровое русло:

– *Іосіфаўна, у мяне тэмпература трыццаць восем, як у Турцыі.*

А яна мне: – ну і мужыкі пайшлі! З тэмпературай трыццаць восем не могуць выйсці на працу!

– *Гэта не завод – гэта тэатр, дзе тонкая душэўная арганізацыя ёсць нават у швабры.*

Нижеприведенное высказывание принадлежит Теду Уоллису, обладателю солидной комплекции, однако он не комплексует по поводу фигуры, далекой от канонов красоты, а самоутверждается за счет высмеивания полных людей и утрирования их размеров. Язвительный комментарий в сторону собеседника защищает говорящего от принятия собственной проблемы с лишним весом: *Given our respective weights, it would probably be fairer if the horse got on my back and rode me* ‘При нашем весовом соотношении, – ответил я, – будет, возможно, честнее позволить лошади взгромоздиться мне на спину и прокатиться немного’.

По параметру интенсификации экспрессивности можно выделить отдельную функцию **усиления юмористического эффекта (развлекательную)**, которая актуализируется параллельно с осуществлением любой другой и является причиной частого объединения иронии с юмором, то есть описания ее в рамках этической категории комического.

Противоречие здравому смыслу без интенции упрекнуть или высмеять недостаток может реализоваться вышеприведенной функцией. Например, комичная ситуация, когда бабуля, не помня, когда именно день поминовения усопших, каждую пятницу ставит на стол кутью (кутья – традиционное блюдо православной поминальной трапезы): *Мая баба Ганна казала, што на пятніцах напярэдадні вялікіх царкоўных святаў трэба пакідаць куццю на сталe для продкаў. Але бабуля не ведала, калі тыя святы, і пакідала куццю штопятніцу.*

Игровой эффект в следующем примере достигается благодаря пародийному совмещению двух ситуаций: полицейского допроса и телевизионного интервью. Массмедиаальный дискурс в данном примере накладывается на профессиональный дискурс работников правоохранительных органов. Поскольку между данными типами дискурса существует явный контраст, то ирония возникает за счет утрирования одного из них, что является сигналом наличия дополнительного смысла и одновременно развлекает читателей: *Have just been interviewed in my flat by police officers. Started behaving like people who are interviewed on the television after plane crashes in their front gardens, talking in formulaic phrases borrowed from news broadcasts, courtroom dramas or similar. Found myself describing my mother as being “Caucasian” and “of medium build”* ‘Только что меня допрашивали полицейские прямо у меня в квартире. Я вела себя, как люди, которые дают телевизионные интервью после того, как на лужайку перед их домом рухнул самолет, выражаясь официальными фразами, позаимствованными из телепередач, судебных разбирательств и других подобных источников. Поймала себя на том, что описываю маму как «женщину европеоидной внешности» и «среднего телосложения»’.

Проведенный анализ фактического материала позволил систематизировать функции иронии, показанные на рисунке.

Функциональный потенциал иронии

Основываясь на примерах, выявленных в разноструктурных языках, можно предположить, что реализация лишь одной из вышеприведенных функций не противоречит параллельному осуществлению других. Например, любая из приведенных функций может сопровождаться процессами ее интенсификации. Ирония полифункциональна, так как маскировка истинного отношения может быть сопряжена с развлекательной функцией, при этом первая обязательна, вторая факультативна.

Анализ фактического материала показал, что иронический тип общения – наиболее подходящее средство для решения коммуникативных задач, которые невозможно разрешить без обращения к имплицитным смыслам, подтексту. Продуцент обращается к иронии, чтобы извлечь выгоду из неоднозначности трактовки. При помощи иронии можно не только избежать тривиальных суждений, продемонстрировать незаурядность ума и гибкость мышления, но и снизить официальность сообщения, сократить коммуникативную дистанцию между говорящими, чтобы, не нарушая принципов кооперативности общения, устанавливать и упрочнять дружеские связи.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шилихина, К. М.* Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / К. М. Шилихина. – Воронеж, 2014. – 399 л.
2. *Hutcheon, L.* The Complex Functions of Irony / L. Hutcheon // *Revista Canadiense De Estudios Hispánicos*.– 1992. – Vol. XVI, 2. – P. 219–234.
3. *Гомлешко, Б. А.* Прагматические функции иронии в тексте / Б. А. Гомлешко // *Вестн. Адыг. гос. ун-та.* – 2008. – Вып. 3 (31). – С. 11 – 13.

Поступила в редакцию 18.03.2021

УДК 81.42

Дединкин Александр Леонидович
кандидат исторических наук, доцент,
директор филиала
Витебский филиал Международного
университета «МИТСО»
г. Витебск, Беларусь

Dedinkin Alexander
PhD in History, Associate Professor,
Branch Director
Vitebsk Branch of the International
University “MITSO”
Vitebsk, Belarus
alexanderdedinkin@yandex.by

ЯЗЫКОВАЯ ЭКСПЛИКАЦИЯ ОБРАЗА «ЧУЖОГО» («ВРАГА») В СОВРЕМЕННОМ ЭКСТРЕМИСТСКОМ ДИСКУРСЕ

LINGUISTIC EXPLICATION OF THE IMAGE OF AN “ALIEN” (“FOE”) IN MODERN EXTREMIST DISCOURSE

В статье рассматривается использование в экстремистском дискурсе базовой архетипической оппозиции «свой – чужой (враг)». Основными приемами вербализации образа врага являются: подмена понятий, осмеяние или деаксиологизация символов, вербализация негативных характеристик, использование конструкций субъективизации информации, мифологизация текста и футуризация его содержания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *экстремистский дискурс; образ «чужого» («врага»); оппозиция «свой – чужой»; языковая экспликация; вербализация образа врага.*

The article examines the basic archetypal opposition “friend – alien (foe)” in extremist discourse. The main methods of verbalizing the image of a foe are: substitution of concepts, ridicule or deaxiologisation of symbols, verbalization of negative characteristics, use of constructions subjectivating information, and mythologization of a text and futuriation of its content.

Key words: *extremist discourse; image of an “alien” (“foe”); opposition “friend – alien”; linguistic explication; verbalization of the image of a foe.*

Разжигание расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни – одно из преступлений экстремистского характера, направленное против безопасности человечества.

Учеными, и в первую очередь филологами, в рамках такого прикладного научного направления, как лингвистическая экспертиология, разрабатываются соответствующие методики оценки текста на предмет наличия в нем признаков

экстремизма. Задачи эксперта-лингвиста состоят в выявлении информации, возбуждающей вражду или рознь по тому или иному признаку. В отсутствие общепринятой методологии исследования экстремистского дискурса мы предлагаем подходить к его анализу через базовую архетипическую оппозицию «свой – чужой». В. А. Маслова утверждает, что данная оппозиция строит мир, цементирует культуру [1, с. 10]. По мнению Ю. С. Степанова, противопоставление «свои – чужие» является одним из главных концептуальных представлений любого народа [2, с. 126].

Цель данной статьи – представить способы языковой экспликации образа «чужого» («врага») в оппозиционном сопоставлении с понятием «свой».

В процессе диалога каждая культура (понимается нами максимально широко, включая социально детерминированные субкультуры, институциональные культуры и т.п.) вырабатывает своеобразный «иммунитет» к другой культуре, не допускающий чуждых элементов. «Свое» – это близкое и понятное, «чужое» – неизвестное и опасное. «Свое» – это «мой» мир, а «чужое» – «враждебный» мир. Именно вокруг этих двух концептуальных категорий строится бытие человека.

Диалог между «своими» и «чужими», по А. Шюцу, заключается в том, что «свое» переживание и сознание есть реакция на переживание и сознание «другого». В данном случае установка «я» по отношению к «чужому» определяется как «враждебная» [3, с. 446].

Анализ диспозиции «свой – чужой» представлен в трудах П. Бергера и Т. Лукмана. Основу данной теории составляет утверждение, что формирование в сознании обобщенного «чужого» становится решающим фактором социализации и обретения коллективной идентичности [4, с. 207–212]. Ю. Хабермас рассматривает дискурс «свой – чужой» с позиции социокультурной природы и динамики коммуникации. По мнению автора, равное уважение к каждому должно распространяться не только на себе подобных, но и на других в их «инаковости». Солидарное поручительство за «чужого» как за одного из «своих» является основой позитивного диалога культур [5, с. 47–48].

О взаимодействии культур по типу «свой – чужой» говорится в исследованиях М. М. Бахтина. Отношения взаимотерпимости, по мнению автора, помогут избежать риска «онтологического одиночества неузнанности», а также риска эксплуатировать «чужого» в качестве единственного инструмента самопознания [6, с. 112–118]. Таким образом, межкультурные коммуникации содействуют встрече «своей» культуры с «чужой» при сохранении самобытности обеих.

По мнению Л. М. Голикова, оппозиция «свой – чужой» включает механизм идентификации на уровне реакции «хороший – плохой». В результате образуется единый оценочный образ «идеал – враг». Оценка содержания экстремистского текста заключается в выявлении оппонентов [7].

В трудах Л. И. Гришаевой утверждается, что в результате взаимодействия с «другой» культурой у реципиента формируется к ней свое отношение, которое детерминируется специфическими различиями. Таким образом, диффе-

ренциация «свой – чужой» – «это маркирование себя самобытными формами своей культуры, что является основанием для самоидентификации» [8, с. 12]. Именно этот подход мы попытались экстраполировать в современную юрлингвистику. Кроме того, нами использованы реальные примеры из практики экспертных исследований, что позволяет «не отрываться» от категории языковой личности [9, с. 364].

Современный экстремистский дискурс строится на диспозиции: «свой – чужой», вариантами которой являются «друг – враг», «мы – они». К примеру, в межнациональных отношениях анализ реализации данной антиномии способен выявить ассимиляцию, интеграцию, сепарацию, а в межконфессиональных отношениях – толерантность или религиозную неприязнь. Адресатами экстремистского дискурса являются как потенциальные единомышленники («друзья», «свои»), так и противники («враги», «чужие»). Среди «своих» автор распространяет информацию, возбуждающую вражду или рознь в отношении противников. Таким образом, «свои» представляют собой доминантную группу. «Чужие» («враги») являются объектами экстремистского воздействия, составляя тем самым рецессивную группу.

С концептом «свой – чужой» связаны такие категории, как «идентификация» и «идентичность». В процессе идентификации происходит осмысление человеком себя самого, осознание принадлежности к определенной группе, осуществляемое, как правило, на фоне контактов с представителями иной группы. Действительно, «свое» легче познается на фоне «чужого». В итоге формируется коллективная идентичность, под которой мы понимаем способность психики человека выражать то, как он представляет себе свою принадлежность к той или иной группе. Как отмечает Я. Ассман, коллективная идентичность представляет собой образ, который группа конструирует относительно самой себя и с которым идентифицируются все члены этой группы [10, с. 216–224].

«Чужое» воспринимается человеком по-разному. Здесь возможны и интерес, и безразличие, и отторжение, и неприятие. Как минимум, отношение к чужому является настороженным, а зачастую – негативным (особенно в том случае, когда «чужое» угрожает «своему»). Исторический опыт свидетельствует, что опасность, исходящая от «чужого», составляет социокультурный контекст для формирования «образа врага».

Следует отличать понятия «враг» и «образ врага».

Термин *враг* соотносится с понятием «вражда», включающим в себя «отношения и действия, которые мотивированы чувством неприязни, ненависти, злобы» [11]. «Враг» – это актор, представляющий собой реальную или мнимую угрозу самому существованию индивида, группы, социума, носитель антигуманных свойств и качеств. «Враг» может ассоциироваться с конкретной личностью, группой, государством, идеологией, общественным строем и другими объектами. Он представляется дефективным или агрессивным, но в любом случае – вызывающим отрицательные эмоции.

Существует два уровня взаимодействия с врагом: пассивный и активный. Пассивный уровень подразумевает оценку уровня опасности со стороны врага, прогнозирование его возможных негативных воздействий на группу «своих».

В данном случае враг наделяется дефективными чертами, что на уровне дискурсивной вербализации не предполагает призывов к физическому воздействию в отношении рецессивной группы. Активный уровень связан с действиями, направленными на сдерживание врага, нанесение ему ущерба или его ликвидацию. Оценка врага как агрессивного оппонента реализуется в вербальных призывах к активному физическому противостоянию.

«Образ врага» – это оценочная характеристика, сформированная в общественном сознании с позиции экстремистского дискурса. Образ врага, как правило, конструируется авторами экстремистских текстов, а уже затем поддерживается членами той или иной группы. «Враг» и его «образ» могут значительно отличаться друг от друга, так как восприятие отражает не только объективную реальность, но и оценочные интерпретации, и эмоциональные компоненты перцепции. Кроме того, на формирование образа врага оказывают влияние стереотипы и установки, мифы и предрассудки, присущие массовому сознанию. Необходимо учитывать, что восприятие «врага» опосредовано многообразными источниками информации (например, СМИ), которые могут целенаправленно формировать определенный имидж.

Формирование образа врага приобретает особую значимость для осознания членами той или иной группы своего единства. Подобную идею сформулировал Г. Зиммель, который указал на значимость внешней угрозы для внутригрупповых процессов. Исследователь выдвинул парадоксальный тезис о том, что определенные группы могут быть заинтересованы в существовании врага, а его уничтожение может означать разрушение собственной группы [12, р. 98].

Настойчиво формируемый образ врага повышает не только внутреннюю солидарность, но и управляемость социальной группы, становится своеобразным пропагандистским мифом, мощным орудием манипуляции. В результате подобного воздействия у объекта формируются определенные мотивационные состояния, побуждающие его к желательному для субъекта воздействию поведению.

Анализ фактического материала (прецедентные случаи проявления экстремистского дискурса в отечественном и зарубежном коммуникативном пространствах; данные, полученные лично в процессе проведения судебных лингвистических исследований) показывает, что авторы экстремистских текстов при создании «образа врага» используют целый ряд способов манипуляции, применяя соответствующие языковые приемы.

1. Подмена понятий, когда вместо реальных виновников происшествия (возможно, кого-то из «своих») обвиняются «чужие». К примеру, в войнах и терактах авторы экстремистских текстов в безапелляционном варианте обвиняют, как правило, выходцев с Кавказа:

Кавказцы – бесполезная нация. Они ничего не производят, а только потребляют. Если их всех стереть с лица земли, никто и не заметит, ибо мир ничего не потеряет. Наоборот, станет лучше. Будет меньше войн, меньше крови.

2. Осмеяние или деаксиологизация символов. Примерами могут служить карикатуры на пророка Мухаммеда или перечеркнутые изображения символов ислама – полумесяца и звезды.

3. Вербализация негативных характеристик, когда авторы экстремистских текстов приписывают членам рецессивной группы лишь отрицательные качества. К примеру, в отношении цыган стереотип настолько силен, что укоренился в языке с такой оценкой, как цыганщина:

Цыгане занимаются грабежами, наркоторговлей, незаконным хранением оружия. Обычные занятия цыганок – гадание, попрошайничество и воровство детей. За отказ от гадания цыганки проклинаят.

4. Использование конструкций субъективизации информации в качестве аргументации. Изначально манипулятор использует категории «вероятно», «возможно», «скорее всего» (*мусульмане, скорее всего, объявили новый джихад против христиан или китайцы, вероятно, хотят захватить наши земли, чтобы расширить свое жизненное пространство*). После множественных упоминаний подобных конструкций последние становятся «обоснованными» утверждениями.

5. Мифологизация текста с целью воздействия на эмоциональный мир реципиентов. К примеру, используется миф о мировом сионистском правительстве, существовании заговора, участниками которого являются евреи. Конечной целью такого заговора называется истребление белой расы:

Все евреи заодно, они склонны к заговорам, связаны круговой порукой и помогают своим по крови. При этом они сами ничего полезного не производят, а едят русский хлеб. Они не любят русских, государство, в котором живут, и склонны к предательству, зачастую с помощью или по просьбе своих родственников на Западе. При случае они готовы бежать за границу со всем накопленным в России богатством.

6. Футуризация текстового содержания, когда авторы в экстремистском дискурсе при формировании образа врага информируют о «готовящихся провокациях» со стороны «чужих». К примеру, среди футбольных болельщиков распространяется информация об ожидаемых агрессивных действиях сотрудников милиции во время проведения ближайшего спортивного мероприятия:

Будьте внимательны! ОМОН с дубинками будет нападать со спины. Начнут всех валить по беспределу.

7. Семантическая компиляция. При формировании образа врага авторы экстремистских текстов могут использовать неактуальные сюжеты применительно к текущим событиям. В креолизованных текстах зачастую наблюдается наложение на ранее демонстрируемое видео (к примеру, погромы, учиненные мигрантами в европейских городах) новой звуковой дорожки с необходимыми автору комментариями (к примеру, о необходимости изгнания мигрантов из России).

8. Указания на единение с аудиторией, когда авторы ссылаются на коллективное мнение («общепризнано, что браки славянских девушек с «черными» приводят к вырождению белой расы...») или результаты псевдосоциологических исследований:

90 % жителей России отрицательно относятся к вступлению в брак с представителями других рас, национальностей и религий.

Таким образом, ключевым признаком экстремистского текста является оппозиционность доминантной и рецессивной групп («своих» и «чужих»). Формируемый образ врага является эффективным средством разжигания расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни. Авторы экстремистских текстов при создании образа врага чаще всего прибегают к таким приемам вербализации образа врага, как подмена понятий, осмеяние или деаксиологизация символов, вербализация негативных характеристик, употребление конструкций субъективизации информации, мифологизация текста и футуризация его содержания, использование семантической компиляции и указаний на единение с аудиторией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маслова, В. А. «Свой» и «чужой» – важнейшая оппозиция в лингвокультуре / В. А. Маслова // Гендер и проблемы коммуникативного поведения : материалы 6-й междунар. науч. конф., Полоцк, 27–28 окт. 2016 г. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: М. Д. Путрова [и др.]. – Новополоцк, 2016. – С. 10–13.
2. Степанов, Ю. С. Константы: словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академ. проект, 2004. – 992 с.
3. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М. : Рос. полит. энцикл., 2004. – 1056 с.
4. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
5. Хабермас, Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 417 с.
6. Бахтин, М. М. К философии поступка / М. М. Бахтин // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984–1985. – М., 1986. – С. 80–160.
7. Голиков, Л. М. Каковы признаки текстов и видеоматериалов экстремистского характера, размещаемых в социальной сети «ВКонтакте» / Л. М. Голиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vseдела.ru/index.php?topic=1696.0>. – Дата доступа: 07.02.2021.
8. Диспозиция «свой – чужой» в культуре / Воронеж. госуниверситет ; ред.: А. С. Кравец [и др.]. – Воронеж, 2007. – 257 с.
9. Лавицкий, А. А. Языковая личность делинквента как объект судебной лингвистической экспертизы: от теории к практике / А. А. Лавицкий // Перспективные направления современной лингвистики : сб. науч. тр. междунар. науч.-теорет. конф., Москва, 15–16 окт. 2020 г. / РУДН ; ред.: В. В. Воробьева [и др.]. – М., 2020. – С. 363–369.
10. Assmann, J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen / J. Assmann. – München : Beck, 2000. – 344 S.
11. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов [Электронный ресурс]. – 1-е изд. – СПб. : Норинт, 1998. – Режим доступа: <http://gramota.ru/slovari>. – Дата доступа: 02.01.2021.

12. *Simmel, G. Conflict and the Web of Group Affiliation / G. Simmel. – London : The Free Press of Glencoe Collier-Macmillan Ltd., 1964. – 195 p.*

Поступила в редакцию 12.03.2021

УДК 811.111'42 : 574(045)

Зиневич Надежда Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
доцент кафедры теории и практики
английского языка
Минский государственный
лингвистический университет,
Минск, Беларусь

Zinevich Nadzeya

PhD in Philology
Assistant Professor of the Department
of the Theory and Practice of the English Language
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Belarus
nadzusha@gmail.com

СПЕЦИФИКА РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ СУБЪЕКТНОСТИ В ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

PECULIARITIES OF ACTUALIZING THE SUBJECTIVITY CATEGORY IN ECOLOGICAL DISCOURSE

Цель статьи – установление типовых участников (субъектных позиций) коммуникации в экологическом дискурсе и определение степени их вовлеченности в решение экологических проблем. Анализ проводится на примере публичных выступлений экологических активистов с учетом теории критического анализа дискурса. Были определены основные субъектные позиции экологического дискурса и средства их языкового выражения. Исследование показало, что экологические публичные выступления отличаются высокой степенью инклюзивности и деятельностного потенциала участников, что напрямую соответствует жанровой специфике материала и основной цели экологического дискурса – продвижению идеи о необходимости защиты окружающей среды и формированию массового экологического сознания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *дискурс; экологический дискурс; критический анализ дискурса; категория субъектности; субъектная позиция.*

The aim of the article is to identify the primary participants (subject positions) in ecological discourse, their linguistic markers and functional potential. The analysis draws on the critical discourse theory and focuses on the genre of public speeches. The study has shown that ecological public speeches are profoundly inclusive and endow their subject positions with a high degree of agency. The findings are in full accord with the main goal of ecological discourse – that of raising public awareness and promoting the need to protect the environment.

К e y w o r d s: *discourse; ecological discourse; critical discourse analysis; the category of subjectivity; subject position.*

Стремительное развитие идей функционализма и антропоцентризма в гуманитарных исследованиях XX – XXI вв. привели к тому, что современная лингвистика значительно скорректировала предмет своего исследования. Так, уже стало аксиомой, что изучение изолированных языковых средств без учета определяющих их экстралингвистических факторов является малоинформативным. При этом акцент перемещается на выявление функциональных особенностей лингвистического материала. Соответственно, уже

недостаточно описать языковую единицу как средство простой репрезентации/отражения внеязыковой действительности: на первый план выходит понимание языка как инструмента для достижения определенных целей. В связи с этим углубляется и понимание широкого коммуникативного контекста, предопределяющего эти цели [1, с. 200–201]. Тем самым современные лингвистические исследования неизбежно пересекаются с антропологией, философией, социологией, политологией, психологией и другими науками, приобретая яркий интердисциплинарный характер.

Изменения в ракурсе лингвистического анализа нашли непосредственное отражение в современной когнитивно-дискурсивной парадигме, выдвигающей на первый план изучение сложного комплекса когнитивных и коммуникативных функций языковых явлений в их взаимосвязи. При этом основным объектом исследования становится не текст как структурное образование, а *дискурс*, представляющий не только результат, но и процесс формирования смыслов и передачи знаний [2, с. 7].

Вместе с тем необходимо учитывать и достаточно серьезные расхождения в различных пониманиях дискурса, что становится особенно очевидным в области формулирования конечных целей дискурсивной деятельности и определении роли ее участников. Так, участники могут определяться, во-первых, через чисто коммуникативные характеристики (например, говорящий/адресант, слушающий/адресат). Цель такого общения видится преимущественно в обмене информацией и достижении желаемого коммуникативного эффекта. Далее, дискурс может описываться через институциональную принадлежность его участников (например, политик, журналист, врач и т.д.) [1, с. 195]. В данном случае цель дискурсивной деятельности, очевидно, заключается в поддержании социального равновесия [3, с. 110]. И, наконец, крайней версией институционального подхода является концепция М. Фуко, лежащая в основе критического анализа дискурса. Согласно автору, вся дискурсивная деятельность определяется установками господствующих социальных групп, заинтересованных в сохранении своей власти. Иначе говоря, передаваемые в дискурсе ценности, нормы и модели поведения направлены на угнетение непривилегированных слоев общества. Дискурс в таком радикальном понимании не только позитивен (поскольку предоставляет готовые модели для познания окружающего мира), но и негативен, так как серьезно ограничивает познание и возможные действия участников установками власти [4; 5].

Общим для всех направлений дискурсивной лингвистики является фокус на экстралингвистическом контексте, в котором осуществляется речевая деятельность. При этом важнейшим объектом исследования признается человек-коммуникант в единстве разнообразных проявлений своей сущности (когнитивных, психологических, культурных, социальных, этнических, личностных и т.д.). Следовательно, в дискурс-анализе важное место отводится изучению категорий, непосредственно отражающих различные аспекты человеческого начала. Такие категории получили название *модусных категорий* (вслед за Ш. Балли, который под *модусом* понимал часть семантической структуры

высказывания, актуализирующую различные способы квалификации действительности говорящим) [6, с. 46]. Ядром модусных категорий можно считать категорию *субъектности*, содержание которой включает всех партиципантов дискурса [7, с. 13].

Остановимся далее на принципах описания участников коммуникации, релевантных для теории критического анализа дискурса (КАД). Если в русскоязычном дискурс-анализе роли партиципантов описываются преимущественно в контексте статусно ориентированных институциональных характеристик, то КАД отдает предпочтение конвенциональным ролям (*subject positions* – *субъектные позиции*), в трансляции и укреплении которых заинтересованы наделенные властью группы.

Субъектные позиции объясняют, как отдельные люди/группы людей категоризируются и, соответственно, наделяются возможностью действовать или ее лишаются в контексте конкретного дискурса [8, р. 425]. Например: «слабая женщина», «мигрант-преступник». В целом КАД разводит субъектные позиции по двум диаметрально противоположным полюсам – *угнетатель (опрессор)* или иная социально привилегированная группа vs. *угнетаемый (подчиняемый)* участник коммуникации [9, р. 121].

Перечень субъектных позиций по определению не может быть исчерпывающим, поскольку зависит как от конкретных условий реализации дискурсов, так и позиции исследователя. В экологическом дискурсе, например, можно выделить такую стереотипную субъектную позицию, как *человек – активный покоритель природы*. Соответственно, природа в результирующем уравнении будет пассивным «объектом». Анализ научного экологического дискурса в [8] позволил выявить такие субъектные позиции для описания населения, как *пассивный обыватель* ‘laggard’, *скептик/невежа* ‘sceptic; ignorant’, *усредненный потребитель* ‘ubiquitous consumer’.

Целью настоящей статьи является расширение списка субъектных позиций экологического дискурса, а также выявление деятельностного потенциала, которым они наделяются в рамках данного дискурса. Анализ проводился на материале десяти англоязычных публичных выступлений десяти экологических активистов-профессионалов и неспециалистов (Г. Тунберг, Дж. Морган, Д. Аттенборо, Л. Нойбауэр и др.). Общее количество проанализированных индикаторов категории субъектности составило 1092 единицы.

Анализ материала позволил установить следующих типовых участников коммуникации (субъектные позиции) в публичных речах: *говорящий; непосредственная аудитория; человечество в целом; авторитетный эксперт; обыватель-скептик; жертвы экологического кризиса; властные структуры*. Данные позиции выявлялись с помощью логико-семантического анализа и опоры на релевантные дискурсивные маркеры. К основным эксплицитным языковым индикаторам выявленных субъектных позиций можно отнести следующие:

говорящий – личные и притяжательные местоимения *I, me, my (mine)*, эмоционально-оценочная лексика (*critical, dramatic, delicate,*

fascinating, fundamental и т.д.), глаголы рече-мыслительной деятельности (*assume, believe, know, say, think* и т.д.), глаголы восприятия (*see, hear*), модальные глаголы и их эквиваленты (*can(not), could, have to, must, need*), модальные слова и выражения со значением степени уверенности и личного отношения (*apparently, of course, fortunately, it's clear that* и т.д.);

непосредственная аудитория – личные и притяжательные местоимения *you, your*, инклюзивные *we, our, you and I* (объединяющие говорящего и аудиторию), повелительное наклонение (*imagine, consider, let's...*), риторические вопросы и вопросно-ответные комплексы;

человечество в целом – инклюзивные местоимения *we, our, us*, обобщающие местоимения *everyone, everybody*, неопределенные местоимения *any, anyone*, номинации *our (the entire) world, humanity, humans, our population* и др.;

авторитетный эксперт – лексемы *experts, scientists, scholars; (modern) science, research, studies* (в метонимическом использовании); *justice fighters, activists, advocates, educators, physicians, green politicians, friends, neighbours, family, my heroes, indigenous people, local communities*, обобщающие номинации *my generation, our generation, young people* и др.;

жертвы экологического кризиса – личное местоимение *they*, номинации *the undeserved, the vulnerable, the poor (black and brown people), African-Americans* и др.;

властные структуры – личное местоимение *they*, местоимение *a few* (в контексте противопоставления ущемленному большинству), номинации *decision-makers, leaders, the world economy, stakeholders, financial institutions, industries, business groups, the wealthy part, politicians, banks, corporations, luxury apartment complex, the rich people, our economic and social systems* и др.;

обыватель-скептик – *the public, (some) people*.

Далее рассмотрим частотность актуализации выявленных субъектных позиций. Наиболее часто говорящий делает отсылку ко всему *человечеству* (в 25 % проанализированных случаев), к *себе лично* (23 %), своей непосредственной *аудитории* (16 %), *жертвам экологического кризиса* (14 %) и *авторитетному эксперту* (11 %).

Высокая употребительность субъектной позиции *человечество в целом* (25 %) напрямую связана с ее полным соответствием главной цели экологического дискурса – продвижению идеи о необходимости защиты окружающей среды и формированию массового экологического сознания [10, л. 86]. Так, отсылки к *человечеству* используются для акцентуации факта, что все люди ответственны за отрицательное воздействие на окружающую среду: *The rate of carbon dioxide increase in **our** atmosphere is unprecedented for **our** planet [AW].* В свою очередь, общая ответственность настоятельно предполагает необходимость совместных действий для предотвращения экологической катастрофы, которая неизбежно затронет каждого человека: *We'd have to fully decarbonize **our** economies by 2050 ... [LN].* Неслучайно поэтому в контекстах, отсылающих ко всему *человечеству*,

частотным является наречие *together*, подчеркивающее общность интересов, целей и возможных действий: *The global commons must be kept within their safe operating space, and we can only do it together* [NI].

В более узком плане отсылки ко всем людям также эффективны с точки зрения активизации и поддержания внимания, а также повышения риторического воздействия на непосредственную аудиторию, безусловно являющуюся частью человечества. Эти же коммуникативные цели преследуются и при прямом обращении к аудитории, что наблюдается в 16 % проанализированных случаев: *I can tell you one thing for sure <...>* [NI].

В ораторских выступлениях также закономерны частые отсылки говорящего к самому себе (23 %): *When I was about eight years old, I first heard about something called climate change or global warming <...>. So when I was 11, I became ill. I fell into depression, I stopped talking, and I stopped eating* [GT]. Повышенная субъективизация публичных речей является традиционным приемом, оказывающим рационально-эмоциональное воздействие на аудиторию и усиливающим общую убедительность обращения [11, с. 524].

В контексте экологического дискурса также важно то, что частое упоминание личной и профессиональной информации помогает говорящему повысить к себе доверие аудитории, показав на собственном примере возможный путь экологического становления, и предложить лично опробованные меры по сохранению окружающей среды: *<...> there was one someone who was different <...> and that was Greta Thunberg. I decided right there that everything else seemed hopeless and didn't seem to make sense, so I joined her climate strike right there at the conference* [LN].

Действенным путем привлечения внимания и повышения массовой экологической сознательности является подчеркивание серьезных проблем, возникающих в результате экологического кризиса. В этой связи закономерны достаточно частые (14 %) описания его жертв, которые могут включать как людей (*Then there was Jorge <...>. He had signs of worsening kidney function whenever he worked days on end on those hot streets due to dehydration* [CH]), так и природу (*These microbial ecosystems are changing in real and measurable ways* [AW]).

Очевидно, что жертвами экологического кризиса становятся не только отдельные люди, но и человечество в целом. В таком случае субъектные позиции жертв экологического кризиса и человечества в целом пересекаются, накладываясь друг на друга: *Climate change impacts us in four major ways. Directly, through heat, extreme weather and pollution; through the spread of the disease; through disruption of our food and water supply; and through disruption of our emotional well-being* [CH]. В данном отношении особенно важно то, что несмотря на угрозу катастрофы, говорящий не останавливается на констатации проблем, но часто идет дальше и предлагает пути их решения: *There is no reason we can't also apply this model of collaboration to address the health effects of climate change before it's too late* [CH].

Отсылки к авторитетному эксперту в публичном выступлении (в 11 % проанализированных случаев) необходимы для повышения объективности и убеждающей силы обращения, что становится возможным

за счет привлечения мнения стороннего специалиста: *Eighty-seven percent of scientists believe that humans are contributing to climate change* [MS]. Чаще всего в качестве такого специалиста выступают ученые, профессионалы из других областей, экологические активисты. Однако интересно, что авторитетным экспертом в экологических публичных выступлениях может быть и неспециалист: известный спортсмен, соседи, семья говорящего, а также местные сообщества-носители традиционного знания: *This necessarily means that we must learn to follow – not tokenize, not exoticify, not dismiss – the leadership and the traditional knowledge of a particular local place* [CP].

И, наконец, кратко рассмотрим «отрицательно заряженные» субъектные позиции властных структур и обывателя-скептика, которые занимают относительно невысокое положение в иерархии участников экологических публичных выступлений (9 % и 2 %, соответственно). Приведем пример актуализации субъектной позиции властных структур: *Decision makers and industries, leaders and politicians, they went back to business as usual, exploiting our livelihoods like there is literally no tomorrow, building coal power plants again and again <...>* [LN]. При этом важно то, что говорящий не только критикует привилегированные сообщества, но и не исключает возможности их привлечения к разрешению злободневных экологических вопросов: *Rich countries like Sweden need to start reducing emissions by at least 15 percent every year* [GT].

Реже всего (2 %) в публичных выступлениях экологической направленности встречается субъектная позиция обывателя-скептика: *... scientists and the public are so far apart on these science issues* [MS]. Интересно, что полученные в настоящем исследовании количественные данные противоречат результатам анализа англоязычного научного экологического дискурса, где было доказано, что субъектные позиции обывателя, скептика/невежи и усредненного потребителя занимают значимое место в конструировании учеными своей дискурсивной деятельности. Отсюда авторы исследования делают вывод о высокой степени недоверия научного сообщества широким массам в вопросе сохранения окружающей среды [8]. Видимое противоречие полученных результатов можно объяснить различными сферами реализации экологического дискурса: его научная разновидность по определению является более элитарной и ориентированной на узкого специалиста, чем рассматриваемые в данной статье публичные выступления, в первую очередь нацеленные на массовую аудиторию.

Таким образом, экологический дискурс – это совокупность коммуникативных практик экологической направленности, рассматриваемых в рамках широкого экстралингвистического контекста, их обусловившего. Важнейшим фактором внеязыковой подоплеку дискурсивной деятельности является человек в совокупности всего многообразия своих личностных, социальных, психологических, культурных и иных характеристик. Проследить различные

аспекты проявления человеческого начала в дискурсе позволяет категория субъектности, реализуемая, в частности, через релевантные для конкретного дискурса субъектные позиции.

В экологическом дискурсе наиболее частотными субъектными позициями являются человечество в целом, говорящий, непосредственная аудитория, жертвы экологического кризиса и авторитетный эксперт. Частые отсылки ко всему человечеству, разнообразный характер привлекаемых авторитетов и достаточно низкая конфронтационность позволяют сделать вывод о высокой степени инклюзивности публичных выступлений. Решение экологических вопросов в данном жанре экологического дискурса – не прерогатива элит, а дело максимально широкого круга людей, несущих общую ответственность за сохранение окружающей среды, жизненно важной для каждого человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
2. Карпилович, Т. П. Моделирование процесса смысловой компрессии текста: когнитивно-дискурсивный подход / Т. П. Карпилович. – Минск : МГЛУ, 2003. – 226 с.
3. Куссе, Х. Культуроведческая лингвистика / Х. Куссе. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2016. – 372 с.
4. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
5. Dijk, T. van. Discourse – Cognition – Society: Current state and prospects of the socio-cognitive approach to discourse / T. van Dijk // Contemporary Studies in Critical Discourse Analysis / ed. C. Hart. – London, 2014. – P. 121–146.
6. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.
7. Карпилович, Т. П. Коммуникативные категории научного дискурса / Т. П. Карпилович. – М. : МГЛУ, 2018. – 160 с.
8. Challenging conflicting discourses of climate change / A. Fleming [et al.] [Electronic resource]. – 2014. – Vol. 127, iss. 3–4. – P. 407–418. – Mode of access: https://ep-rints.utas.edu.au/10774/2/02whole_Fleming_PhD.pdf. – Date of access: 12.02.2021.
9. Stibbe, A. An ecolinguistic approach to critical discourse studies / A. Stibbe // Critical discourse studies [Electronic resource]. – 2014. – Vol. 11, iss. 1. – P. 117–128. – Mode of access: https://eprints.utas.edu.au/10774/2/02whole_Fleming_PhD.pdf. – Date of access: 10.02.2021.
10. Зайцева, А. В. Типология текстов экологического дискурса ФРГ : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / А. В. Зайцева. – Смоленск, 2014. – 253 л.
11. Дускаева, Л. Р. Ораторская речь / Л. Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М., 2003. – С. 523–527.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

1. AW – *White, A.* What ocean microbes reveal about the changing climate / A. White // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/angelique_white_what_ocean_microbes_reveal_about_the_changing_climate. – Date of access: 31.01.2021.
2. CH – *Holder, C.* The link between climate change, health & poverty / C. Holder // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.co-m/talks/cheryl_holder_the_link_between_climate_change_health_and_poverty. – Date of access: 31.01.2021.
3. CP – *Pichon Battle, C.* Climate change will displace millions. Here's how we prepare / C. Pichon Battle // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/colette_pichon_battle_climate_change_will_displace_millions_here_s_how_we_prepare. – Date of access: 31.01.2021.
4. GT – *Thunberg, G.* The disarming case to act right now / G. Thunberg // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/gre-ta_thunberg_the_disarming_case_to_act_right_now_on_climate_change. – Date of access: 31.01.2021.
5. LN – *Neubauer, L.* Why you should be a climate activist / L. Neubauer // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/lui-sa_neubauer_why_you_should_be_a_climate_activist#t-34992. – Date of access: 31.01.2021.
6. MS – *Shepherd, M.* Three kinds of bias that shape your world view // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/j_-marshall_shepherd_3_kinds_of_bias_that_shape_your_worldview. – Date of access: 31.01.2021.
7. NI – *Ishii, N.* An economic case for protecting the planet // TED: ideas worth spreading [Electronic resource]. – Mode of access: https://www.ted.com/talks/naoko_ishii_an_economic_case_for_protecting_the_planet. – Date of access: 31.01.2021.

Поступила в редакцию 09.03.2021

УДК 811.161'37:811.111(045)

Куц Александра Александровна
аспирант кафедры славянских языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Kuts Aliaksandra
Postgraduate Student of the Department
of Slavonic Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
sashenka_brest@tut.by

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ПОНЯТИЯ *VICTORY*, ПОБЕДА, ПЕРАМОГА: СОПОСТАВИТЕЛЬНО-ПАРАМЕТРИЧЕСКИЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

NATIONAL PECULIARITIES OF THE *VICTORY*, ПОБЕДА, ПЕРАМОГА CONCEPT: A COMPARATIVE-PARAMETRIC METHOD OF RESEARCH

В статье описываются особенности использования полевого подхода к системной организации английских, русских и белорусских лексических средств выражения понятия *победа*. Для выявления общего и специфического в семантике сравниваемых компонентов установлены типы соответствий лексико-семантических вариантов лексических единиц, обозначающих победу, и применен сопоставительно-параметрический метод их анализа. Индексы, указывающие на особенности семантики контрастивных пар, выражают количество эквивалентных, близких, приблизительных и допустимых соответствий в английском, русском и белорусском языках. Сопоставление одноименных индексов в разных языках дает возможность сделать вывод о наличии или отсутствии национальной специфики по данному параметру, а также о степени ее проявления.

Ключевые слова: *системная организация лексики; лексико-семантические варианты; сопоставительно-параметрический метод.*

The article describes the field approach peculiarities towards the systemic organization of English, Belarusian and Russian lexical means of the *victory* concept. To identify the common and specific features in the semantics of the compared components, the types of dictionary correspondences of lexical units denoting victory in English, Belarusian and Russian are established, and a comparative-parametric method of their analysis is applied.

Key words: *systemic organisation of the lexicon; lexico-semantic variants; comparative-parametric method.*

Национальная специфика семантики лексической единицы (ЛЕ) – это ее отличие по значению от сходных по семантике единиц языка сравнения [1, с. 54]. Изучение понятия *victory*, *победа*, *перамога* осуществляется посредством применения полевого подхода к системной организации лексических единиц, обозначающих победу в английском, русском и белорусском языках. Национальная специфика данных ЛЕ, а также общее в семантических полях «*Victory*», «*Победа*», «*Перамога*» выявляется на основании сопоставительно-параметрического метода исследования.

Источником материала для изучения понятий могут служить идеографические словари [2, с. 20–21]. Данный тип словарей «объективирует когнитивную модель мира в графической форме» [3, с. 19]. Для вербализации понятия *victory* был использован идеографический словарь М. П. Роже [4], для вербализации понятия *победа* – идеографический словарь О. С. Баранова [5]. На основании данных словарей были выявлены лексические единицы, обозначающие понятия *victory* (278 ЛЕ) и *победа* (253 ЛЕ). Соответствия лексико-семантических вариантов (ЛСВ), иначе их называют словарными соответствиями, – это близкие или идентичные по составу сем семемы лексем в двух языках, устанавливаемые по переводным словарям. 278 английским лексическим единицам соответствуют 328 единиц в белорусском языке на

основании англо-белорусского словаря [6], 253 русским единицам найдены 342 соответствия в белорусском языке на основании русско-белорусского словаря [7]. И в первом, и во втором списках слов повторяются 75 лексических единиц. К ним относятся следующие: *абарона, ажыццяўленне, арбітр, аўтарытэт, ахова, багацце, барацьба, барацьбіт, бітва, бой, вопыт, вынік, вянок, гайданне, гегемонія, герой, дар, доблесць, досвед, дужанне, за-ваёва, захоп, здзяйсненне, здольнасць, змаганне, змагар, змена, знаўца, калы-ханне, канец, кваліфікацыя, кубак, кульмінацыя, лаўры, лаўрэат, магчымасць, моц, мэта, падарунак, панаванне, перавага, перамога, пераможца / пера-можца, першыństwo, поспех, практыка, прывілея, прыз, прызёр, прызнанне, прыярытэт, прэстыж, раўнд, роля, рэферы, сіла, скон, спаборніцтва, старшыństwa, старшыństwo, суддзя, трыумф, тэхніка, удача, узагарода, улада, умеласць, умельства, уменне, уплыў, уражанне, урачыстасць, ушанаванне, фінал, хватка, чэмпіён.*

75 соответствий являются межъязыковыми знаками, так как совпадают по своей семантике с коррелирующими единицами в английском и русском языках. При сравнении 75 белорусских лексических единиц с английскими и русскими в английском языке обнаруживается 140 соответствий, а в русском – 100. В табл. 1 дан пример установления соответствий ЛСВ.

Т а б л и ц а 1

Пример соответствий ЛСВ

Слова, представляющие понятие <i>victory</i>		Белорусские ЛСВ соответствия		Слова, представляющие понятие <i>победа</i>
hero	→	герой	←	герой
champion	→	чэмпіён	←	чемпион
triumph	→	урачыстасць	←	празднество+торжеств- во
laurels +bays	→	лаўры	←	лавыры

Выявленные межъязыковые соответствия репрезентируют общее в объективации победы лексическими средствами разнотипных неродственных языков. «Повторяющиеся соответствия либо закономерно повторяющиеся несоответствия параллельных переводов позволяют делать выводы о членении универсальных смысловых зон формальными средствами конкретного языка» [8, с. 13]. Смысловая зона «Перамога» представлена 595 лексическими единицами белорусского языка, что может служить основой для создания фрагмента статьи «Перамога» белорусского идеографического словаря.

В свете полевой теории слово представляется минимальной зависимой единицей, существующей лишь благодаря целому: «чтобы понять значение отдельного слова, надо представить все поле и найти в его структуре место этого компонента» [9, с. 159, 185]. Лексико-семантическое поле (ЛСП)

структурируется лексико-семантическими вариантами. Поэтому одна и та же лексема может входить в разные группы одного ЛСП. На основании анализа межъязыковых соответствий, обозначающих победу в английском, русском и белорусском языках, были установлены 8 одноименных лексико-семантических групп (ЛСГ): «Names of people»/«Номинации лиц»/«Назвы асоб»; «Articles and things»/«Предметы и вещи»/«Прадметы і рэчы»; «Human qualities»/«Человеческие качества»/«Чалавечыя якасці»; «Victory result»/«Результат победы»/«Вынік перамогі»; «Events»/«События»/«Падзеі»; «Actions»/«Действия»/«Дзеянні»; «Interpersonal relationship»/«Отношения между лицами»/«Адносіны паміж асобамі»; «Emotional state/feelings»/«Эмоциональное состояние/чувства»/«Эмацыянальны стан/пачуцці» (табл. 2). Эти группы в своем объединении представляют поле.

Т а б л и ц а 2

Пример фрагмента пересечения ЛСВ одноименных ЛСГ

Название ЛСГ	Элементы ЛСГ				
	Контрастивные пары ЛСВ в английском и белорусском языках		Контрастивные пары ЛСВ в белорусском и русском языках		
Names of people / Назвы асоб / Номинации лиц	Подгруппа «Номинации лиц согласно достигнутому результату и присуждаемым званиям»				
	hero	→	герой	←	герой
	winner	→	лаўрэат	←	лауреат
	winner + victor + triumpher	→	пераможац пераможца	←	победитель
	Prizewinner + prizeman + winner	→	прызёр	←	призер
	champion	→	чэмпіён	←	чемпион
	Подгруппа «Номинации лиц согласно способу действий»				
	champion	→	барацьбіт	←	борец
	champion	→	змагар	←	борец
	Подгруппа «Номинации лиц согласно выполняемым функциям»				
	referee	→	арбітр	←	арбитр
	referee + judge	→	суддзя	←	судья
	referee	→	рэферы	←	рефери

Лексико-семантические группы ЛСП, репрезентирующие понятие *victory, победа, перамога*, представлены только соответствиями ЛСВ различных типов. Безэквивалентные единицы полей в данной статье не рассматриваются. Отдельно представлено ядро поля, которое структурировано лексемами, обладающими «максимальным объемом значения и минимальным объемом содержания» [2, с. 29] (табл. 3).

Ядра лексико-семантических полей

success	→	поспех	←	успех
triumph	→	трыумф	←	триумф + торжество
triumph +victory	→	перамога	←	победа +торжество

Согласно Е. М. Верещагину и В. Г. Костомарову, *межъязыковое лексическое понятие* – это «понятие, которое присутствует в двух этнокультурных общностях и при переводе без потерь информации, адекватно выражается на двух разных языках» [10, с. 16]. Лексическое понятие представляет собой совокупность сем, которые обеспечивают классификацию предмета. *Лексический фон* – это «тот элемент семантики слова (семемы), благодаря которому язык выступает в качестве одного из хранителей духовных ценностей национальной культуры» [10, с. 2]. В зависимости от совпадения объема лексического понятия и лексического фона в значениях соответствий ЛСВ можно говорить об их типах. А. В. Книга различает следующие типы: *эквивалентные* (ЛСВ двух языков демонстрируют полное совпадение сем) [11, л. 105], *близкие* (ЛСВ имеют значительное число общих сем в ядре, ряд общих периферийных сем и совпадающие по функциональным семам) [11, л. 109], *приблизительные* (ЛСВ различаются функциональными семами) [11, л. 115] и *допустимые* (ЛСВ совпадают только по архисеме) [11, л. 5].

Типы соответствий ЛСВ были установлены путем сопоставления компонентов значений контрастивных пар (КП). Источником материала дефиниций послужили толковые словари английского [12], русского [13] и белорусского [14] языков. Под КП понимаются две лексические единицы сравниваемых языков, выступающие как межъязыковые соответствия [2, с. 54]. Языком, относительно которого осуществлялось сопоставление, был определен белорусский, так как именно белорусские лексемы подлежали идентификации посредством перевода. Так, контрастивными парами ЛСГ выступили компоненты английского и белорусского (*champion* и *чэмпіён*), белорусского и русского языковых полей (*чэмпіён* и *чемпион*). Компоненты английского и русского полей между собой не сопоставлялись. Ввиду того, что количество элементов ЛСГ русского и английского языков, выступающих в качестве соответствий конкретному элементу ЛСГ белорусского языка, различно, в общей сложности было проанализировано 140 английско-белорусских и 100 русско-белорусских КП. В каждой КП полученные в результате компонентного анализа семы были попарно сопоставлены. Сходные семы в двух языках приравнивались друг к другу, их совокупность представляет собой *межъ-языковое лексическое понятие*. Национально-специфическими семами признавались те, которые не имеют эквивалента в КП. Такие семы структурируют лексический фон. В табл. 4 знак равенства (=) означает эквивалентные семы, а знак (х) – безэквивалентные.

Пример семантического описания КП

<i>champion</i>	→	<i>Чэмпіён</i>	←	<i>чемпион</i>
<i>Английская сема</i>		<i>Белорусская сема</i>		<i>Русская сема</i>
лицо	=	лицо	=	лицо
0	x	команда	=	команда
победитель	=	победитель	=	победитель
0	x	звание	=	звание
соревнование	=	соревнование	=	соревнование
первенство	=	первенство	=	первенство
превосходство	x	0		0

Компоненты ‘лицо’, ‘соревнование’, ‘первенство’ и ‘победитель’ присутствуют в значениях трех лексем. В значениях белорусской и русской лексем присутствуют семы ‘звание’ и ‘команда’, а в английской – такие семы отсутствуют. Сема ‘превосходство’ присутствует только в английской ЛЕ. Таким образом, *чемпион* и *чэмпіён* являются эквивалентами, а *чэмпіён* и *champion* – близкими соответствиями. Установив типы сопоставляемых ЛСВ, можно выявить различное в схожем, то есть расхождения в значениях КП.

Для определения национальной специфики семантики исследуемых слов применен *сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований*. Характеристика языкового явления конкретного формализованного параметра выражается в виде определенного индекса в численной форме. Индексы традиционно высчитываются для (как отдельных, так и сопоставляемых) ЛСГ в целом, а не для каждой из их подгрупп, так как в конечном итоге сумма индексов подгрупп равна индексу всей ЛСГ.

Индекс количества эквивалентных соответствий (ИКЭС) – это «отношение количества эквивалентов к общему количеству соответствий в ЛСГ» [11, л. 105]. Таким образом, самое большое количество эквивалентных КП белорусского и русского языков, которые демонстрируют полное совпадение сем, содержится в ЛСГ «Номинации лиц» и «Предметы и вещи» с индексом эквивалентности равным 0,7. Наименьшее количество – в ЛСГ «Эмоциональное состояние/чувства», ИКЭС которой составляет 0. Самое большое количество эквивалентных КП английского и белорусского языков содержится в ЛСГ «Действия» с индексом эквивалентности равным 0,27. Наименьшее количество – в подгруппе «Эмоциональное состояние/чувства», ИКЭС которой составляет 0 (табл. 5).

Т а б л и ц а 5

ИКЭС в исследуемой ЛСГ

Название ЛСГ	ИКЭС		
	Английский язык	Белорусский язык	Русский язык
Номинации лиц	1 из 15 = 0,07		7 из 10 = 0,7
Предметы и вещи	2 из 11 = 0,18		5 из 7 = 0,7
Человеческие качества	3 из 38 = 0,07		6 из 21 = 0,28
Результат победы	4 из 27 = 0,14		11 из 24 = 0,46
События	4 из 13 = 0,3		4 из 8 = 0,5
Действия	5 из 18 = 0,27		4 из 19 = 0,2
Отношения между лицами	3 из 18 = 0,16		4 из 11 = 0,36
Эмоциональное состояние/чувства	0 из 2 = 0		0 из 3 = 0

Индекс количества близких соответствий (ИКБС), то есть «отношение количества близких соответствий к общему количеству соответствий в ЛСГ» [11, л. 109], позволил определить, что среди англо-белорусских КП максимальное число таких коррелятов приходится на ЛСГ «Эмоциональное состояние / чувства», индекс которой составил 1. Минимальное число близких соответствий было выявлено в ЛСГ «Действия», где данный индекс равен 0,44. Среди русско-белорусских КП максимальное число типов таких единиц приходится на ЛСГ «Эмоциональное состояние / чувства», коррелирующий индекс составил несколько меньше – 0,67. Минимальное число близких по семантике пар было выявлено в ЛСГ «Человеческие качества», где данный индекс оказался равным 0,19 (табл. 6).

Т а б л и ц а 6

ИКБС в исследуемой ЛСГ

Название ЛСГ	ИКБС		
	Английский язык	Белорусский язык	Русский язык
Номинации лиц	11 из 15 = 0,73		3 из 10 = 0,3
Предметы и вещи	5 из 11 = 0,45		2 из 7 = 0,28
Человеческие качества	18 из 38 = 0,47		4 из 21 = 0,19
Результат победы	14 из 27 = 0,51		8 из 24 = 0,33
События	6 из 13 = 0,46		3 из 8 = 0,37
Действия	8 из 18 = 0,44		8 из 19 = 0,42
Отношения между лицами	10 из 18 = 0,55		4 из 11 = 0,36
Эмоциональное состояние/чувства	2 из 2 = 1		2 из 3 = 0,67

Под *индексом количества приблизительных соответствий (ИКПС)* «понимается отношение количества приблизительных соответствий к общему количеству соответствий в ЛСГ» [11, л. 115]. Таким образом, наибольшее число английско-белорусских КП такого типа содержится в ЛСГ «Результат победы» с индексом 0,18, а наименьшее – в ЛСГ «Человеческие качества» с индексом 0,05. В ЛСГ «Предметы и вещи», «Действия», «Отношения между лицами», «Эмоциональное состояние / чувства» такого типа пар не оказалось. Среди английско-белорусских КП наибольшее количество *приблизительных соответствий* содержится также в ЛСГ «Результат победы» с индексом 0,2, а наименьшее – в ЛСГ «Отношения между лицами» с индексом 0,09. В ЛСГ «Номинации лиц», «Предметы и вещи», «Эмоциональное состояние / чувства» такого типа пар не оказалось (табл. 7).

Т а б л и ц а 7

ИКПС в исследуемой ЛСГ

Название ЛСГ	ИКПС		
	Английский язык	Белорусский язык	Русский язык
Номинации лиц	2 из 15 = 0,13		0 из 10 = 0
Предметы и вещи	0 из 11 = 0		0 из 7 = 0
Человеческие качества	2 из 38 = 0,05		3 из 21 = 0,14
Результат победы	5 из 27 = 0,18		5 из 24 = 0,2
События	1 из 13 = 0,07		1 из 8 = 0,12
Действия	0 из 18 = 0		3 из 19 = 0,16
Отношения между лицами	0 из 18 = 0		1 из 11 = 0,09
Эмоциональное состояние/чувства	0 из 2 = 0		0 из 3 = 0

Индекс количества допустимых соответствий (ИКДС) подразумевает «отношение количества допустимых соответствий к общему количеству соответствий в ЛСГ» [11, л. 115]. Согласно индексу, самое большое количество единиц такого типа среди английско-белорусских КП наблюдается в ЛСГ «Предметы и вещи» и «Человеческие качества», обе имеют индекс 0,36. Наименьший индекс представлен в группе «Результат победы» с индексом 0,14. В то же время в таких группах, как «Номинации лиц» и «Эмоциональное состояние / чувства», допустимых соответствий не обнаружено (ИКДС равен 0). Среди русско-белорусских КП самое большое количество допустимых соответствий наблюдается в ЛСГ «Эмоциональное состояние / чувства», коррелирующий индекс равен 0,33. Наименьший индекс 0,04 принадлежит группе «Результат победы». Вместе с тем в таких группах, как «Номинации лиц», «Предметы и вещи» и «События», допустимых соответствий не обнаружено, то есть ИКДС равен 0 (табл. 8).

ИКДС в исследуемом ЛСГ

Название ЛСГ	ИКДС		
	Английский язык	Белорусский язык	Русский язык
Номинации лиц	0 из 15 = 0		0 из 10 = 0
Предметы и вещи	4 из 11 = 0,36		0 из 7 = 0
Человеческие качества	14 из 38 = 0,36		1 из 21 = 0,05
Результат победы	4 из 27 = 0,14		1 из 24 = 0,04
События	2 из 13 = 0,15		0 из 8 = 0
Действия	4 из 18 = 0,22		3 из 19 = 0,16
Отношения между лицами	5 из 18 = 0,27		1 из 11 = 0,09
Эмоциональное состояние/чувства	0 из 2 = 0		1 из 3 = 0,33

В ходе исследования были установлены *усредненные индексы параметров*, которые представляют собой среднее арифметическое количества конкретного типа соответствий всех ЛСГ исследуемого ЛСП [11, л. 116]. Для ранжирования степени выраженности параметров применена шкала, разработанная Л. А. Кривенко [15]. Согласно данной шкале, степень выраженности исследуемых параметров зависит от численных значений параметров и определяется следующим образом: 100 % – абсолютная степень; ≥ 90 % и < 100 % – гипервысокая степень; ≥ 70 % и < 90 % – высокая степень; ≥ 50 % и < 70 % – значительная степень; ≥ 30 % и < 50 % – яркая степень; ≥ 10 и < 30 % – заметная степень; > 0 и < 10 % – низкая степень; 0 – отсутствие рассматриваемого явления. То есть индекс равный 1 отвечает 100 % выраженности исследуемого параметра. Сопоставив полученные данные с численными значениями параметров, имеем следующую картину (табл. 9).

Т а б л и ц а 9

Среднее арифметическое и степень выраженности ИКЭС, ИКБС, ИКПС, ИКДС в исследуемых ЛСП

Параметр	Среднее арифметическое и степень выраженности параметров		
	Английский язык	Белорусский язык	Русский язык
ИКЭС	0,14 = 14 % (заметная)		0,4 = 40 % (яркая)
ИКБС	0,45 = 45 % (яркая)		0,365 = 37 % (яркая)
ИКПС	0,05 = 5 % (низкая)		0,089 = 9 % (низкая)
ИКДС	0,19 = 19 % (заметная)		0,084 = 8 % (низкая)

Наибольшая степень выраженности параметра эквивалентных соответствий составляет 40 % в сопоставляемых русско-белорусских ЛСП. Данное явление может объясняться тем, что русский и белорусский языки являются родственными, таким образом, они характеризуются более схожей

понятийной базой, которая объективируется в схожем семном составе одноименных единиц, в отличие от английского и белорусского ЛСП, усредненный ИКЭС которых составил 14 %. Усредненный ИКБС представлен наибольшей степенью выраженности параметров английско-белорусских ЛСП (45 %), и чуть меньшей – в русско-белорусских ЛСП (37 %). Низкая степень выраженности ИКПС в 5 % и 9 % говорит о том, что в семном составе русско-английских КП присутствует больше функциональных сем. Усредненный ИКДС в английско-белорусских ЛСП в 2 раза выше (19 %), нежели в русско-английских (8 %), однако характеризуется заметной степенью выраженности. Это значит, что лексем, которые совпадают только по архисеме, в два раза больше в английско-белорусских КП.

Проведенное исследование подтвердило, что контрастивная методика и использование в ее рамках формализованных параметров позволяют достоверно выявить и представить национальную специфику семантики лексических единиц в сопоставляемых языках. Применение формализованных параметров придает результатам исследования объективный количественный характер, а использование шкал, позволяющих выявить степень выраженности исследуемых параметров, наделяет данные объективными качественными характеристиками.

При сопоставлении элементов одноименных ЛСП английского, русского и белорусского языков удалось установить, что 75 белорусских лексем имеют по одному и более соответствий как в английском, так и в белорусском списке слов. Количество соответствий ЛСВ 75 белорусским лексемам разное: 140 – в английском, и 100 – в русском. В результате анализа 140 английско-белорусских и 100 русско-белорусских КП были установлены типы соответствий ЛСВ. В их семантике общая понятийная база представлена межъязыковым лексическим понятием, а национальная специфика – лексическим фоном. Исследование КП осуществлялось по параметрам, которые выражены в виде определенного индекса и представлены в численной форме (абсолютных числах и процентах): ИКЭС; ИКБС; ИКПС; ИКДС; усредненный ИКЭС; усредненный ИКБС; усредненный ИКПС; усредненный ИКДС. Значения полученных индексов отражают превалирование близких соответствий (45 %) в сопоставляемых английских и белорусских ЛСП и превалирование эквивалентных (45 %) и близких соответствий (37 %) в сопоставляемых русских и белорусских ЛСП, что свидетельствует о большей степени проявления национальной специфики в анализируемых полях неблизкородственных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Стернин, И. А.* Контрастивная лингвистика : проблемы теории и методики исследования / И. А. Стернин. – М. : Восток–Запад, 2006. – 206 с.
2. *Романовская, А. А.* Системная организация лексики: взаимодействие дескрипции и оценки / А. А. Романовская. – Минск : МГЛУ, 2013. – 132 с.

3. *Шафиков, С. Г.* Теория семантического поля и компонентной семантики его единиц / С. Г. Шафиков; науч. ред. Л. М. Васильев; М-во образования Рос. Федерации, Башк. гос. ун-т. – Уфа : Башк. ун-т, 1999. – 88 с.
4. Roget's international thesaurus / ed. R. L. Chapman. – N. Y. : HarperCollins, 1992. – 1142 p.
5. *Баранов, О. С.* Идеографический словарь русского языка: 4 166 статей / О. С. Баранов. – М. : ЭТС, 1995. – 820 с.
6. *Англійска-беларускі слоўнік = English-Belarusian Dictionary* / Т. М. Суша [і інш.]. – Мінск : Выш. шк., 2013. – 765 с.
7. *Русско-белорусский словарь = Руска-беларускі слоўнік: в 3 т. : ок. 110 000 слов* / под ред. А. А. Лукашанца ; НАН Беларуси, Ин-т языка и лит. им. Якуба Коласа и Янки Купалы. – Изд. 10-е, перераб. и доп. – Минск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2012.
8. *Кашкин, В. Б.* Сопоставительная лингвистика : учеб. пособие для вузов / В. Б. Кашкин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2007. – 88 с.
9. *Weisgerber, L.* Grundzüge der inhaltsbezogenen Grammatik / L. Weisgerber. – 3, neu bearb. Aufl.. – Dusseldorf : Pädagogischer Verlag Schwann, 1962. – 431 S.
10. *Верещагин, Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. – М. : Рус. яз., 1980. – 320 с.
11. *Книга, А. В.* Денотативная общность и национальная специфика семантики слова (на материале наименований явлений природы в русском и английском языках): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / А. В. Книга ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2015. – 195 л.
12. *Oxford dictionary of English* / ed. : C. Soanes, A. Stevenson. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press ; N. Y., 2003.
13. *Словарь русского языка : в 4 т. / Ин-т лингвистических исследований РАН.* – 4-изд., стер. – М. : Рус. яз., 1999.
14. *Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН БССР; пад агульн. рэд. А. А. Атраховіча (К. Крапівы).* – Мінск : БСЭ, 1977–1984.
15. *Кривенко, Л. А.* Национальная специфика семантем русской и английской субстантивной лексики: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. А. Кривенко ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2013. – 22 с.

Поступила в редакцию 02.02.2021

УДК 811.161.3'37'42:811.111 (045)

Салавей Аляксей Анатольевіч
магістр філалагічных навук, аспірант
кафедры беларускай мовы і літаратуры
Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
г. Мінск, Белаурсы

Solovey Alexey
MA in Philology, PhD Student
Department of the Belarusian Language
and Literature
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
alexey-solovey@mail.ru

КАТЭГОРЫЯ ВЕРАГОДНАСЦІ Ў ЖАНРАХ ПУБЛІЦЫСТЫЧНАГА, НАВУКОВАГА І МАСТАЦКАГА ДЫСКУРСАЎ

THE CATEGORY OF CREDIBILITY IN THE GENRES OF JOURNALISTIC, SCIENTIFIC AND ARTISTIC DISCOURSES

Артыкул прысвечаны ўстанаўленню спецыфікі рэалізацыі катэгорыі верагоднасці ў беларускай і англійскай мовах. Вызначаны рэпертуар, устаноўлены мадэлі, раскрыты семантыка-прагматычны патэнцыял маркёраў верагоднасці, прааналізавана іх частотнасць у публіцыстычных і навуковых рэцэнзіях, кароткіх апавяданнях.

Ключавыя словы: *верагоднасць; рэцэнзія; апавяданне; маркёр верагоднасці; мадальнасць.*

The article is devoted to identifying the features of realization of credibility in the Belarusian and English languages. Markers of credibility in journalistic, scientific reviews and short stories have been analyzed. Common and distinctive features in their repertoire, semantics, pragmatics and frequency have been established.

Key words: *credibility; review; short story; marker of credibility; modality.*

Ацэнка верагоднасці інфармацыі з'яўляецца рэлевантнай для ўсіх сфер жыццядзейнасці чалавека. Лічыцца, што мы жывём у эпоху татальнай неверагоднасці, якая рэалізуецца ў розных дыскурсах: масмедыйным, палітычным, навуковым, юрыдычным, мастацкім і іншых, аднак у кожным з іх павінна прысутнічаць устаноўка на верагоднасць як неабходны сродак эфектыўных зносін паміж камунікантамі.

Верагоднасць – суб'ектыўная катэгорыя, заснаваная на ўнутранай перакананасці і ўпэўненасці адрасанта ў сапраўднасці/несапраўднасці атрыманай інфармацыі. Мэтазгодна адрозніваць тры ступені верагоднасці: простую, катэгарычную і праблематычную [1], [2]. Ступень верагоднасці залежыць ад колькаснага і якаснага параметраў інфармацыі.

У адпаведнасці з колькасным аб'ёмам выказванні характарызуюцца насычанасцю ці недастатковасцю. Інфармацыйная насычанасць вызначаецца як агульная колькасць звестак, змешчаная ў выказванні, што ўласціва проста і катэгарычнай верагоднасці. Пры гэтым яны павінны быць новымі, што робіць іх прагматычна важнымі [3]. Выказванні з праблематычнай верагоднасцю грунтуюцца на інфармацыйнай недастатковасці і эксплікуюцца выкарыстаннем аднайменных маркёраў.

Згодна з якасным параметрам інфармацыя можа быць дакладнай і недакладнай (прыблізнай). Простая і катэгарычная верагоднасць звязана з паняццем дакладнасці, праблематычная – прыблізнасці. Асноўным дыферэнцыяльным крытэрыем паміж названымі тыпамі верагоднасці выступае ўпэўненасць, ступень яе інтэнсіўнасці. Упэўненасць – прыкмета проста і катэгарычнай верагоднасці, няўпэўненасць – праблематычнай. Катэгарычная верагоднасць адрозніваецца ад проста і прагматычным кампанентам настойвання адрасанта на прапанаваным варыянце развіцця падзеі.

Мэта даследавання – раскрыць спецыфіку рэалізацыі катэгорыі верагоднасці ў публіцыстычным, навуковым і мастацкім дыскурсах на беларускай і англійскай мовах. Аб’ектам даследавання выступаюць сродкі рэпрэзентацыі верагоднасці ў публіцыстычных і навуковых рэцэнзіях, кароткіх апавяданнях. Кампаратыўны аналіз праводзіўся па наступных паказчыках: 1) рэпертуар маркёраў верагоднасці; 2) семантыка-прагматычны патэнцыял; 3) частотнасць. Матэрыялам для даследавання паслужылі 100 беларускіх і англійскіх публіцыстычных рэцэнзій на мастацкія кнігі, 100 навуковых рэцэнзій на манаграфіі па лінгвістыцы на дзвюх мовах, 100 беларускіх і англійскіх кароткіх апавяданняў сучасных пісьменнікаў. Агульны аб’ём прааналізаваных выказванняў – 23 243.

Рэпертуар маркёраў верагоднасці

Простая верагоднасць (канстатацыя) выступае «зыходным, нейтральным, немаркіраваным відам мадальнасці. Гэта так званы нулявы, імпліцытны паказчык верагоднасці» [1, л. 192]. Моўнай формай для мадальнасці канстатацыі служаць апавядальныя выказванні ў абвесным ладзе. Ядзернымі сродкамі эксплікацыі канстатацыі з’яўляюцца прэдыкаты ў цяперашнім і прошлым часе, перыферычнымі – прэдыкаты ў будучым часе, паколькі ў іх прысутнічае сема патэнцыяльнасці.

Праблематычная верагоднасць маніфестуецца ў беларускіх тэкстах мадальнымі словамі: *бачна, верагодна, відаць, відно, мабыць, магчыма, мажліва, мо, можа, можа быць, мусіць, напэўна, пэўна*; мадальнымі часціцамі / злучнікамі: *бадай, бы, быццам, маўляў, наўрад ці, нібы, нібыта, няўжо, хіба, хутчэй, ці то...ці то, ці...ці, што (=быццам), як, як бы*; мадальнымі словаспалучэннямі: *на маю / нашу думку / аўтара, на наш погляд, на першы погляд, як на мне*; мадальнымі прэдыкатамі думкі і меркавання: *адчуваў, баюся, здаецца, думаецца / думаць, лічыцца / лічыць, малаверагодна, мала верыцца, маю спадзеў, мяркую, нагадвалі, падаецца, спадзявацца, сумняюся, уяўляецца меркаванне*; мадальным дзеясловам *магчы*; няпэўнымі займеннікамі: *кагосьці, камусьці, кімсьці, нейкі, нехта, нечы, нешта, хто-небудзь, хтосьці, чамусьці, штосьці*; неазначальнымі прыслоўямі: *дзесьці, калі-небудзь, калісьці, кудысьці, недзе, некалі, неяк*; канструкцыямі са значэннем прыблізнасці, колькаснай нявызначанасці: *гадоў трыццаць таму, з хвіліну і іншыя*, пыталымі канструкцыямі з семантыкай няўпэўненасці: *Тое дзяўчо?* І іншыя.

Англіійскімі маркёрамі праблематычнай верагоднасці выступаюць мадальныя словы: *apparently, likely, maybe, perhaps, possibly, presumably, probably, seemingly, supposedly, unlikely*, мадальныя прэдыкаты думкі і меркавання: *appear, assume, be doubtful, be not sure, become apparent, believe, consider, doubt, expect, feel, hope, hypothesize, imagine, presume, propose, regard, seem, strike, suggest, suppose, suspect, there is an assumption, think*; мадальныя дзеясловы: *can, could, may, might*; прыназоўнік *like*, злучнікі: *as...as, as if, as though, or*; прыслоўі: *about, almost, approximately, around,*

nearly; няпэўныя займеннікі: *somebody, something*; мадальнае словаспалучэнне *in my view*, пыталыныя канструкцыі з семантыкай няўпэўненасці: *I'm on the Internet?* і іншыя.

Колькасныя адрозненні ў рэпертуары маркёраў праблематычнай верагоднасці ў публіцыстычных, навуковых і мастацкіх тэкстах прыведзены ў табл. 1:

Табліца 1

Колькасны паказчык рэпертуару праблематычнай верагоднасці

Рэпертуар	Жанр, мова					
	Публіцыстычныя рэцэнзіі		Навуковыя рэцэнзіі		Апавяданні	
	Беларус.	Англ.	Беларус.	Англ.	Беларус.	Англ.
	К о л ь к а с ц ь э к с п л і к а т а р а ў					
Мадальныя словы	7	9	3	7	11	8
Мадальныя прэдыкаты	8	17	8	18	10	16
Мадальныя дзеясловы	1	4	1	3	1	4
Мадальныя часціцы / злучнікі	11	3	6	1	15	5
Мадальныя словаспалучэнні	2	0	2	1	3	0
Няпэўныя займеннікі	7	2	0	1	11	2
Незначальныя прыслоўі	5	3	1	4	7	4
Канструкцыі са значэннем прыблізнасці	2	1	2	1	4	1
Пыталыныя канструкцыі	0	0	0	0	1	1

Несупадзенні ў рэпертуары маркёраў праблематычнай верагоднасці абумоўлены, па-першае, неблізкароднасцю моў, па-другое, стылістычнымі асаблівасцямі пэўнага жанру. Рэпертуар англійскіх мадальных дзеясловаў больш разнастайны і прадстаўлены 4 адзінкамі, для беларускай мовы характэрна выкарыстанне мадальнага дзеяслова *магчы*, транспанаванага ў мадальнае слова *можа/можа быць* са значэннем меркавання, дапушчэння. Мадальныя словы *мо, відно, бачна, мажліва* адносяцца да размоўных [4] і сустракаюцца толькі ў апавяданнях. Вядома, што навуковы стыль адрозніваецца «дакладнасцю, аб'ектыўнасцю, насычанасцю фактычнай інфармацыяй, адназначнасцю, нейтральнасцю» [5, с. 112], таму няпэўныя займеннікі, пыталыныя канструкцыі з семантыкай няўпэўненасці, параўнальныя канструкцыі з лексемамі *як, быццам, бы, нібы, as if, as though* не характэрны для навуковых рэцэнзій.

Рэпертуар беларускіх эксплікатараў катэгарычнай верагоднасці прадстаўлены мадальнымі словамі *без сумнення, безумоўна, бяспрэчна, відавочна, вядома, зразумела, канечне, напраўду, насампраўдзе, насамрэч, натуральна, несумненна, праўда, сапраўды, яўна*, мадальнымі прэдыкатамі *ведаю, вядома, зразумела, перакананы, упэўнены*, мадальным словаспалучэннем *на самой справе*.

Англійскія маркёры катэгарычнай верагоднасці ўключаюць мадальныя словы: *actually, certainly, clearly, evidently, for sure, indeed, naturally, no doubt, obviously, of course, really, surely, undoubtedly*, мадальныя прэдыкаты: *be well-known, be sure, become clear, become obvious, know, no doubt, true*, мадальныя словаспалучэнні: *in fact, in truth*, мадальны дзеяслоў *must*.

Колькасныя адрозненні ў рэпертуары маркёраў катэгарычнай верагоднасці ў жанрах публіцыстычнага, навуковага і мастацкага дыскурсаў адлюстраваны ў табл. 2.

Табліца 2

Колькасны паказчык рэпертуару катэгарычнай верагоднасці

Рэпертуар	Жанр, мова					
	Публіцыстычныя рэцэнзіі		Навуковыя рэцэнзіі		Апавяданні	
	Беларус.	Англ.	Беларус.	Англ.	Беларус.	Англ.
	К о л ь к а с ц ь э к с п л і к а т а р а ў					
Мадальныя словы	14	13	8	10	10	12
Мадальныя прэдыкаты	3	7	6	0	2	3
Мадальныя дзеясловы	0	1	0	1	0	1
Мадальныя словаспалучэнні	1	2	0	1	0	1

У беларускіх жанрах практычна адсутнічаюць мадальныя дзеясловы з семантыкай катэгарычнай верагоднасці. Мадальнае слова *канечне* не характэрна для беларускіх навуковых тэкстаў, яго аналагі *of course, certainly* часта сустракаюцца ў англійскіх, што звязана з іх унутранай дыялагічнасцю. Мадальныя прэдыкаты катэгарычнай верагоднасці не характэрны для англійскіх навуковых рэцэнзій.

З улікам прыкмет верагоднасці і яе рэпертуару пабудаваны семантыка-прагматычныя мадэлі, што рэалізуюцца ў выказваннях. Семантыка-прагматычная мадэль простае верагоднасці: *Я ўпэўнены, што P* (*P* – прапазіцыя), *я гэта ведаю дакладна / I'm sure that it's P, I know that for sure*; катэгарычнай верагоднасці: *Я ўпэўнены, што P, настойваю на гэтым і выключаю ўсе іншыя варыянты / I'm sure that it's P, I insist on that and I exclude other options*; праблематычнай верагоднасці: *Я не ўпэўнены, што P, не настойваю на гэтым і дапускаю іншыя варыянты / I'm not sure that it's P, I don't insist on that and I admit other options*.

Семантыка-прагматычны патэнцыял маркёраў верагоднасці

Простая верагоднасць змяшчае імпліцытныя ядзерныя семы ўпэўненасці, адпаведнасці зместу выказвання рэчаіснасці: *Пасля 1851 г. сляды рукапісу губляюцца* (М. І. Свістунова) = **Упэўнены, што** сляды рукапісу губляюцца.

Ядзернымі семамі эксплікатараў праблематычнай верагоднасці з'яўляюцца альтэрнатыўнасць (1), няўпэўненасць (2), меркаванне (3), наяўнасць сумненняў (4). Перыферычныя семы прыблізнасці (5), уяўнай рэчаіснасці (6) характэрны для маркёраў у публіцыстычных і мастацкіх тэкстах:

(1) Сын Мартачки ўвесь час змагаўся са спакусай: **цi to** весцi незаконны гандаль, **цi to** iншым чынам махляваць з золатам i серабром (Г. Марчук).

(2) **I am not sure** what to make of it ‘Я не ўпэўнены, што з ім можна зрабіць’ (J. Kampfiner).

(3) *The last of these chapters deals with the third factor that is assumed to shape our understanding of intercultural communication* ‘У апошнім з гэтых раздзелаў вядзецца размова пра трэці фактар, які, як мяркуецца, фарміруе наша разуменне міжкультурнай камунікацыі’ (S. Assimakopoulos).

(4) **I doubt** the record for one day is twelve ‘Сумняюся, што рэкорд за адзін дзень – дванаццаць’ (W. Gaskill).

(5) «Берагі майго юнацтва» рыхтаваліся яшчэ самім Сысом, калі таму было **нешта** каля **дваццаці гадоў** (Н. Грышчук).

(6) Сяброўка, з якой яна дзеліцца радасцю новых уражанняў, робіць выснову, **нібыта** Лаўра захварэла і трызніць ад высокай тэмпературы (Ж. Капуста) = Ёй здаецца, што Лаўра захварэла і трызніць ад высокай тэмпературы.

Ядзернымі семамі маркёраў катэгарычнай верагоднасці выступаюць безальтэрнатыўнасць (1) і ўпэўненасць (2), перыферычнымі – нарматыўнасць, агульнавядомасць, відавочнасць, згода. Перыферычныя семы нарматыўнасці (3), агульнавядомасці (4) актуалізуюцца ў публіцыстычных і навуковых рэцэнзіях, сема згоды – у мастацкіх (5):

(1) *You're sure to enjoy Anatomy of a Scandal, especially since it's well written, and full of twists and turns* ‘Вам, безумоўна, спадабаецца Анатомія скандалу, тым больш, што яна добра напісана і поўная паваротаў’ (M. Gransley).

(2) Ён **быў упэўнены, што** яна больш ужо не паждае сустрэца з ім (Я. Мартыновіч).

(3) **Агульнавядома, што** лексікалогія, з яе ўвагай да лексічнай семантыкі, цесна звязана і развіваецца паралельна з лексікаграфіяй (М. С. Ржавуцкая).

(4) **Натуральна**, у XVI–XVIII ст. тагачасныя гаворкі мелі iншы выгляд (М. І. Свістунова) = так прынята лічыць.

(5) – Ці ёсць у цябе сок? – **Безумоўна**, для цябе ёсць (М. Шулякоўская) = Я **пацвярджаю** гэта.

Маркёры верагоднасці рэалізуюць шэраг прагматычных функцый. Ненавязванне суразмоўцу сваіх думак, павага да чужога пункту погляду (1), самааўтарызацыя (2), ухіленне адрасанта ад персанальнай адказнасці за праўдзівасць прапазіцыі (3) – функцыі паказчыкаў праблематычнай верагоднасці, характэрныя для трох жанраў. Зніжэнне катэгарычнасці выказвання (4), змякчэнне крытыкі (5) уласцівы публіцыстычным і навуковым рэцэнзіям, стварэнне вобразнасці (6), экспрэсіўная функцыя (7) – кароткім апавяданням:

(1) **Магчыма**, нейкае мяккае адмысловае вымаўленне, дыялектная мова, хоць і змяшаная з русізмамі, – усё гэта разам адыграла нейкую ролю (М. Волкаў).

(2) *На маю думку, гэты тэзіс могуць і мусяць узяць на ўзбраенне даследчыкі гісторыі беларускага тэатральнага мастацтва* (Ж. В. Некрашэвіч-Кароткая).

(3) *Аднак такі падыход, на наш погляд, з'яўляецца залішне катэгарычным* (Ж. С. Сіплівеня).

(4) *I am not quite sure I agree with Martinez' use of quantification in his analysis* 'Я не зусім упэўнены, што я згодны з выкарыстаннем Марцінэсам колькаснай ацэнкі пры аналізе' (К. Ebensgaard).

(5) *Наўрад ці мэтазгодна ўжываць тэрміны «сістэма мовы» і «структура мовы» як адзінкі з эквівалентнай дыстрыбуцыяй* (Л. І. Сямешка).

(6) *She sees a boy staring at a book open on a desk as if it were a fire and he were cold* 'Яна ўбачыла хлопчыка, які глядзіць на разгорнутую на сталё кнігу, быццам бы на агонь, і яму холадна' (А. Benedict).

(7) *Шаноўны чалавек, вы што, не бачыце, што я кірую аўтамабілем?! = няўжо вы не бачыце?* (С. Календа).

Эксплікацыя індывідуалізму адрасанта, незалежнасці яго суджэнняў (1), безальтэрнатыўнасць успрымання інфармацыі адрасатам (2) – функцыі паказчыкаў катэгарычнай верагоднасці, характэрныя для трох жанраў. Пахвала (3), крытыка (4), інфармаванне (5), прагназаванне (6) – функцыі, уласцівыя публіцыстычным і навуковым рэцэнзіям, скрыты дыялог аўтара з чытачом / героямі (7), устанаўленне кантакту паміж героямі (8), адвядзенне магчымых сумневаў суразмоўцы, запэўніванне (9) – апавяданням:

(1) *Я ўпэўнена, яшчэ адзін крок – і проста вадаспадам хлыне з вачэй!* (Т. Будовіч-Барадуля).

(2) *The monograph is surely the first attempt to contrast these languages* 'Гэтая манаграфія, безумоўна, першая спроба супрацьпаставіць гэтыя мовы' (М. Morgan).

(3) *Аднак, безумоўна, самая каштоўная частка – гэта пяць «выспаў»* (Ж. Капуста).

(4) *Прафесійны рэдактар, безумоўна, звярнуў бы ўвагу паэта на тое, што той падмінае мову пад сябе* (Н. Грышчук).

(5) *Evidently, the English used in India is different from British or American English in terms of phonetics, phonology, lexicon, etc* 'Відавочна, што англійская мова, якая выкарыстоўваецца ў Індыі, адрозніваецца ад брытанскага або амерыканскага варыянту з пункту гледжання фанетыкі, фаналогіі, лексікі і г. д.' (S. Kar).

(6) *І гэта яшчэ раз даказвае выбітнасць кнігі, якая, несумненна, будзе патрэбнай многім* (Н. Кучмель).

(7) *Ты запытаешся, канечне, чаму мяне не было* (А. Гардзеі).

(8) – *Actually, that's not why I called you. Are you still unemployed?* 'На самой справе я патэлефанаваў табе не таму. Ты ўсё яшчэ беспрацоўны?' (L. Bulut).

(9) – *Сустрэнемся на наступным тыдні? – спытаў ён.*

– *Канешне* (К. Захарэвіч).

Несупадзенні ў прагматычным патэнцыяле эксплікатараў верагоднасці выкліканы жанравымі і лінгвакультурнымі адрозненнямі. Функцыя самааўтарызацыі ўласціва англійскім маркёрам, што сведчыць аб праяве індывідуалізму. Калектывізм беларусаў праяўляецца ў рэалізацыі функцыі ўхілення адрасанта ад персанальнай адказнасці за праўдзівасць прапазіцыі.

Частотнасць эксплікатараў верагоднасці

Маркёры праблематычнай верагоднасці колькасна пераважаюць над катэгарычнай у трох жанрах, што абумоўлена іх асноўнымі прагматычнымі функцыямі – даць магчымасць адрасату мець альтэрнатыўны пункт погляду (публіцыстычныя рэцэнзіі), змякчэнне крытыкі (навуковыя рэцэнзіі), пабуджэнне да ўнутранага дыялогу з аўтарам / героямі (апавяданні).

Агульная колькасць ужыванняў эксплікатараў праблематычнай і катэгарычнай верагоднасці ў беларускіх і англійскіх жанрах прадстаўлена ў табл. 3.

Табліца 3

Частотнасць праблематычнай і катэгарычнай верагоднасці

Тып верагоднасці	Жанр, мова					
	Публіцыстычныя рэцэнзіі		Навуковыя рэцэнзіі		Апавяданні	
	Беларус.	Англ.	Беларус.	Англ.	Беларус.	Англ.
Праблематычная	300	327	134	318	813	896
Катэгарычная	141	125	62	127	93	141
Агульная колькасць	441	452	196	445	906	1037

Параўнальныя канструкцыі са злучнікам *як* (27 словаўжыванняў, с/у–далей) і прэдыкат *seem* (38 с/у) знаходзяцца на першым месцы па частотнасці сярод рэпрэзентантаў праблематычнай верагоднасці ў публіцыстычных рэцэнзіях: *Аўтар перасоўвае герояў па сюжэце, як шахматыст фігуры па дошцы* (Ж. Капуста). *He seems more like an orphaned adolescent* ‘Ён здаецца больш падобным на асірацелага падлетка’ (J. Harrison).

Лексема *сапраўды* (38 с/у) і яе англійскі аналаг *really* (20 с/у) – самыя ўжывальныя маркёры катэгарычнай верагоднасці ў публіцыстычных тэкстах: *Сапраўды, смех як забава і як найдзейнейшы лек заўжды быў пад рукой чалавека* (Н. Грышчук). *There really is no shortage of important works* ‘Сапраўды дастаткова важных прац’ (N. Wachsmann). Высокая частотнасць дадзеных паказчыкаў абумоўлена тым, што яны надаюць аб’ектыўнасць прапазіцыі, павышаюць яе верагоднасць.

Мадальныя словаспалучэнні праблематычнай верагоднасці *на маю/нашу думку* / *на думку аўтара* (49 с/у) і прэдыкат *seem* (64 с/у) знаходзяцца на першым месцы па ўжывальнасці ў навуковых рэцэнзіях: *Важным і неабходным уяўляецца, на нашу думку, разгляд у рабоце пытанняў гісторыі лексікаграфіі*. *It seems that further research is needed to prove the case* ‘Здаецца, для пацверджання гэтага выпадку неабходны дадатковыя даследаванні’ (L. Fesenmeier). Прэваліраванне дадзеных маркёраў абумоўлена разважлівасцю рэцэнзентаў, павагай да пункту погляду аўтара манаграфіі.

Лексемы катэгарычнай верагоднасці *безумоўна, відавочна, натуральна, несумненна* (па 10 с/у) і *in fact* (26 с/у), *indeed* (25 с/у) з'яўляюцца самымі частотнымі ў навуковых тэкстах: *На гэтым фоне зварот да мірнага суіснавання розных этнічных супольнасцей і вывучэнне гістарычнага вопыту такіх адносін, безумоўна, актуальныя* (С. А. Захаркевіч). **Indeed**, this study will also be useful to scholars of other grammatical constructions 'Сапраўды, гэта даследаванне таксама будзе карысна навукоўцам іншых граматычных канструкцый' (С. Персу). Высокая ўжывальнасць прапанаваных адзінак сведчыць аб тым, што для беларускамоўных рэцэнзентаў важна акцэнтаваць безапеляцыйнасць уласных сцвярджэнняў, для англамоўных – упэўненасць.

У апавяданнях на першым месцы па ўжывальнасці знаходзяцца лексемы *быццам* (87 с/у) і *think* (152 с/у): *Але ён быццам і не быў гэтаму рады* (М. Волкаў). **I think** that will be one of my first questions, when we eventually speak 'Я думаю, што гэта будзе адно з маіх першых пытанняў, калі мы ў рэшце рэшт заговорым' (S. Evers). Самымі частотнымі маркёрамі катэгарычнай верагоднасці выступаюць *канечне* (26 с/у) і яе англійскі эквівалент *of course* (32 с/у): *Я навучыўся жыць нанова, канечне, – сумна ўсміхнуўся ён* (М. Шулякоўская). **Of course** I know that, I was just kidding 'Канечне, я ведаю гэта, я проста жартаваў' (L. Bulut). Дамінаванне аналізуемага паказчыка ў кароткіх апавяданнях абумоўлена яго дыялагічным характарам, які быў даследаваны В. У. Вінаградавым [6].

Праведзены комплексны аналіз выявіў агульныя і лінгваспецыфічныя рысы ў рэпертуары, семантыцы, прагматыцы і частотнасці паказчыкаў верагоднасці ў публіцыстычных, навуковых і мастацкіх тэкстах. Англійскі рэпертуар прадстаўлены большай колькасцю сродкаў у параўнанні з беларускім. Высокая частотнасць эксплікатараў праблематычнай верагоднасці ў трох жанрах фарміруе недасказанасць, сумненне, што яшчэ больш зацікаўлівае і накіроўвае адрасата працягнуць знаёмства з кнігамі. Разыходжанні ў семантыцы праяўляюцца ў нятоеснай актуалізацыі перыферыйных сем у розных жанрах: семы 'прыблізнасць', 'згода' рэалізуюцца ў кароткіх апавяданнях, 'нарматыўнасць', 'агульнавядомасць' – у публіцыстычных і навуковых рэцэнзіях. Адрозненні ў прагматычных функцыях маніфестантаў верагоднасці звязаны са спецыфікай жанраў і менталітэтаў беларусаў і брытанцаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Паўлоўская, Н. Ю. Катэгорыя мадальнасці ў сучаснай беларускай мове : кагнітыўная структура, функцыянальны статус, сродкі выражэння : дыс. ... д-ра. філал. навук : 10. 02. 01 / Н. Ю. Паўлоўская. – Мінск, 2002. – 231 л.
2. Панфилов, В. З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения / В. З. Панфилов // Вопр. языкознания. – 1977. – № 4. – С. 37–48.
3. Валгина, Н. С. Теория текста / Н. С. Валгина. – М. : Логос, 2003. – 280 с.

4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / А. Я. Баханькоў [і інш.] ; пад агул. рэд. А. Я. Баханькова – 5-е выд. перапрац. і дап. – Мінск : Нар. асвета, 1996. – 414 с.
5. Обдалова, О. А. Когнитивно-прагматические и лингвостилистические характеристики англоязычного устного научно-академического дискурса / О. А. Обдалова, О. В. Харапудченко // Язык и культура. – 2019. – № 46. – С. 102–125.
6. Виноградов, В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В. В. Виноградов. – М. : Просвещение, 1975. – 105 с.

Поступила в редакцию 16.02.2021

УДК [(811.112.2+811.161.1) '37] (045)

Толкачёва Ольга Викторовна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tolkacheva Olga
Postgraduate Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
olg4100@yandex.ru

ЦЕЛЬ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В СЕМАНТИКЕ ДИРЕКЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕДЛОГОВ

(на материале немецкого и русского языков)

GOAL OF MOVEMENT IN THE SEMANTICS OF DIRECTIONAL PREPOSITIONS

(based on the German and Russian languages)

Статья посвящена особенностям обозначения цели перемещения при помощи дирекциональных предлогов в немецком и русском языках. Выявлены семантические свойства данной подгруппы предлогов в сравниваемых языках, общее и специфичное в способах членения пространства с помощью исследуемых предлогов в каждом из сопоставляемых языков. Установлено более детальное членение цели перемещения при помощи дирекциональных предлогов в русском языке. Спецификой дирекциональных предлогов немецкого языка является то, что они не конкретизируют регион локализации и топологические отношения.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *предлог; цель; регион локализации; пространственные отношения; дирекциональный; топологический; димензиональный.*

The article is dedicated to the description of the peculiarities of movement goals expressed by directional prepositions in German and Russian. In the compared languages, the semantic properties of these prepositions, general and specific in the ways of dividing space with the help of the prepositions under analysis, have been revealed. A more detailed division of the movement goals using directional prepositions in Russian has been established. The specificity of the directional prepositions in German is that they do not specify the location area and topological relations.

Key words: *preposition; goal; location area; spatial relations; directional; topological; dimensional.*

Для описания ситуаций, связанных с перемещением в пространстве, используются дирекциональные предлоги. Обозначая отношения между соотносимыми в пространстве объектами, данные предлоги категоризируют локализуемый объект¹ как источник, путь или цель перемещения локализуемого объекта (ЛО) [1; 2]. Важно отметить, что к дирекциональным предлогам относятся только те, которые не могут обозначать пространственные отношения в статике (ср. *на стол/на столе, к столу/*к столе*). Как показывают исследования, количество предлогов, указывающих на источник, путь или цель перемещения, в разных языках различно, а членение пространства с их помощью в рамках отдельных подгрупп для каждого языка оказывается очень специфичным.

Данное исследование направлено на установление особенностей соотношения с целью перемещения в пространстве при помощи несоставных дирекциональных предлогов в немецком и русском языках. В русском языке к таким предлогам относятся *к, до, внутрь, вглубь, вслед, навстречу*, в немецком – *bis, zu, nach*.

Необходимо отметить, что у предлогов *внутри, вглубь, вслед, навстречу* нет предложных коррелятов в немецком языке. Подтверждением этому является отсутствие переводных предложных эквивалентов в словарях, а также описательный способ их перевода на немецкий язык (комбинациями различных предлогов и наречий в сочетании с глаголом, предложными конструкциями и т.д.), установленный при анализе контекстов из параллельного подкорпуса Национального корпуса русского языка. Уже тот факт, что у четырех из шести предлогов русского языка нет предложных коррелятов в немецком языке, свидетельствует о различиях в членении данного участка пространства в сопоставляемых языках. Для выявления специфики указания на цель перемещения с помощью предлогов в русском и немецком языках проводился анализ их словарных дефиниций, контекстуальный анализ, а также анализ дистрибуции исследуемых предлогов. Для проведения дистрибутивного анализа привлекалась классификация пространственных объектов, наименования которых употребляются в конструкциях с предлогами, разработанная в [2, л. 80]. В данной классификации выделяется 10 классов наименований объектов: «Человек», «Части тела», «Геополитические объекты», «Здания и сооружения», «Части зданий», «Транспортные средства», «Ограниченно подвижные артефакты», «Геофизические объекты», «Пути», «Вещепризнаки». Материалом для дистрибутивного анализа послужили контексты, отобранные из сопоставимых корпусов текстов русского и немецкого языков², Национального корпуса русского языка, корпуса немецкого языка DWDS.

¹ Локализуемый объект – объект, по отношению к которому определяется местоположение в пространстве другого объекта (локализуемого).

² Описание корпусов см. в [2].

Рассмотрим вначале семантику предлогов русского языка, которые, как можно предположить, более детально членят изучаемую денотативную область. Из шести исследуемых предлогов два предлога – *к* и *до* – относятся к первообразным (древним по своему происхождению), четыре предлога – *внутри*, *вглубь*, *вслед* и *навстречу* – представляют собой непервообразные предлоги, сохранившие мотивированную внутреннюю форму.

С точки зрения дифференциации семантики наиболее сложным является разграничение пространственного значения первообразных предлогов *к* и *до*. Оба предлога определяются в словарях сходным образом. Согласно Большому толковому словарю русского языка под ред. С. А. Кузнецова предлог *к* употребляется: «при обозначении предмета или лица как места, предела, конечного пункта, в сторону которого направлено движение (*повернуться к окну*); при обозначении лица, предмета, с которым соприкасается кто-, что-либо (*приложить руку к сердцу*)» [3, с. 407]. Предлог *до* согласно тому же словарю «указывает на предел действия, движения» [3, с. 263]. Таким образом, оба предлога указывают на локализирующий объект как на конечный пункт его перемещения, могут обозначать отношение контакта (*прислониться к стене, достать до потолка*). Семантика этих предлогов не выдвигает жестких требований к пространственной организации физических объектов, в отношении которых описывается пространственная ситуация. Это обуславливает свободу их сочетаемости с наименованиями объектов (употребляются с именами всех 10 классов объектов).

Проведенный анализ контекстов показывает, что при сходных семантических свойствах рассматриваемые предлоги приписывают локализирующим объектам разную категоризацию: предлог *к* профилирует ближний регион локализирующего объекта (пример (1)) либо его поверхность (пример (2)), предлог *до* категоризует локализирующий объект как границу, дальше которой перемещение не осуществляется (пример (3)).

(1) *Соотечественников, пришедших к обелиску на Черной речке, было совсем мало* («Санкт-Петербургские ведомости»¹).

(2) – *крикнул пьяный (а может, и сумасшедший), зачем-то поднял руку с револьвером высоко над головой, крутанул барабан и приложил дуло к виску* («Огонек»).

(3) *Пройдемся до Сретенки, – сказал он. – Там я посажу вас на извозчика* («Огонек»).

В отличие от предлога *к*, регион локализации и топологические отношения между объектами в конечном пункте предлог *до* не уточняет. Данный предлог может обозначать отношение контакта только в сочетании с глаголами с приставкой *до-*, обозначающими контакт (ср.: *дотронуться до стены, *прислониться до стены*).

¹ Ссылки после приводимых примеров отличаются в зависимости от источника, предусматривающего тот или иной способ ссылки. Для примеров, приводимых из исследовательского корпуса Л. А. Тарасевич, указывается только название газеты; ссылки на Национальный корпус русского языка и *digitales Wörterbuch der deutschen Sprache* даются в соответствии с рекомендациями, приведенными на сайтах этих корпусов.

Способность предлога *к* обозначать отношение 'близкое расположение' обуславливает его сочетаемость с глаголами движения с приставкой *под*¹, обозначающими приближение к кому-либо, чему-либо (пример (4)), а также его употребление в контекстах с лексемами со значением 'близко' (пример (5)).

(4) *Привидение подошло к столу* («Огонек»).

(5) *В близлежащих к Москве областях удалась картошка* («Московский комсомолец»).

Любопытно, что в конструкциях типа *лицом к стене, спиной к окну* и т.п. предлог не столько обозначает направление перемещения, сколько маркирует ориентацию в пространстве локализуемого объекта с ингерентной фронтальной/тыльной стороной по отношению к локализирующему объекту. Глагол в подобных конструкциях может элиминироваться.

Конструкции с предлогом *к*, в которых в качестве релятумов выступают наименования технических приборов, предметов мебели и т.п., могут сообщать о функциональной взаимосвязи между релятумом и локализуемым объектом. Например, выражение *стоять к плите* означает не просто стоять рядом с плитой, а готовить пищу.

Перейдем к рассмотрению непервообразных предлогов, категоризирующих релятум как цель перемещения – *внутрь, вглубь, вслед, навстречу*. Установлено, что внутренняя форма данных единиц предопределяет дополнительную категоризацию локализующих объектов, что накладывает ограничения на классы имен, способных выступать в качестве релятумов с данными предлогами.

Так, при помощи конструкций с предлогом *внутрь* описывается перемещение ЛО из внешнего региона во внутренний регион локализирующего объекта (пример (6)).

(6) *Моя жена, одевавшаяся очень ярко и модно, легко вошла **внутрь** магазина мимо массивного швейцара* (С. Г. Боровиков. В русском жанре-43 // «Волга», 2012).

Семантика предлога *внутрь* подробно описана в исследовании Л. А. Тарасевич. Согласно автору, данный предлог «указывает на ограниченность пространства, которое задается локализирующим объектом» [2, л. 97]. Поэтому в качестве релятумов в конструкциях с этим предлогом выступают наименования объектов воспринимаемого пространства, обладающие границами (например, здания), либо наименования объектов, выделение которых осуществляется с помощью установления различных границ (например, с помощью ограждения территории). Кроме этого, при помощи предлога *внутрь* внутреннее пространство объекта противопоставляется наружному (см. подр. в [2, л. 96 – 100]).

¹ Существует семантическое согласование значения глагола и предлога. В [2, л. 110] указывается, что глаголы, обозначающие действие, которое предполагает контакт, употребляются с предлогами, способными обозначать отношение контакта.

Предлог *вглубь* согласно словарным дефинициям также обозначает движение во внутренний регион: «во что-нибудь, внутрь чего-нибудь» [4, с. 70]. В то же время он задает дополнительные требования к пространственным характеристикам релятума, которые предопределяются его внутренней формой (см. знач. *глубина*), профилируя объемность внутреннего пространства релятума.

Следует отметить, что в семантике предлога *вглубь* субстантивная производящая база претерпела семантическую модификацию: если *глубина* предполагает измерение от поверхности до нижнего полюса по вертикали, то перемещение, обозначаемое предлогом *вглубь*, осуществляется по горизонтали, причем не обязательно из внешнего региона во внутренний как в примере (7), это может быть отдаленная от внешней границы часть этого же внутреннего региона как в примере (8).

(7) *Спружинив пятками на асфальте, он круто развернулся, сунул руку вглубь автомобиля и быстро отступил назад* (Н. Воронель. Без прикрас. Воспоминания, 1975–2003).

(8) *Мисс Джейс кивает головой удовлетворенно, советует Хелене посмотреть, что нового появилось за то время, пока она гостила у бабушки, и удаляется вглубь магазина – видимо, догрызает ту головку сыра, что начала еще в мае* (А. Тайц. Хэллоуин // «Сибирские огни», 2012).

Предлоги *вслед* и *навстречу* используются для описания пространственных ситуаций, когда перемещается не только локализуемый, но и локализуемый объект. Поэтому в качестве релятумов в конструкциях с данными предлогами выступают наименования подвижных объектов: наименования человека (66,1 % употреблений предлога *вслед* и 61,1 % употреблений предлога *навстречу*), транспортных средств (15,3 % и 10,1 % соответственно), а также наименования объектов природы, которым приписывается человеком способность двигаться (например, *солнце всходит и заходит*); наименования ограниченно-подвижных артефактов.

Данные предлоги задают димензиональные характеристики региону локализации. Так, предлог *вслед* соотносит с тыльным регионом релятума (пример (9)), а предлог *навстречу* – с фронтальным (пример (10)).

(9) *И Травка, своим собачьим способом, бросилась вслед зайцу и, взвизгнув залиvisto, мерным, ровным собачьим лаем наполнила всю вечернюю тишину* (М. М. Пришвин. Кладовая солнца, 1945).

(10) *Машина с фельдмаршалом шла на юг, а навстречу ей двигались пленные* (В. Гроссман. Жизнь и судьба, часть 3, 1960).

Кроме этого, в семантику данных предлогов входит информация о направлении движения локализуемого и локализующего объектов: конструкции с предлогом *вслед* описывают ситуации, когда оба объекта движутся в одном направлении на некотором расстоянии друг от друга, конструкции с предлогом *навстречу* описывают движение объектов с противоположных точек по направлению друг к другу.

Рассмотрим семантические характеристики дирекциональных предлогов немецкого языка *bis* ‘до’, *zu* ‘к, на, в’ *nach* ‘в, на’.

Предлог *bis* является коррелятом предлога *do* и также категоризирует релятум как конечную точку перемещения (предельную границу):

(11) *Die Kelten kamen nur **bis** Penmarc'h, wo sie im 5. Jahrhundert vor unserer Zeit, aus dem fernen Indien kommend, vom Meer gestoppt wurden* 'Кельты дошли только до Пенмарха, где в 5 веке до н.э., придя из далекой Индии, они были остановлены морем'¹ (taz3).

Как показал анализ дистрибуции, в современном немецком языке предлог *bis* используется самостоятельно только в сочетании с наименованиями стран и городов, употребляющихся без артикля, и пространственными наречиями. В этих случаях предлог *bis* не соотносит с конкретным пространственным регионом. Во всех остальных случаях *bis* употребляется в сочетании с топологическими (*bis in* дословно 'до в', *bis auf* 'до на', *bis an* 'до близко') или димензиональными (*bis vor* 'до перед', *bis unter* 'до под') предлогами, которые задают конечный регион и отношения между объектами в этом регионе. Так, в примере (12) *bis vor* означает, что перемещение закончилось возле фронтального региона, задаваемого объектом *ворота казармы*.

(12) *Eltern brachten ihre Söhne **bis vor** das Kasernentor und drückten sie ans Herz, als würden sie die jungen Männer nie wiedersehen* 'Родители доводили сыновей до самых ворот (досл. до перед воротами) казармы и прижимали их к сердцу так, как будто они никогда больше не увидят этих молодых людей' (taz91).

Следовательно, при указании на цель перемещения как на его конечную точку в немецком языке именуется конкретный пространственный регион, в котором перемещение заканчивается.

Предлог *zu* коррелирует с предлогом *k*. Он также может профилировать как движение по направлению к заданной цели (пример (13)), так и ее достижение, т.е. релятум характеризуется как конечный пункт перемещения ЛО (пример (14)).

(13) *Mit Vorahnungen erfüllt, stieg er in sein kleines Auto und fuhr **zu** Ra'ifs Haus* 'Перепополняемый плохими предчувствиями, он сел в свою маленькую машину и поехал к дому Ра'ифа' (taz91).

(14) *Schließlich folgte er einer Gruppe ausländischer Besucher, die ihr Ziel auf Ansteckkarten vermerkt trugen, und gelangte **zum** richtigen Zug* 'Наконец он последовал за группой иностранцев, у которых цель поездки была отмечена на карточках, прикрепленных к лацканам, и пробрался к нужному поезду' (taz3).

Конструкции с предлогом *zu* проявляют тенденцию к идиоматизации и импликации дополнительных смыслов. Например, конструкции, в которых предлог *zu* употребляется после глагола *greifen*, а в качестве релятумов выступают наименования ограниченно-подвижных артефактов, используются не для описания пространственных отношений между объектами, а сообщают о функциональной взаимосвязи между ними («*zur Zigarette greifen*

¹ Здесь и далее перевод наш. — О. Т.

(*rauchen*) ‘хвататься за сигарету (курить)’» [5]). Конструкция *zur Schule gehen* может использоваться как для описания пространственной ситуации – движение в направлении здания школы (*идти к школе*), так и в переносном значении – *ходить в школу* (*быть учеником*).

Предлогу *zu* семантически близок предлог *nach*, который «bezeichnet eine bestimmte Richtung (*nach oben*) ‘обозначает направление (вверх)’; bezeichnet ein bestimmtes Ziel (*nach Amerika fliegen*) ‘обозначает цель (лететь в Америку)’» [5].

Семантическую схожесть данных предлогов можно объяснить этимологически. Предлог *nach* относится к более поздним первообразным предлогам и, согласно словарю немецкого языка Г. Пауля, взял на себя некоторые функции предлога *zu* [6, S. 315]. В частности, он стал использоваться для обозначения дирекциональных отношений с именами географических названий среднего рода, употребляющихся без артикля, в то время как предлог *zu* обозначал отношения в статике (позже эти функции предлога *zu* перешли к предлогу *in*): *nach Berlin fahren* ‘ехать в Берлин’, *in Berlin sein* ‘быть в Берлине’. В современном немецком языке предлог *zu* не употребляется для описания отношений в статике (кроме застывших конструкций типа *zu Hause* ‘дома’ и реликтовых конструкций типа *Humboldt-Universität zu Berlin* ‘Университет Гумбольдта в Берлине’).

Такое разделение функций подтверждается дистрибутивными данными: в качестве релятумов в конструкциях с предлогом *nach* выступают преимущественно наименования геополитических объектов, пространственные наречия, существительные, обозначающие направление (например, *Süden* ‘юг’) и имя *Hause* ‘жилище, очаг’. Предлог *zu* для обозначения дирекциональных отношений с подобными релятумами не употребляется, что подтверждается допустимостью конструкций типа *nach vorn* ‘вперед (в ту сторону)’, *nach Berlin fahren* ‘ехать в Берлин’ и недопустимостью конструкций типа **zu vorn* ‘к переду’, **zu Berlin fahren* ‘ехать к Берлину’.

Так же, как и первообразные предлоги русского языка, а также предлог *bis*, предлоги *zu* и *nach* не выдвигают жестких требований к пространственной организации физических объектов, с именами которых они употребляются. Отличительной чертой их семантики является то, что регион локализации и топологические отношения между объектами они не уточняют. При необходимости обозначить перемещение к цели, результатом которого будет контакт или определенный регион пространства, используются топологические или димензиональные предлоги. Так, с глаголами, которые обозначают действие, направленное на создание контакта между объектами, в немецком языке употребляется топологический предлог *an* ‘на, к’ (например, *kitten an* ‘прикрепить к’), если цель перемещения – внутренний регион, используется предлог *in* и т.д. (ср. примеры (15), (16)).

(15) *Morgen werde ich für einige Tage nach Helsinki fahren* ‘Завтра я уезжаю на пару дней в Хельсинки (taz3).

(16) *Nach der Schlacht bei Jena und Auerstedt floh der preußische König Friedrich Wilhelm III nach Ostpreußen, und Napoleon zog in Berlin ein* ‘После битвы при Йене и Ауэрштедте прусский король Фридрих Вильгельм III бежал в Восточную Пруссию, а Наполеон вторгся в Берлин’ (Schwanitz, Dietrich: Bildung, Frankfurt a. M.: Eichborn, 1999, S. 167).

Подводя итоги сопоставительному анализу семантической подгруппы дирекциональных предлогов, указывающих на цель перемещения в русском и немецком языках, можно сделать вывод о наличии существенных отличий в способах репрезентации данного участка пространства. Общим для сравниваемых языков является то, что предлоги немецкого языка, как и предлоги русского языка, категоризируют релятум как конечную точку перемещения, предельную границу либо как ориентир для направления движения. При этом предлоги русского языка могут обозначать топологические отношения между объектами в конечном пункте. Специфичным для русского языка является наличие несоставных непервообразных предлогов с мотивированной внутренней формой, семантика которых задает требования к пространственной организации локализуемого объекта: обозначая движение во внутренний регион, предлог *внутри* профилирует границы объектов, предлог *вглубь* характеризует такие объекты как объемные; предлоги *вслед* и *навстречу* задают димензиональные характеристики внешнему региону (тыльный vs. фронтальный) и указывают на движение объектов в одном (*вслед*) либо в противоположных (*навстречу*) направлениях.

Если в русском языке наблюдается детализация пространственных отношений с целью перемещения в семантике дирекциональных предлогов, в немецком языке семантика таких предлогов, наоборот, оказывается неспецифицированной, т.е. не включающей признаки, связанные с ограничениями на пространственные характеристики региона локализации или самого локализуемого объекта.

Таким образом, исследование показало, что в развитии подсистем несоставных предлогов для обозначения цели перемещения в русском и немецком языках прослеживаются противоположные семантические тенденции: детализация vs. обобщение региона локализации. Обобщенность значения немецких дирекциональных предлогов, соотносящих с целью перемещения, предопределяет привлечение для уточнения пространственных координат локализуемого объекта предлогов других семантических подгрупп.

ЛИТЕРАТУРА

1. Svorou, S. The grammar of space / S. Svorou. – Amsterdam : J. Benjamins Publ. Co, 1993. – XIV, 277 p.
2. Тарасевич, Л. А. Пространственные предлоги в немецком и русском языках: семантика и функционирование: дис. ...д-ра филол. наук : 10.02.20 / Л. А. Тарасевич. – Минск, 2016. – 284 л.
3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; Ин-т лингвист. исслед. РАН. – СПб. : Норинт, 2000. – 1536 с.

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – 4-е изд., доп. – М. : ООО « А ТЕМП», 2006. – 944 с.
5. Duden online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duden.de>. – Дата доступа : 15.12.2020.
6. Deutsches Wörterbuch von Hermann Paul [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://archive.org/details/deutscheswrtter00pauluoft/page/72/mode/2up>. – Дата доступа : 15.12.2020.

Поступила в редакцию 22.03.2021

УДК 811.111'37(043.3)

Тур Виталий Викторович

кандидат филологических наук
докторант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Tur Vitali

PhD in Philology, Post-Doc researcher
of the Department of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
vitaly.tur@gmail.com

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В СЕМАНТИКЕ СЛОВА И ЕГО РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ СТРУКТУРЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ

PRAGMATIC COMPONENT IN THE SEMANTICS OF A WORD AND ITS ROLE IN THE FORMATION OF A WORD MEANING STRUCTURE

В статье предпринимается попытка раскрыть природу социального значения лексических единиц. Исследование, проведенное на материале словарного описания английских наименований растений, позволяет утверждать о существовании двух различных стратегий словарного описания: в одном случае содержание дефиниции зависит от экспертного решения по поводу включения/исключения тех или иных смысловых компонентов, наиболее адекватно отражающих сущность денотата; во втором случае лексикограф следует за языковым поведением всего языкового сообщества, выявляя степень социальной значимости различных признаков, закрепленных в структуре лексического значения. Выбор одной из стратегий для значения конкретной лексической единицы зависит от охвата языкового сообщества, в рамках которого описываемое наименование представляет прагматический интерес.

Ключевые слова: лексическое значение; структура значения; социальный контекст; прагматическая выделенность компонентов значения; стратегия словарного описания.

The paper examines the semantic structure of dictionary definitions of flowering and fruit-bearing plants in the English language. Two strategies of word meaning representation are revealed: 1) syncretic representation of knowledge in the semantic structure of a word, 2) setting word-sense metonymic boundaries between salient parts of the denotatum, the choice between the two depending on socio-pragmatic factors.

Key words: lexical meaning; structure of lexical meaning; social context; pragmatic salience of meaning components; strategy of lexicographic description.

Два последних десятилетия в лексической семантике характеризуются постепенным смещением фокуса со структур (таксономии, лексические поля и т.д.) на явление салиентности как отражение закономерностей употребления этих структур. Какие элементы структуры являются наиболее значимыми? [1] Салиентность оказывается точкой, в которой пересекаются индивидуальные языковые компетенции и социальное продуцирование речи. Если говорить о лексическом значении, то салиентность является тем социальным компонентом, который определяет прототипическую структуру его смысловых элементов – от ядерных до периферийных.

В большинстве когнитивных теорий выделенность смысловых компонентов отождествляется с частотностью их употребления: чем чаще определенная лингвистическая структура встречается в речи носителей языка, тем более салиентной она становится [2; 3; 4]. Значение, таким образом, присваивается языковому выражению членами языкового сообщества: говоря о значении языкового выражения, мы, как правило, имеем в виду значение, признанное языковым коллективом и составляющее буквальное или словарное значение этого выражения [5, р. 103].

Будучи простым и интуитивно понятным в самом общем виде, феномен салиентности как результат высокой частотности актуализации смысловых компонентов в речи далек от своего детального исследования. Одна из проблем заключается в том, что социальный контекст, следовательно, и салиентность одной и той же языковой единицы могут быть различными для разных носителей языка. Знание, как отмечает П. Бергер, социально распределено, то есть хранится разными индивидуумами и группами индивидуумов по-разному [6, р. 60]. Повседневная жизнь регулируется прагматическими мотивами: «Мои знания в области моей профессиональной деятельности обширные и глубокие, но при этом я обладаю поверхностными знаниями из профессиональной сферы других» (здесь и далее перевод наш – В. Т.) [Там же, р. 57].

Тот факт, что значение слова в конечном итоге является общей смысловой единицей всего языкового коллектива независимо от глубины знаний и профессиональной деятельности разных носителей языка, приводит к предположению о том, что лексическое значение, помимо индивидуального смыслового содержания, обладает некоторой социальной надстройкой, структурой, организующей информацию таким образом, что значимость смысловых компонентов (их ядерный или периферийный статус) оказывается константой величиной для больших групп носителей языка.

В свете сказанного представляет особый интерес концепция П. Герденфорса, согласно которой «социальные значения языковых выражений определяются индивидуальными значениями, т.е. значениями, которые приписывают выражениям отдельные носители языка, а также структурой распределения языковых полномочий, существующей в данном обществе» [7]. Под структурой распределения языковых полномочий (*structure of linguistic power*) понимается определение того, кто в обществе решает, какое значение того или иного выражения является «правильным».

Идея о распределении лингвистических полномочий отчасти близка тому, что Х. Патнэм имеет в виду под «разделением языкового труда» (*the division of linguistic labor*): «Каждое языковое сообщество обладает, по крайней мере, некоторым количеством терминов, признаки которых известны только отдельной группе говорящих, которые ими овладевают, а употребление данных терминов другими людьми зависит от их взаимодействия с представителями соответствующих подгрупп» [8].

Разница между концепциями Х. Патнэма и П. Герденфорса, однако, заключается в том, что последняя включает «разделение языкового труда» лишь как один из двух типов структур распределения языковых полномочий: «олигархическую» и «демократическую». Олигархическая (или диктаторская) структура соответствует концепции Х. Патнэма и предполагает, что значение определяется группой экспертов, составляющих словари, энциклопедии, справочники и т.п. Демократическая структура контролирует ту часть лексикона, значение которого определяется «широким использованием» (*common usage*). Для данных слов характерно то, что «диктатор» или небольшая часть говорящих не могут в одиночку изменить их значение, подобно тому, как один человек не может изменить цены на товары на свободном рынке [7].

Сам П. Герденфорс не приводит результатов каких бы то ни было эмпирических исследований, если не считать отдельных иллюстративных примеров, и оставляет без решения множество возникающих дополнительных вопросов, в частности, вопрос о том, в каком соотношении названные структуры распределения языковых полномочий сосуществуют в лексической системе языка, а также каким образом их дифференциация отражается на семантической структуре разных лексических единиц.

Целью исследования, описываемого в данной статье, является установление наличия или отсутствия корреляции между особенностями словарного представления значения слова и характером социальной значимости его денотата — является ли денотат прагматически релевантным для всего языкового коллектива или оказывается предметом интереса, прежде всего, отдельных групп экспертов в соответствующей области знания.

Особенности структур лексического значения были исследованы нами на материале дефиниций 200 английских наименований цветковых и 100 наименований плодовых растений в семи толковых словарях (*Cambridge English Dictionary* (CED), *Merriam-Webster Dictionary* (MWD), *Collins English Dictionary* (COBUILD), *Oxford learner's dictionaries* (OLD), *Macmillan Dictionary* (MD), *Dictionary.com* (DC), *The Free Dictionary* (FD)). Общий корпус проанализированных словарных значений составил 900 дефиниций наименований цветковых и 879 плодовых растений (с учетом того, что не все наименования растений были представлены во всех семи словарях).

Предметом анализа стала вариативность лексикографических описаний, заключающаяся в том, что в одних случаях растение и его цветок/плод описываются в словаре как отдельные значения (или оттенки значения), а в других — имеет место синкретичное представление семантики, где цветок/плод выступает в качестве признака в структуре единого значения наравне с другими смысловыми компонентами.

Методом оценки сравнительной социальной значимости цветковых растений для культур Великобритании и США стал анализ рейтингов растений, сделанных на основании социологических опросов, результаты которых размещены в открытом доступе в Интернете (наиболее популярные цветы согласно опросу 2000 британцев; наиболее популярные цветы в Великобритании согласно опросу 1000 независимых флористов; наиболее продаваемые срезанные цветы в Великобритании; цветы, наиболее часто запрашиваемые в Интернете американцами и т.д.).

Сопоставление полученных данных позволяет утверждать о наличии очевидной корреляции: чем популярнее цветок среди членов языкового сообщества, тем в большем количестве словарей фиксируется либо 1) метонимическое расщепление значения его наименования по линии «растение – цветок растения», либо 2) описание растения посредством синекох и с профилированием единственного элемента организма растения – цветка:

1) *Peony – 1: any of a genus (Paeonia of the family Paeoniaceae) of chiefly Eurasian plants with large often double flowers, 2: the flower of a peony* ‘Пион – 1: род *paeonia* из семейства пионовые с крупными двойными цветками, 2: цветок пиона’ (MWD);

2) *Carnation – 1: a flower with a sweet smell, often worn as a decoration on formal occasions such as weddings* ‘Гвоздика – 1: цветок со сладким запахом, часто используется в качестве украшения на официальных торжествах, например, свадьбах’ (MWD).

Напротив, словарное описание растений, отсутствующих в рейтингах популярности, характеризуется синкретизмом смысловой структуры, в которой все некатегориальные признаки обладают примерно одинаковой степенью значимости и могут как актуализироваться в большом количестве, так и исключаться из дефиниции лексикографом в зависимости от целей словаря. Ср.:

Ornithogalum – 1: a large genus of Old World bulbous herbs (family Liliaceae) with basal leaves resembling grass and naked scapes bearing clusters of white, yellow, or greenish flowers with spreading perianth segments and flattened filaments ‘Орнитогалум – 1: род луковичных травянистых растений Старого света (семейство Лилейные) с прикорневыми листьями, напоминающими траву, и голыми стеблями, на которых расположены кластеры белых, желтых или зеленоватых цветков с раскидистыми сегментами околоцветника и приплюснутыми тычиночными нитями’ (MWD);

Ornithogalum – any plant of the genus Ornithogalum ‘Птицемлечник – любое растение рода орнитогалум’ (COBUILD; FD).

Как видно, лексикографическое описание растений, отсутствующих в рейтингах популярности, приближается по своей смысловой структуре к энциклопедическим дефинициям, целью которых является наиболее полное раскрытие природы денотата и/или наиболее точное отнесение его к той или иной категории. Напротив, словарное описание растений популярных среди

членов языкового сообщества ставит целью профилирование основных прагматически значимых признаков денотата, что выражается в структурной выделенности отдельных компонентов описываемых значений (метонимическое расщепление и синекдохальные переносы).

Важно также отметить, что в корпусе было зафиксировано 29 наименований растений, цветков которых вовсе не упоминается хотя бы в одном словаре – всего 64 дефиниции для семи словарей. Анализ семантических описаний демонстрирует закономерность, в соответствии с которой полное отсутствие описания цветка сопряжено с наличием в дефиниции информации об иных частях растения, имеющих релевантность для носителей языка. Помимо плодов растения, «затмевающих» значимость цветка в словарях, релевантность могут приобретать и другие его части, используемые человеком, например, корень, листья, семена, ягоды. Данные наблюдения показывают, что, как в случае с разделением семантики на два значения («растение – цветок растения»), так и в случае с отсутствием описания цветка в качестве отдельного признака, фиксируется повышенная социальная значимость описываемых денотатов. Чем большую значимость приобретает сам цветок, тем более высока вероятность его выделения в отдельное значение в словарях. Чем большую значимость приобретает иная часть растения, тем более высока вероятность, что произойдет полное «затемнение» информации о цветке в структуре дефиниции.

Сопоставление случаев метонимического отделения информации о цветке со случаями отделения информации о других частях растения оказывается еще одним ярким подтверждением релевантности прагматического фактора. Сказанное очевидно при сравнении словарного описания наименований цветковых и плодовых растений. Так, метонимическое расщепление по линии «растение – цветок растения» в целом не характерно для описания наименований растений и встречается в дефинициях лишь 24 самых популярных из 200 проанализированных наименований цветков (*rose* ‘роза’, *lily* ‘лилия’, *tulip* ‘тюльпан’, *daffodil* ‘желтый нарцисс’, *orchid* ‘орхидея’, *carnation* ‘гвоздика’, *daisy* ‘маргаритка’, *iris* ‘ирис’, *freesia* ‘фрезия’, *chrysanthemum* ‘хризантема’, *dahlia* ‘георгина’, *peony* ‘пеон’, *phlox* ‘флокс’ и т.д.).

Напротив, что касается лексикографического описания плодовых растений, метонимическое расщепление по линии «растение – плод растения» является, скорее, закономерностью, чем исключением. Показательными в этом плане представляются следующие количественные данные. При определении значений ста наименований плодовых растений в семи словарях 519 толкований относятся к отдельному описанию либо плода или иной прагматически релевантной части растения, либо готового продукта, изготовленного из данного плода. Ср.:

Grape – 1: a smooth-skinned juicy light green or deep red to purplish black berry eaten dried or fresh as a fruit or fermented to produce wine ‘Виноград – 1: сочная ягода с гладкой оболочкой, имеющая цвет от ярко-зеленого до фиолетово-черного, является пищевым продуктом, употребляемым в сыром или сушеном виде или в качестве сырья для виноделия’ (MWD);

Ginger – 1a (1): a thickened pungent aromatic rhizome that is used as a spice and sometimes medicinally ‘Имбирь – 1a (1): утолщенный едкий на вкус ароматный корень, используемый в качестве пряности или иногда в медицинских целях’ (MWD);

Tea – 2: an aromatic beverage prepared from tea leaves by soaking them in boiling water ‘Чай – 2: ‘ароматный напиток, приготовленный из чайных листьев завариваемых в кипятке’ (MWD).

При этом лишь 360 из 879 дефиниций для наименований плодовых растений отдельно описывают само растение. Например: *Avocado – 1: a pulpy green- to purple-skinned nutty-flavored fruit...; also: a tree bearing avocados* ‘Авокадо – 1: мясистый фрукт с кожурой от зеленого до фиолетового цвета с ореховым вкусом...; также: дерево, на котором растут авокадо’.

Исключение составляют лишь некоторые плодовые растения, плод которых выделяется в отдельное значение в меньшем количестве случаев, чем само растение. Сюда относятся случаи, где плод является несъедобным для человека (*myrtle* ‘мирт’) либо наименее распространен среди представителей культур Британии и США (*neem* ‘ним’, *cassava* ‘маниок съедобный’, *jaboticaba* ‘джамбоза памароза’, *madrono* ‘мадронья’, *taro* ‘тарро’, *poni* ‘цитрусолистная моринда’ и т.д.).

Сопоставленные в работе особенности словарного представления семантики цветковых и плодовых растений убедительно демонстрируют закономерность, в соответствии с которой прагматический фактор играет важную роль при определении структуры и границ значения. Как было продемонстрировано в статье, феномен салиентности как социопрагматический компонент значения не является однородным и зависит, в частности, от того, представляет ли данное значение социальную значимость для всего языкового коллектива или для группы экспертов в соответствующей области человеческого знания. Таким образом, можно утверждать о существовании двух различных стратегий словарного описания: в одном случае содержание дефиниции зависит от экспертного решения по поводу включения/исключения тех или иных смысловых компонентов, наиболее адекватно отражающих сущность денотата; во втором случае лексикограф следует за языковым поведением носителей языка, выявляя степени значимости различных признаков, закрепленных в структуре лексического значения.

Полученные нами наблюдения коррелируют с описанной выше теорией П. Герденфорса, согласно которой, как было сказано, социальная надстройка лексического значения может представлять собой два типа структур: олигархическую (значение определяется группой экспертов) и демократическую (за значением закрепляются социально значимые смысловые компоненты, релевантность которых зависит от прагматических установок членов языкового коллектива). Как было продемонстрировано в ходе исследования, обе структуры могут сосуществовать в рамках единой

тематической группы лексики, а выбор одной из них для значения конкретной лексической единицы зависит от охвата языкового сообщества, в рамках которого описываемое наименование представляет прагматический интерес – от узкого круга экспертов до всего языкового коллектива.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Geeraerts, D. Ten Lectures on Cognitive Sociolinguistics* [Электронный ресурс] / D. Geeraerts // *Distinguished Lectures in Cognitive Linguistics* / ed. Fuyin (Thomas) Li. – 2018. – Vol. 8. – 328 p. – Режим доступа: <https://brill.com/view/title/34202>. – Дата доступа: 12.02.2016.
2. *Langacker, R. W. Foundations of cognitive grammar* / R. W. Langacker. – Stanford, CA : Stanford Univ. Press, 1987. – Vol. 1. – 528 p.
3. *Geeraerts, D. Words and other wonders: papers on lexical and semantic topics* / D. Geeraerts. – Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter; 2006. – 505 p.
4. *Tuggy D. Ambiguity, polysemy and vagueness* / D. Tuggy // *Cognitive linguistics*. – 1993. – Vol. 4, № 3. – P. 273–290.
5. *Chen, Bo. Social Constructivism of Language and Meaning* / Chen Bo // *Croatian Journal of Philosophy*. – Vol. XV, № 43. – 2015. – P. 87–113.
6. *Berger, P. L. The social construction of reality : a Treatise in the Sociology of Knowledge* / P. L. Berger, T. Luckmann. – USA : Penguin Books, 1966. – 249 p.
7. *Gärdenfors, P. Some Tenets of Cognitive Semantics* / P. Gärdenfors // *Cognitive Semantics: Meaning and cognition* / ed.: J. Allwood, P. Gärdenfors. – Amsterdam : John Benjamins Publ., 1999. – P. 19–37.
8. *Putnam, H. Meaning and Reference* / H. Putnam // *The Journal of Philosophy*. – 1973. – Vol. 70, № 19. – P. 699–711.

Поступила в редакцию 18.02.2021

УДК 52(2)

Шевцова Алеся Константиновна

кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой романо-германской
филологии
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова
г. Могилев, Беларусь

Shevtsova Alesia

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Romance-
Germanic Philology
Mogilev State A. A. Kuleshov University
Mogilev, Belarus
shevtcova@msu.by

Каширина Александра Леонидовна

преподаватель кафедры романо-германской
филологии
Могилевский государственный университет
имени А. А. Кулешова
г. Могилев, Беларусь

Kashirina Aleksandra

Lecturer of the Department of Romance-
Germanic Philology
Mogilev State A. A. Kuleshov University
Mogilev, Belarus
kashirina@msu.by

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРСУАЗИВНОСТИ В ЖАНРЕ ИНФОРМАЦИОННОГО ИНТЕРВЬЮ

LANGUAGE IMPLEMENTATION OF THE COMMUNICATIVE CATEGORY OF PERSUASIVENESS IN AN INFORMATION INTERVIEW

Данная статья посвящена рассмотрению персуазивности как модусной категории коммуникативной лингвистики в компаративном аспекте на материале англоязычного, франкоязычного и белорусскоязычного информационного интервью как жанра телевизионного дискурса. Изложены результаты анализа наиболее распространенных частных персуазивных стратегий и реализующих их языковых средств.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *коммуникативная стратегия; частная стратегия; персуазивность; медиакоммуникация; информационное интервью.*

This article discusses persuasiveness as a *modus* category of communicative linguistics in a comparative aspect. It presents the results of an analysis of the most common particular persuasive strategies and the language tools that implement them in an information interview based on the English, French and Belarusian languages.

Key words: *communicative strategy; particular strategy; persuasiveness; media communication; information interview.*

Наиболее типичные особенности современных медиа – их информационный характер и направленность на анализ происходящих событий, процессов и ситуаций. Коммуникация в СМИ предполагает языковое и медийное влияния, которое объединяет сложные механизмы познания, восприятия и поведения. Особую актуальность в этом процессе приобретает исследование средств и приемов воздействия, которые реализуются в рамках аргументативной структуры жанров [1, с. 41]. Речевое воздействие в средствах массовой информации является направленным, так как задача субъекта – добиться определенного результата от объекта речевого воздействия.

Категория персуазивности (от лат. *persuasio/onis* ‘убеждение’, ‘уговоры’, англ. *persuade* ‘уговаривать’) входит в сферу категорий модусного плана. Лингвисты изучают модусные категории, опираясь на собственную интерпретацию каждой из них, вследствие чего возникает множество различных классификаций средств выражения той или иной категории. Анализ и описанию модусных категорий посвящены работы таких лингвистов, как Н. Н. Болдырев [2], О. А. Кобрина [3], Е. А. Бочарова [4], Е. Ю. Дубовицкая, Е. С. Кубрякова и другие. Категория персуазивности является неотъемлемой частью коммуникации в случае необходимости доказать, убедить, переубедить, поддержать, передать уверенность в сказанной информации, сфокусировать внимание на каком-либо факте действительности. Модусная категория персуазивности и ее языковое воплощение представляют интерес для ряда лингвистов, в том числе Е. Н. Василенко [5], Ж. Багана, Э. А. Бочаровой [4], Л. В. Ермаковой [6], О. А. Кобриной [3], З. Р. Латфулиной [7], Е. А. Гамаюновой [8], С. С. Мартемьяновой [1]. Классификации персуазивных стратегий разработаны О. Н. Паршиной [8], И. Ю. Логиновой [8], С. С. Мартемьяновой [1].

Исследователь Е. Н. Василенко называет убеждением «процесс и результат преимущественно вербального воздействия на слушающего/аудиторию, оказываемого с целью формирования у реципиента устойчивых мнений, оценок и т.п. либо изменения его поведения, осуществляемого в условиях наличия у адресата свободы воли и возможности рационально мыслить» [5, с. 23], отмечая, что психологический фактор речевого воздействия – также часть процесса убеждения. А. В. Голоднов считает, что эта категория «реализует попытку воздействия адресанта на реципиента с целью добиться от него принятия самостоятельного решения о совершении действия» [3, с. 98].

По мнению С. И. Виноградова, «персуазивность – это семантическая категория дискурса, включающая в себя стратегии и тактики, которые реализуются через вербальные средства намеренного воздействия на ментальную сферу адресата с целью изменения его поведения» [8]. З. Р. Латфулина выделяет следующие языковые маркеры персуазивности: модальные и вводные частицы, наречия и адвербиальные обороты, разнообразные средства выражения иронического отрицания, в том числе и синтаксические. Возможно использование модальных слов, модальных частиц, слов и сочетаний, ситуативно выполняющих функцию показателей неуверенности [7, с. 25–26]. Л. В. Ермакова также отмечает, что чаще всего речевое воздействие осуществляется при взаимодействии информирования и убеждения и выделяет следующие способы интенционального воздействия: аргументация, манипуляция, авторитет носителя институционально более высокого статуса, физическая или психическая сила [6, с. 141].

Как полагает О. А. Кобрин, в плане коммуникативной значимости категория персуазивности «жизненно необходима человеку в процессе общения для достижения поставленных им целей: убедить, переубедить, поддержать или найти поддержку, выразить уверенность в сказанном, направить в нужное русло, доказать свою правоту» [3, с. 98]. Она утверждает, что вследствие этого в языке выявляется множество как лексических, так и синтаксических средств ее реализации. «Лексически категория персуазивности представлена глаголами соответствующей семантики, которые могут быть как со знаком «+» (положительная персуазивность), так и со знаком «–» (отрицательная персуазивность)» [3, с. 98]. Данная категория может быть реализована синтаксически – побудительными предложениями, простыми предложениями со сказуемым + инфинитив, сложноподчиненными предложениями [3, с. 99].

О частных стратегиях на уровне системы персуазивной коммуникации говорит С. С. Мартемьянова и выделяет три соответствующих блока: «актуализация проблемы, представленная ценностной стратегией, микрозадача которой состоит в том, чтобы убедить в существующем положении вещей с помощью средств оценки и апелляциями к ценностям адресата; информирование о событиях (рациональная стратегия), микрозадача – логически объяснить суть происходящего так, чтобы вызвать интерес читателя, побу-

дить к размышлению и принятию сообщаемого; формулирование преимуществ данной точки зрения с помощью эмоционально окрашенных стилистических приемов (эмоциональная стратегия), т.е. задать нужный настрой, сформировать желание согласиться с автором» [1, с. 43].

Материалом нашего исследования частных стратегий персуазивности послужили 10 информационных интервью на английском языке (время звучания – 62 минуты, телепередача «Andrew Marr Show»), 10 информационных интервью на французском (время звучания – 64 минуты, телепередача «L'invité») и 10 информационных интервью на белорусском языке (время звучания – 68 минут, телепередачи «Актуальное интервью», «Дыяблог. Промову»). При этом за основу была взята классификация *частных персуазивных стратегий* С. С. Мартемьяновой [1, с. 43]. В ходе выборки было выявлено 234 случая лексической реализации приемов частных персуазивных стратегий в информационном интервью на английском языке, 309 – на французском языке и 190 – на белорусском.

Наиболее типичным приемом реализации частной стратегии персуазивности в проанализированных языках служит *приведение доказательств*, а самыми частотными языковыми средствами вербализации исследуемой категории являются *экспрессивно окрашенные лексические единицы* (в английском языке они идентифицированы в 52,6 % случаев, во французском языке – в 72,2 % и в белорусском – в 62,1 %). Особое внимание необходимо уделить тропам, которые помогают достичь образности и выразительности. Именно использование тропов – один из самых эффективных способов заинтересовать собеседника. Наполнив свою речь эмотивной лексикой и всевозможными тропами, коммуникант ее обогащает, делая более образной и «живой». Эпитеты, например, выражают ту или иную оценку и характеризуются субъективной коннотацией: *эластычны бізнес*, *eternal fight* ‘вечная борьба’, *une Francophonie forte* ‘сильная Франкофония’. Не менее значимое, как показал анализ, стилистическое средство – метафора, позволяющая интервьюеру прочувствовать оценку явления (факта), которое описывает интервьюируемый: *бо мова, як вядома, – люстэрка усяго таго, што нас акаляе*; *government is built on technocracy* ‘правительство построено на технократии’. Фразеологизмы позволяют эмоционально усилить эффект от сказанного, придать речи живость: *hit the target* ‘попасть в цель’, *avoir une oreille attentive* ‘внимательно слушать’. Лексический повтор выделяет главную идею высказывания, тем самым удерживает внимание слушателя, способствует убеждению: *А гэта значыць, напэўна, што ўсё-такі тыя, можа быць, праблемы, якія ёсць, з падрыхтоўкай філолагаў будучых, падрыхтоўкай будучых настаўнікаў, будучых педагогаў вышэйшых навучальных устаноў і сярэдніх навучальных устаноў, будучых карэспандэнтаў, будучых дыктараў*; *Elle permet de mettre en place un réseau des jeunes, d'impliquer la jeunesse, et créer une Francophonie forte, une Francophonie qui rayonne, une Francophonie sans complexe avec des cibles très précises* ‘Это

позволит создать молодежную сеть, привлечь молодых людей и создать сильную Франкофонию, Франкофонию, которая сияет, Франкофонию без комплекса и с очень точными целями’.

Относительно равные показатели использования рациональной частной стратегии приведения доказательств были зафиксированы в белорусском (18,2 %) и английском (17,4 %) языках (для сравнения во французском – 8,7 %). Чаще всего при ответе на вопрос интервьюируемый соглашается (либо не соглашается) с высказанным мнением, приводя рациональные доказательства, неоспоримые факты, что, естественно, убеждающе действует на собеседника и телезрителей.

Для вербализации рациональной персуазивной стратегии характерны констатация, прямое утверждение (12,8 % в белорусскоязычном интервью, 5,2 % – в англоязычном, 8,9 % – в интервью на французском языке), направленные на убеждение слушающего в несомненности наличия некоего факта действительности. Например, в интервью с Полом Натталлом Эндрю Марр просит назвать причины, по которым правительство хочет запретить носить паранджу. Пол Натталл сначала констатирует, что действительно происходит, называет то, что очевидно (лексическим средством реализации персуазивной стратегии здесь служит, прежде всего, наречие *obviously* ‘очевидно’): *For two reasons. Firstly, obviously we have a heightened security risk at the moment...* ‘По двум причинам. Во-первых, очевидно, что сейчас у нас повышенный риск для безопасности...’, а затем оперирует статистическими данными, подтверждает и успешно убеждает в том, что говорит (в данном случае существительное *статистика* говорит само за себя): *And, you know, look at some of the statistics. 58 % of Muslim women are economically inactive. 22 % don't speak English to any great level. What we need to do is we need to ensure that these people are fully integrated into British society and you can't do that if you're hidden behind a veil* ‘И, вы знаете, посмотрите на некоторые статистические данные. 58 % мусульманских женщин экономически неактивны. 22 % плохо говорят по-английски. Нам нужно сделать так, чтобы эти люди были полностью интегрированы в британское общество, и вы не сможете этого сделать, если вы спрятаны под чадрой’.

Несколько реже в интервью обнаруживаются обращения к приему оценочного сравнения, сопоставления, противопоставления (8,97 % в интервью на белорусском языке, 4,2 % – на английском и 5,8 % – на французском), приему использования ценностной частной стратегии. Чаще всего он служит для выражения оценки явления, например, соотношения его состояния в прошлом и настоящем. Таким образом говорящий убеждает слушающего в прогрессе, в возможных положительных изменениях: *Так што накуль «мінус», але усё ж такі дынаміка ўжо пайшла ў іншы бок. І мы вельмі спадзяемся, што да канца года мы выправім гэтую сітуацыю.*

Еще реже участники интервью на трех исследуемых языках апеллируют к статистическим данным, чаще всего выраженным числительными (4,3 % в белорусскоязычном интервью, 1,9 % – в англоязычном и во франкоязычном – 2,1 %). Данный прием позволяет сделать весомее ряд аргументов либо доказательств в пользу говорящего: *Я катэгарычна не згодзен з той думкай, што беларуская мова памірае. Вось зусім нядаўна ў інтэрнэце была інфармацыя, што з вялікага мноства моў з усяго свету, беларуская мова па колькасці носьбітаў займае 69 пазіцыю. Пры гэтым носьбітаў беларускай мовы ў Беларусі 6340000, у Расіі – 316000, у Польшчы – 40 тысяч, Украіне – 55, Літве – 30, Канадзе – 10 і Чэхіі – 7... А наверце мне, што калі нават зыходзіць з лічбы 3500 моў свету, то пазіцыя 69 – гэта далёка нядрэнна.* Из данного примера можно сделать вывод об эффективности использования статистических или цифровых данных как части аргументации, направленной на участника диалога. Более того, императив *наверце* также становится средством реализации персуазивной стратегии.

Особенностью франкоязычных интервью является предпочтение со стороны коммуникантов приема обращения к высшим ценностям (6,5 %): любви к Родине, Богу, природе. В данном ракурсе лексические единицы с семантикой положительной оценочности (например, слово *мечты*) также становятся средствами реализации персуазивности и играют немалую роль, а их выраженная эмоциональность исключает возможность негативной коннотации. В ходе анализа франкоязычных интервью было зафиксировано только три ироничных высказывания, две инверсии (0,65 %).

Подводя итог, отметим, что для участников интервью на английском, французском и белорусском языках характерно достаточно частое обращение к приемам частных стратегий убеждения. Наиболее частотными являются использование экспрессивно окрашенных лексических единиц и приведение доказательств. В большинстве случаев участники интервью на всех трех языках прибегают к эмоциональной персуазивной стратегии. Однако использование частной рациональной стратегии приведения доказательств также типично для собеседников. Констатация, прямое утверждение – нередко применяемые приемы рациональной персуазивной стратегии. В то же время для коммуникации в формате интервью практически не характерно использование оценочных сравнений, сопоставлений или противопоставлений. Изредка участники апеллируют к статистическим данным. Обращение к высшим ценностям усиливает воздействие на слушателей в интервью на исследуемых языках, причем во французском языке данная стратегия применяется чаще. Практически полное отсутствие иронических высказываний может быть обусловлено тематикой интервью, характером информации, предоставленной его участниками.

Основными средствами реализации частных персуазивных стратегий в проанализированных интервью на трех языках являются модальные слова, глаголы и императивы (...*ça veut dire que tu dois être fort, tu dois être droit, tu*

dois être humain, tu dois donner des choses bien pour le monde...; But we had to get the balance. We had to get the balance of being totally inclusive), а также отдельные лексические единицы в англоязычном и франкоязычном интервью.

Не менее важными средствами персуазивности стали лексические единицы с семантикой положительной оценочности, такие как *améliorer, progressive, chance, stable, independence, résultat, prosperity, fair competition, a strong story, achievement, stability*. Такие слова формируют положительное отношение к предмету обсуждения и способны создать приятное впечатление у реципиентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мартемьянова, С. С. Аргументация и стратегии персуазивности в речевом жанре «Дискуссия» / С. С. Мартемьянова // Изв. ВГПУ. – 2013. – № 9. – С. 41–45
2. Болдырев, Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации / Н. Н. Болдырев // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2016. – № 4. – С. 10–20.
3. Кобрина, О. А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию / О. А. Кобрина // Вопр. когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 90–100.
4. Багана, Ж., Языковые средства персуазивной коммуникации в предвыборном политическом дискурсе (на материале предвыборных кампаний в России и США 2007–2008 гг.) / Ж. Багана, Э. А. Бочарова // Вестн. РУДН. Общее языкознание. – 2009. – № 2. – С. 5–10.
5. Василенко, Е. Н. Языковые средства убеждения в политическом дискурсе / Е. Н. Василенко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2018. – 164 с.
6. Ермакова, Л. В. Манипулятивные технологии как способ реализации модусной категории персуазивности в дискурсе СМИ / Л. В. Ермакова // Вестн. КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2015. – № 3. – С. 141–144.
7. Латфулина, З. Р. Взаимодействие категорий персуазивности и авторизации в диалектном высказывании / З. Р. Латфулина // Вестн. КемГУ. – 2012. – № 4. – С. 25–29.
8. Гамаюнова, Е. А. Персуазивность и способы ее языковой реализации в предвыборном дискурсе (на материале предвыборных речей В. Путина) [Электронный ресурс] / Е. А. Гамаюнова. – Режим доступа : <http://refleader.ru/polatyujgrnaotr.html>. – Дата доступа : 17.02.2018.

Поступила в редакцию 15.03.2021

Ядченко Екатерина Ивановна
ст. преподаватель кафедры германских
языков
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Yadchenko Ekaterina
Senior lecturer, Department of Germanic
Languages
Belarusian State University
Minsk, Belarus
jadtschenko@mail.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КАК КЛЮЧЕВОЙ МЕТОД ИЗУЧЕНИЯ СОДЕРЖАНИЯ ДИСКУРСА ИДЕНТИЧНОСТИ МИГРАНТОВ

CATEGORIZATION AS A KEY METHOD FOR STUDYING THE DISCOURSE OF MIGRANTS' IDENTITY

Статья выполнена в поле лингвистики дискурса и описывает потенциал методики когнитивного моделирования в изучении гибридной идентичности мигрантов. Исследование проведено на материале дискурсов мигрантов Беларуси и Германии, и демонстрирует специфику категоризации и вербализации мигрантами нового для них социокультурного пространства.

К л ю ч е в ы е с л о в а: гибридная идентичность мигрантов; когнитивные процессы; категория; категоризация; когнитивная модель.

The article applies to the field of discourse linguistics and describes the potential of the cognitive modeling methodology in the study of the hybrid identity of migrants. The study was carried out on the basis of the discourses of migrants living in Belarus and Germany; it demonstrates the specifics of categorization and verbalization by migrants of a socio-cultural space which is new for them.

Key words: hybrid identity of migrants; cognitive processes; category; categorization; cognitive model.

В последние годы в западной гуманитарной науке в описании интеграционных процессов закрепилось понятие *гибридная идентичность мигрантов*, под которой понимается постоянно видоизменяющийся дискурсивно-ценностный конструкт, присущий индивидам, находящимся на перекрестке разных культур. Участвуя в формировании дискурса идентичности, мигранты не только обмениваются информацией, но и перерабатывают ее, привнося новое знание в последующие коммуникативные акты. Человеческие мотивы, установки, эмоции, образы «я» и «других» – это конструкты, постоянно воспроизводимые в процессах интеракции и коммуникации. Индивидуальное знание коммуникантов не является уникальным, а отражает концептуальную систему, присущую коллективу. Это «непрерывно конструируемая и модифицируемая динамическая система данных (представлений, мнений, знаний)» [1, с. 19], «единая информационная база» [2, с. 155]. Иначе, сложный мир социального человека неизбежно сводится к его упрощенным моделям, присущим в сознании всех членов коллектива.

С 80-х годов в когнитивных науках большую популярность приобретают модели когнитивной архитектуры [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11], которые оказали сильное влияние на исследование дискурса. Данный принцип основан на представлении о том, что знание о мире формируется в сознании индивидов посредством типизации и категоризации отдельных фактов и хранится в виде когнитивных схем и моделей. Основополагающими понятиями когнитивной науки являются *категория* и *категоризация*. Как отмечает Е. С. Кубрякова, категоризация представляет собой главный способ придания воспринятому миру упорядоченного характера, позволяет систематизировать наблюдаемое и увидеть в нем сходство одних явлений в противовес различию других [7, с. 85]. Осуществляя категоризацию действительности, сознание человека «сводит бесконечное разнообразие своих ощущений и объективное многообразие форм материи и форм ее движения в определенные рубрики, то есть классифицирует их и подводит под такие объединения, как классы, разряды, группировки, множества, категории» [12, с. 45–46]. Результатом действия глубинных когнитивных процессов является формирование системы категорий, представляющих собой группы концептов, хранимых в памяти.

Категоризация окружающего мира индивидом осуществляется посредством языковых средств и реализуется в речи. Язык предоставляет индивиду особый инструментальный, своеобразный строительный материал. Выделяя, осмысливая и сопоставляя реалии окружающего мира с имеющимися знаниями, индивид присваивает им конкретные обозначения, закрепляет их в своем сознании за рубриками с помощью языка [13, с. 5].

В настоящее время существует несколько подходов к выделению языковых категорий – классический, прототипический, логический, полевой, оппозиционный, семантический, прагматический. Вместе с тем, очевидно, что целый ряд семантических феноменов невозможно описать в рамках структурной семантики ввиду гибкой и динамичной природы значения. Данная идея является ключевой в функциональном и дискурсивном направлении лингвистики, настаивающих на изучении ситуационного значения с учетом контекстных характеристик. Продолжая разработку теории категоризации, Дж. Лакофф предложил теорию идеализированных когнитивных моделей, которые представляют собой относительно устойчивые единицы, направляющие, регулирующие процесс категоризации. Анализ явления категоризации с точки зрения идеализированных когнитивных моделей предоставляет возможность создания более гибкой системы знаний об окружающем мире [6, с. 176].

Согласно Дж. Лакоффу, существуют когнитивные модели пяти типов – пропозициональные, образно-схематические, метафорические, метонимические, символически идеализированные. В рамках нашего исследования представляют интерес *метафорические модели* – отображение пропозициональных или образно-схематических моделей одной области на соответствующие структуры другой области [6, с. 370–373] (например, представление

о явлении миграции в Европе как наводнении). Синтезируя все типы когнитивных моделей Дж. Лакоффа, мы представим рабочее определение *когнитивной модели* – это многоуровневая структура, включающая понятийную, образную и ценностную составляющую, которая является продуктом категоризации и систематизации окружающего мира в коллективном сознании индивидов. Когнитивная модель представляет собой комплексное структурированное целое психического уровня, сложный содержательный конструкт, хранящийся в коллективной памяти и реализованный средствами языка, однако, по своему содержательному наполнению не соответствующий сумме значений его компонентов и нацеленный на привнесение нового содержания в знание о мире. Когнитивные модели – относительно устойчивы, они отражают актуальное состояние коллективного знания и трансформируются с развитием общества.

В контексте нашего исследования мы обнаружили, что в дискурсе мигрантов представления о таких явлениях действительности, как миграция, интеграция, прошлое, будущее, образы себя и других организуются в виде когнитивных моделей и сценариев. В фокус внимания респондентов попадают явления, наиболее актуальные для них в определенный отрезок их жизни. Они вербализуются посредством эмоционально-оценочных средств, тем самым задают вектор для образного восприятия этих явлений исследователем и объективации их посредством метафоры (методологическая метафоризация). Так, в дискурсе мигрантов реализуются такие когнитивные модели, как «Интеграция как стук в закрытую дверь», «Миграция как побег от опасности», «Покинутая родина как страна, к которой привязано сердце мигранта» и т.п.

Основной методологией для нашего исследования стала *обоснованная теория* [14; 15]. Она предполагает построение исследователем собственной теории посредством пошагового анализа материала – от сбора единичных языковых фактов, их типологизации и категоризации, реконструкции дискурс-категорий, их систематизации, моделирования содержания дискурсии – к последующему анализу и описанию содержания дискурсивного конструкта гибридной идентичности мигрантов. Исследование осуществлялось на материале дискурсов мигрантов, полученных автором методом глубинных интервью. Наши респонденты – мигранты, проживающие в Беларуси и Германии, интервью с ними проводились на языке пространства-реципиента (русского и немецкого). Всего было собрано и проанализировано 110 дискурсов мигрантов. В процессе анализа нами было реконструировано и описано 10 когнитивных моделей гибридизации идентичности мигрантов и 7 пространственных когнитивных моделей. Методику категоризации и моделирования содержания дискурса идентичности мигрантов рассмотрим на примере одной когнитивной модели – «Мы стучимся в закрытую дверь».

В процессе анализа дискурсов некоторых мигрантов мы смогли выделить ряд лексических, грамматических, стилистических фактов, которые

в своей комбинации сформировали комплексные дискурсивно-содержательные единицы более высокого порядка. Так, мы находим в дискурсиях следующие семантические компоненты: 'он хотел принадлежать (к обществу)' (*Er wollte dazugehören*), 'хочу выбирать мэра' (*Dann möchte ich genauso gut den Bürgermeister, den ich kenne, auch wählen*), 'хочу работать' (*Ich will arbeiten*), 'хотим работать' (*Wir wollen etwas machen*), 'пытаться пристроиться (трудоустроиться)' (*Старики как-то пытались в гемайнде пристроиться*), 'хочу работать безвозмездно' (*Ich will ohne Geld arbeiten, freiwillig*). При внимательном рассмотрении данных языковых фактов, мы можем отметить, что все они содержат в качестве компонента содержания значение «желание». С другой стороны, модальность желания реализуется в данных случаях в сочетании со значением «деятельность, направленная на трудоустройство, участие в жизни общества-реципиента». Для дальнейшей систематизации выделенных единиц привлекаем данные, полученные на этапе тематического анализа дискурсов [16], а также контекст. Так, данные единицы спроецированы на тему «Интеграция в новое пространство». Таким образом, мы можем выделить дискурсивно-содержательную категорию, которую обозначим как «Желание мигрантов включиться в новое общество».

Аналогичным образом нами были получены другие дискурсивно-содержательные категории: «Препятствие на пути включения в новое общество, непринятие» с ее развитием посредством субкатегорий «Непонимание мигрантов ввиду различия культур», «Субъективное непринятие представителями нового общества (стереотипы, предрассудки)», «Категорическое исключение со стороны принимающего общества, государства»; далее следуют дискурсивно-содержательные категории «Бессмысленность усилий», «Состояние фрустрации», «Экспликация обиды принимающему обществу», «Предложения и требования от мигрантов к принимающему обществу». Все выделенные дискурсивно-содержательные категории связаны друг с другом посредством причинно-следственной связи. Так, непринятие в новое общество, несмотря на максимум приложенных усилий, становится причиной фрустрации мигрантов, стимулирует экспликацию обиды принимающему обществу, а также требований услышать мигрантов. Структурирование дискурсивно-содержательных дискурс-категорий позволило моделировать явление гибридизации данной группы мигрантов, которое мы обозначили метафорически как «Мы стучимся в закрытую дверь».

Внимательное изучение и описание содержательного наполнения данной когнитивной модели позволило нам прийти к значимым выводам в изучении специфики гибридизации определенной группы мигрантов в процессе интеграции в новое общество. Так, несмотря на то, что мигранты данной группы уже имеют некоторый опыт социализации и интеграции, они демонстрируют в своих дискурсиях негативную оценочность нового пространства, за рамками которого они остаются, несмотря на все усилия туда попасть в течение нескольких лет жизни в нем. Респонденты постоянно

предпринимают действия, направленные на интеграцию в новое общество, что актуализируют семантические компоненты 'искать работу', 'хочу подработать', 'стараюсь официально устроиться', 'думаю открыть свое дело', 'мне надо получать образование', 'я должен учиться', 'собираюсь поступать (в ВУЗ)', 'надо усердно работать', 'не хотим отсиживаться (на лекциях)', 'посещать языковые курсы', 'он ходит на интеграционные курсы' (*Seitdem ist er schon fleißig auf der Suche nach Kursen, möchte sich weiterbilden*). Вместе с тем их желание стать полноценным членом нового общества преломляется через некое препятствие, вызывающее дискомфорт и растерянность респондентов – непонимание мигрантов со стороны принимающего общества ввиду культурно-мировоззренческих различий, субъективное неприятие мигрантов членами нового общества, вплоть до их категорического исключения со стороны общества и государства. Так, субъективное неприятие мигрантов членами нового общества актуализируется посредством таких семантических компонентов, как 'неподобающее отношение', 'неприветливое отношение', 'недолгобливают иностранцев', 'попрекают', 'ставят себя выше других' (*В лубой непонятой ситуации, я сколько замечал, белорусы тебя сразу попрекают, ставят себя все время выше приезжих*), 'странно смотрят на тебя' (*Ich wurde angeguckt, weil ich mit meiner Mutter halt damals Albanisch gesprochen habe, und dann gucken die Leute, hey, was ist das, was für eine Sprache!*), 'барьер из предрассудков' (*Barrieren gibt es für Fremde im Sinne von Vorurteilen, im Sinne sich damit nicht auseinandersetzen wollen, aber auch ganz stark Angst*). Категорическое исключение со стороны принимающего общества и государства отражают ситуации отказа мигрантам в правовом статусе, приеме на работу, искусственно созданным помехам в карьерном росте (*Der Michael, der Rolf, der Peter sie dürfen wählen gehen, ich nicht*).

В случае беженцев Германии чувство растерянности и фрустрации вызвано реакцией местного населения на их фамилию либо внешность. Это актуализируют такие семантические компоненты, как 'бояться имени Мохаммед' (*Wirklich, sie haben Angst vor dem Namen Mohammed Al Ahmed*), 'отказываются брать на работу человека с (арабским) именем' (*Aber sie geben nicht die Arbeit, sie sagen, wir rufen dich später an, und dann sagen sie, wir haben keinen Platz mehr frei*). Аналогичная ситуация происходит с женщинами в хиджабе, отношение к которым эксплицируется в дискурсиях посредством компонента 'стигма' (*Du hast so ein Stigma, du bist das Mädchen mit dem Kopftuch*). Отказ работать со студентками-мусульманками в одной группе на университетских занятиях реализуется посредством семантических компонентов 'пугаться', 'блокировать', 'не хотеть иметь дело' (*Viele schrecken sich ab, viele möchten gar nicht, mit dir was zu tun haben, viele blockieren einfach, wollen keine Gruppenarbeiten mit dir machen*). В ситуации с женщинами в хиджабе также реализуется значение «барьер», который ограничивает карьерный рост женщины, локализует ее в сфере обслуживания. Это демонстрирует дискурсивная структура «Можно заполнять прилавки, можно

заниматься уборкой – нельзя стремиться к более высоким должностям» (*Man darf Regale einfüllen, man darf an der Kasse arbeiten, man darf schön putzen gehen – das ist überhaupt kein Problem. Aber sobald man in einer bestimmten Position aufsteigen möchte oder Verantwortung übernehmen möchte, kommt gleich ein Tabu*). Ограничение в карьерном росте происходит, по мнению мигранток-мусульманок, несмотря на наличие у них высшего образования (*Ich sitze im Prinzip zu Hause, mache Hausarbeit und hab mein Diplom in der Tasche*). Значение невозможности перешагнуть барьер усиливается посредством конъюнктивной структуры «что бы ты ни делал» (*Egal, was du machst, du kannst die beste sein, du kannst das allerbeste machen, die besten Qualifikationen aufweisen, aber du kommst einfach nicht rein*).

В качестве причин неудач в профессиональной самореализации в дискурсиях российских эксплицируется незаинтересованность принимающего общества в специалистах, выходцах из бывшего СССР. Данное значение актуализируется в лексических компонентах ‘никого не интересует’, ‘здесь это не нужно’, ‘невозможно’, ‘место занято’ (*И никого не интересует, потому что им всем нравится, что все прекрасно работают и без меня*). Такое положение нередко становится причиной огорчения, отчаяния респондентов – ‘я часто стенаю’, ‘я чувствую себя ненужным’, ‘нет никакого желания вставать с постели’, ‘хочется просто лежать’ (*Ну я часто стенаю, конечно, потому что мне хочется просто находиться как-то среди людей и выполнять ту работу, которую, допустим, я хорошо знаю*). В дискурсиях мигрантов второго поколения, которые выросли в Германии и не имеют проблем с языком, пониманием трудового законодательства и устройства социальной системы, значение «ненужные» актуализируется посредством семантических компонентов ‘люди второго сорта’, ‘низший слой общества’, ‘чувствовать ветер в лицо’ (*Wir sind ja hier die zweite Schicht, egal, wie land wir hier leben*).

Чувство возмущения и обиды по отношению к принимающему обществу со стороны мигрантов актуализируется посредством семантических компонентов ‘нам обидно’, ‘это задевает’, ‘нам тяжело’, ‘я считаю это детским’, ‘это низко’, ‘к сожалению, такое происходит’ (*Я считаю это вообще детским вот это «будешь у себя дома командовать» или «что ты тут раскомандовался»*). Стремясь призвать принимающее общество к пониманию и сочувствию, респонденты используют широкий спектр риторически-стилистических средств (*Даже если бы я не говорила по-русски, чем я, например, хуже тебя? Я такой же человек!*), побудительные конструкции (*Вот поймите, реально тяжело зарабатывать 2 копейки, потом за квартиру платить каждый месяц!*). При этом адресатом высказывания зачастую выступают непосредственно люди из среды профессиональной деятельности и повседневного общения адресата, проявившие равнодушие и не оказавшие помощь в сложной ситуации (*Мы не знали, что такая система существует, что преподаватель высылает заранее свои эти задания, и там все готовятся. Когда дело дошло до экзамена, когда оценки пошли, мы думаем, а почему нам никто не подсказал?*).

В реализации данной когнитивной модели респондентами акцентируется наличие множества стереотипов по отношению к мигрантам, респонденты призывают 'бороться со стереотипами', 'стимулировать многоязычие мигрантов', 'стимулировать использование их межкультурного потенциала', 'создавать ощущение их полезности' (*Schülerinnen und Schüler brauchen das Gefühl, dass sie gebraucht werden sehr stark*).

Таким образом, категоризация – это ментальная операция, к которой прибегает индивид в процессе познания им окружающего мира, сводя его к его упрощенным моделям. Когнитивное моделирование мира отражает концептуальную систему определенных социальных групп и демонстрирует коммуникативное конструирование реальности. Реконструкция и описание когнитивных моделей идентичности мигрантов позволили выявить способы категоризации ими своего жизненного опыта до и после миграции. Когнитивные модели гибридизации демонстрируют специфику ценностного выбора мигрантов. Когнитивная модель «Мы стучимся в закрытую дверь» демонстрирует чувство фрустрации и растерянности многих мигрантов, связанное с непринятием их в новое общество, несмотря на все их устремления. В своем дискурсе мигранты адресуют принимающему обществу упрек в дискриминации и призывают к пониманию и взаимодействию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каменская, О. Л. Текст и коммуникация : учеб. пособие / О. Л. Каменская. – М. : Высш. шк., 1990. – 151 с.
2. Залевская А. А. Информационный тезаурус человека как база речемышлительной деятельности // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985. – С. 150–171.
3. Pearce, W. B. Communication, action, and meaning: the creation of social realities / W. B. Pearce, V. E. Cronen. – N. Y. : Praeger, 1980. – 340 p.
4. Anderson, J. R. The architecture of cognition / J. R. Anderson. – Cambridge ; London : Harvard Univ. Press, 1983. – XI, 345 p.
5. Jackendoff, R. The architecture of the language faculty / R. Jackendoff. – Cambridge ; London : The MIT Press, 1997. – XVI, 262 p.
6. Lakoff, G. Women, fire, and dangerous things: what categories reveal about the mind / G. Lakoff. – Chicago : Univ. of Chicago Press, 1987. – XVII, 614 p.
7. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения / Е. С. Кубрякова. – М. : Рос. акад. наук, Ин-т языкознания, 1997. – 330 с.
8. Минский, М. Фреймы для представления знаний / М. Минский ; пер. с англ. О. Н. Гринбаума ; под ред. Ф. М. Кулакова. – М. : Энергия, 1979. – 151 с.
9. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. – Вып. 23 : Когнитивные аспекты языка. – С. 52–92.
10. Кибрик А. Е. Лингвистические предпосылки моделирования языковой деятельности / А. Е. Кибрик // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. – М., 1987. – С. 33–52.

11. *Карасик, В. И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – 2-е изд. – М. : Гнозис, 2004. – 390 с.
12. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова [и др.] ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Моск. гос. ун-т, 1996. – 245 с.
13. *Болдырев, Н. Н.* Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории / Н. Н. Болдырев // *Вопр. когнитив. лингвистики.* – 2011. – № 1. – С. 5–14.
14. *Страусс, А.* Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 255 с.
15. *Strübing, J.* Grounded Theory / J. Strübing. – Wiesbaden : VS Verl., 2004. – 182 S.
16. *Ядченко, Е. И.* Тематический анализ дискурсии как базовый этап в исследовании дискурса мигрантов / Е. И. Ядченко // *Бизнес. Образование. Право. Вестн. Волгоград. ин-та бизнеса.* – 2012. – № 4. – С. 30–34.

Поступила в редакцию 05.04.2021

РОМАНСКОЕ И ГЕРМАНСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.111'37(045)

Беланович Елена Владимировна

кандидат филологических наук,
зав. кафедрой иноязычного речевого
общения, Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Belanovich Yelena

PhD in Philology, Head of the Department
of Foreign Speech Communication
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
pescofre@gmail.com

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ
С ГЛАГОЛАМИ СО ЗНАЧЕНИЯМИ 'КРИТИКОВАТЬ' И 'СТЫДИТЬ'
В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

SEMANTICS AND SYNTAX OF CAUSATIVE CONSTRUCTIONS
WITH THE VERBS MEANING 'TO CRITICIZE'
AND 'TO SHAME' IN MODERN ENGLISH

В работе проводится анализ каузативных конструкций с глаголами критики и стыда в современном английском языке. На основе словарных данных, а именно дефиниций исследуемых глаголов, обнаружены особенности их структурирования, учет которых позволил распределить глаголы в подгруппы в рамках одной лексической группы. Компонентный состав ситуаций, в свою очередь, был выявлен через анализ семантических характеристик анализируемых глаголов.

Ключевые слова: *глагол; каузативная конструкция; ситуация; лексическая единица; лексико-семантическая группа.*

The research shows the result of the analysis of causative constructions with the verbs meaning criticism and shame in modern English. On the basis of the dictionary data, namely the definitions of the studied verbs, the peculiarities of their structuring were found, which in its turn made it possible to distribute the verbs into subgroups within the same lexical group. The analysis of the semantic characteristics of the verbs made it possible to identify the components of the situations implemented by these verbs.

Key words: *verb; causative construction; situation; lexical unit; lexical semantic group.*

Современное состояние исследований в области семантического синтаксиса характеризуется разносторонностью проблематики. Категория каузативности, в частности каузативных конструкций, привлекает внимание лингвистов данной области и является одним из объектов исследования научной школы конструкционной грамматики.

Среди разнообразного количества существующих определений каузативной конструкции следует обратить внимание на наиболее распространенное, согласно которому конструкция предполагает наличие как минимум двух связанных между собой ситуаций, одна из которых каузирует появление

второй. Существует целый ряд глаголов, которые могут употребляться в качестве каузативных. К ним относятся и глаголы со значениями критики и стыда.

Критика и стыд взаимосвязаны. Чувство стыда возникает как ответная реакция на совершение какого-либо поступка. Его реализация возможна при наличии таких компонентов, как причина, адресат, свидетель. К стыду может привести и критика, которая представляет собой анализ, оценку чьей-либо деятельности при реализации разного рода задач.

Поскольку критика может являться триггером стыда, начнем рассмотрение каузативных конструкций в английском языке с глаголов со значением критики.

Основным способом извлечения семантических признаков глаголов является словарный состав языка, поэтому выборка глаголов проводилась на основе тезаурусов и словарей синонимов [1; 2].

Глаголы ЛСГ глаголов со значением 'критиковать' можно распределить на три подгруппы. Выявленные признаки глаголов исследуемой группы находят отражение в табл. 1.

В первую подгруппу войдут глаголы, в значении которых обнаружен ядерный компонент со значением говорения: *to say/to speak/to tell*, а именно: *to criticize* 'критиковать', *to rebuke* 'упрекать; укорять', *to upbraid* 'укорять; порицать', *to reprimand* 'делать выговор/замечание', *to admonish* 'делать замечание'.

Во вторую подгруппу войдут глаголы, в значении которых обнаружен ядерный компонент со значением критики *to criticize*, *to upbraid*, а именно: *to reproach* 'упрекать; укорять', *to denigrate* 'чернить; клеветать; порочить', *to censure* 'критиковать; осуждать; порицать'.

В третью подгруппу войдет глагол *to condemn* 'осуждать; приговаривать; порицать', в значении которого обнаружен ядерный компонент выражения неодобрения.

Т а б л и ц а 1

Структура лексико-семантической группы «Критиковать»
в английском языке¹

Подгруппа «Критиковать», выражаемая гиперонимами <i>to say/to speak/to tell</i>	Подгруппа «Упрекать», выражаемая гипонимами <i>to criticize</i> , <i>to upbraid</i>	Подгруппа «Осуждать», выражаемая гипонимом <i>to condemn</i>
criticize rebuke upbraid reprimand admonish	reproach denigrate censure	condemn

¹ Список глаголов рассматриваемой лексико-семантической группы в английском языке является открытым.

Рассмотрим каждый глагол из выделенных подгрупп.

В дефиниции глагола *to criticize* ‘критиковать’ – *to say that you disapprove of sb/sth* ‘сказать, что вы не одобряете кого-то/что-то’ (здесь и далее перевод наш. – Е. Б.) мы наблюдаем включение одной ситуации в другую через сложный объект, реализуемый придаточной конструкцией (*that you disapprove of sb/sth*). Во включенной ситуации новое отношение, реализуемое глаголом *to disapprove* ‘не одобрять’, связывает одушевленный субъект (*you*) и объект (*somebody/something*).

Дефиниция глагола *to rebuke* ‘упрекать; укорять’ – *to speak severely to sb because they have done sth wrong* ‘говорить с кем-то сурово, потому что они поступили неправильно’ содержит адресат (*to somebody*) и компонент причины (*because they have done sth wrong*), который, в свою очередь, представляет собой включенную ситуацию, где новое отношение (*have done*) связывает одушевленный субъект (*they*) и неодушевленный объект (*something*); при этом присутствует дополнительная характеристика процесса (*wrong*).

Глагол *to upbraid* ‘укорять; порицать’ – *to criticize sb or speak angrily to them because you do not approve of sth that they have said or done* ‘критиковать кого-либо или говорить сердито с ними, потому что вы не одобряете то, что они сказали или сделали’ вызывает особый интерес, поскольку в структуре дефиниции данного глагола мы наблюдаем реализацию сложной ситуации, состоящей из трех включенных ситуаций. Первая ситуация (*to criticize sb or speak angrily to them*); вторая ситуация (*because you do not approve of something*); третья ситуация (*that they have said or done*).

Рассмотрим вышеперечисленные включенные ситуации по отдельности. Каждая из трех ситуаций содержит в своей структуре одушевленный субъект. В первой ситуации отношение направлено на одушевленный объект (*somebody*), наблюдается также появление адресата (*to them*). Во второй ситуации объект неодушевленный (*something*), а в третьей ситуации – он отсутствует вовсе.

В дефинициях глаголов *to reprimand* ‘делать выговор/замечание’ – *to tell sb officially that you do not approve of them of their actions* ‘сказать кому-то официально, что вы не одобряете их действия’ и *to admonish* ‘делать замечание’ *to tell sb firmly that you don't approve of sth that they have done* ‘твердо сказать кому-то, что вы не одобряете то, что они сделали’ мы наблюдаем, что субъект включенной ситуации (*you*) направляет свое действие на объект, который, в свою очередь, является сложным, поскольку через него идет включение другой ситуации, а именно: говорящий (*you*) дает оценку (*do not approve of their action/of sth*) сделанному (*they have done*). Также присутствуют дополнительные характеристики процесса (*officially, firmly*).

В ситуации с глаголом *to reproach* ‘упрекать; укорять’ *to blame or criticize sb for sth that they have done or not done, because you are disappointed in them* ‘обвинять или критиковать кого-то за то, что они сделали или не сделали, потому что вы разочарованы в них’ отношение направлено от

субъекта к одушевленному объекту. Наблюдается наличие двух компонентов причины, которые представляют собой отдельные самостоятельные ситуации с набором своих компонентов, что также свидетельствует об отражении сложной ситуации (for sth that they have done or not done, because you are disappointed in them).

В случае с глаголом *to denigrate* ‘чернить; клеветать; порочить’ – *to criticize sb/sth unfairly* мы наблюдаем, что отношение может быть направлено от субъекта как на одушевленный объект (somebody), так и на неодушевленный (something). Дополнительная характеристика присуща реализации этого процесса (unfairly). Данный глагол при первом рассмотрении представляет собой простую ситуацию в отличие от структуры дефиниций других глаголов со значением ‘критиковать’.

В ситуации с глаголом *to censure* ‘критиковать; осуждать; порицать’ – *to criticize sb severely and often publicly, because of sth they have done* ‘критиковать кого-то строго и часто публично, из-за того, что они сделали’ мы наблюдаем, что отношение направлено от субъекта на одушевленный объект (somebody), при этом наблюдается включение ситуации через компонент причины с набором своих компонентов и отношением (have done), связывающим данные компоненты.

В дефиниции глагола *to condemn* ‘осуждать; приговаривать; порицать’ – *to express very strong disapproval of sb/sth, usually for moral reason* ‘выражать очень сильное неодобрение кому-то/чему-то, обычно по моральным причинам’ мы наблюдаем появление атрибутивной характеристики у объекта (very strong). Объект, на который направлено действие, может быть одушевленным (somebody) и неодушевленным (something). Также присутствует компонент причины (for moral reason).

Результаты анализа структурно-семантических особенностей глаголов со значением критики позволили заключить следующее. По причине семантической и синтаксической сложности анализируемые глаголы могут относиться к нескольким подгруппам в рамках одной лексико-семантической группы со значением ‘критиковать’. Данный факт подтверждает также идею о «текучести» глагольных лексем.

Кроме того, глаголы способны отражать сложную ситуацию, состоящую из нескольких, включение которых происходит через один из номинативных ее компонентов; при этом каждая ситуация обладает своим набором компонентов и отношениями между ними.

Продолжим анализ каузативных конструкций с глаголами со значением стыда в английском языке.

Из толковых словарей и словарей синонимов английского языка были извлечены четырнадцать глаголов со значением ‘стыдить; позорить’: *confound* ‘поражать’, *disconcert* ‘волновать’, *disgrace* ‘позорить’, *humble* ‘смирять’, *humiliate* ‘унижать’, *mortify* ‘обижать’, *reproach* ‘упрекать’, *ridicule* ‘осмеивать’, *debase* ‘унижать’, *defile* ‘осквернять’, *discredit* ‘(с)компрометировать’, *smear* ‘очернять’, *shame* ‘навлекать позор’, *stain* ‘пятнать’.

Спецификой исследуемых глаголов является ситуация, в которой субъект воздействует на объект с целью исполнения им какого-либо действия или изменения его исходного состояния, т.е. причинение через побуждение. Наличие подобной характеристики предполагает собой структуру ситуации, усложненной несколькими отношениями. Выявленные признаки глаголов исследуемой группы находят отражение в табл. 2.

Т а б л и ц а 2

Структура лексико-семантической группы глаголов «Стыдить»
в английском языке¹

Подгруппа «Стыдить»			
выражаемая гиперонимом <i>to make</i>	реализуемая сложным объек- том каузации	реализуемая прямой направленностью отношения от субъекта к объекту	реализуемая каузирующим инструментом
shame disconcert mortify humiliate discredit humble defile debase ridicule	shame discredit humble defile	debase defile ridicule	ridicule

В девяти из четырнадцати глаголов (*shame, disconcert, mortify, humiliate, discredit, humble, defile, debase, ridicule*) был обнаружен ведущий интегральный признак, представленный глаголом-гиперонимом *to make* ‘заставить’. Данный факт позволяет отнести эти глаголы к одной подгруппе. Проведем более детальный анализ дефиниций названных глаголов.

Глаголы – *to shame* ‘навлекать позор’ – *to make somebody feel that they have lost honor or respect* ‘заставить кого-то чувствовать, что они потеряли честь и уважение’; *to disconcert* ‘волновать’ – *to make somebody feel anxious, confused or embarrassed* ‘заставить кого-то чувствовать беспокойство, растерянность или смущение’; *to mortify* ‘обижать’ – *to make somebody feel very ashamed or embarrassed* ‘заставить кого-то чувствовать себя очень пристыженным или смущенным’; *to humiliate* ‘унижать’ – *to make somebody feel ashamed or stupid and lose the respect of other people* ‘заставить кого-то чувствовать себя пристыженным или глупым и потерять уважение других людей’ – в своей структуре имеют указания на чувства и эмоции одушевленного объекта каузации, выражаемые глагольными конструкциями «*to feel + participle II*» (*feel ashamed, feel confused or embarrassed* и т.д.).

¹ Список глаголов рассматриваемой лексико-семантической группы в английском языке является открытым.

Анализ значений данных дефиниций показал, что объект каузации является также одушевленным и через него происходит включение другой ситуации, в которой одушевленный объект превращается в субъект уже другого действия (*feel that they have lost honor, feel anxious, confused or embarrassed* и т.д.). Во всех примерах с названными глаголами субъект, каузирующий действие, априори имплицитирован в дефиниции глагола. Он выполняет действие (*make*) по отношению к одушевленному объекту (*somebody*), который впоследствии, выполняя функцию субъекта, направляет действие на самого себя (*feel ashamed*): *One makes somebody feel ashamed – Somebody feels ashamed.*

Во вторую подгруппу отнесены глаголы, в дефинициях которых наблюдается включение ситуации через сложный объект каузации, выражаемой в предложении придаточной частью, присоединяемой подчинительным союзом *that*: *to shame* ‘навлекать позор’ – *to make somebody feel that they have lost honor or respect* ‘заставить кого-то чувствовать, что они потеряли честь и уважение’; *to discredit* ‘дискредитировать’ – *to make people stop believing that something is true* ‘заставить людей перестать верить, что что-то является правдой’; *to humble* ‘смирять’ – *to make somebody feel that they are not as good or important as they thought they were* ‘заставить кого-то чувствовать, что они не так хороши или важны, как они думали’; *to defile* ‘осквернять’ – *to make sth dirty or no longer pure, especially sth that people consider important or holy* ‘сделать что-то грязным или больше не чистым, особенно то, что люди считают важным или святым’. Включенная ситуация предполагает наличие нового отношения, которое связывает все тот же субъект и новый объект.

В третью подгруппу можно отнести глаголы, в дефинициях которых отношение направлено от одушевленного субъекта к неодушевленному объекту: *to debase* ‘снижать ценность’ – *to make sb/sth less valuable or respected* ‘сделать кого-то/что-то менее ценным или уважаемым’; *to defile* ‘осквернять’ – *to make sth dirty or no longer pure, especially sth that people consider important or holy* ‘сделать что-то грязным или больше не чистым, особенно то, что люди считают важным или святым’ и *to ridicule* ‘осмеивать’ – *to make sb/sth look silly by laughing at them or it in an unkind way* ‘заставить кого-то выглядеть глупо, смеясь над кем-то или чем-то’. Важно отметить, что в дефинициях глаголов *to debase* и *to ridicule* отношение может быть направлено как на одушевленные, так и неодушевленные объекты. В дефиниции глагола *to defile* отношение направлено на неодушевленный объект, при этом меняется качество самого объекта (*dirty or no longer pure*).

К четвертой группе можно отнести лишь один глагол *to ridicule* ‘осмеивать’ – *to make sb/sth look silly by laughing at them or it in an unkind way* ‘заставить кого-то выглядеть глупо, смеясь над кем-то или чем-то’. Это единственный глагол, в структуре дефиниции которого среди компонентов мы наблюдаем инструмент, с помощью которого субъект каузации оказывает воздействие на объект: *by laughing at them or it in an unkind way*.

Результаты анализа структуры дефиниций глаголов со значением ‘стыдить’ в английском языке позволили убедиться в том, что анализируемые глаголы каузативны, обладают узкой семантикой, что не может

не сказаться на построении семантической структуры предложения. И несмотря на то, что по своему смысловому содержанию глаголы тесно соприкасаются друг с другом и могут переходить из одной подгруппы в другую, так как относятся к одной и той же области знаний, они способны отражать определенные различия в способах протекания глагольного действия и представления этого процесса говорящим.

Структурно-семантический анализ дефиниций глаголов, реализующих конструкции со значением 'критиковать', 'стыдить', позволил выделить в их структуре компонентный состав, а также основные типы значений с целью последующего выявления специфики реализации данных глаголов в структуре английского предложения. Отсутствие работ по изучению денотативно-ориентированной классификации таких глаголов в английском языке определяет актуальность проводимого исследования. Полученные результаты могут послужить началом новых исследований, посвященных комплексному сопоставительному анализу структурно-семантических свойств каузативных глаголов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Concise Oxford thesaurus / ed. M. Waite. – 2nd ed. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2002. – 974 p.
2. The Oxford thesaurus: an A – Z dictionary of synonyms / ed. L. Urdang. – Oxford : Clarendon Press, 1991. – 1042 p.

Поступила в редакцию 25.03.2021

УДК 811.112.22

Котик Татьяна Сергеевна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Kotik Tatyana
Postgraduate Student of the Department
of General Linguistics
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
tanjakotik@gmail.com

О СЕМАНТИКЕ ПРОИЗВОДНЫХ ГЛАГОЛОВ С ДЕЙКТИЧЕСКИМИ ОТНАРЕЧНЫМИ ПРИСТАВКАМИ (на материале немецкого языка)

SEMANTICS OF DERIVED VERBS WITH DEICTIC ADVERBIAL PREFIXES (based on the German language data)

В статье представлены результаты словообразовательного и семантического анализа глаголов, образованных с помощью дейктических отнаречных приставок. Выявлены корреляции словообразовательной активности формантов и количества лексико-семан-

тических групп, глаголы которых выступают в качестве производящих баз, при отсутствии корреляции между частотностью дейктического наречия и словообразовательной активностью соответствующего форманта. Определены типы семантических модификаций производных глаголов. В результате пространственных модификаций в семантике дериватов появляются элементы, передающие информацию о направлении движения в ближнюю или дальнюю область относительно субъекта дейксиса. Непространственные модификации возникают в результате переинтерпретации пространственного значения дейктической отнаречной приставки.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *пространственный дейксис; производный глагол; дейктический формант; словообразовательная активность.*

The article presents the results of derivational and semantic analyses of verbs formed with the help of deictic adverbial prefixes. The correlations of the word-formative activity of deictic adverbial formants and the number of lexico-semantic groups, the verbs of which act as underlying bases, were revealed, in the absence of a correlation between the frequency of the deictic adverb and the derivational activity of the corresponding adverbial affix. The types of semantic modifications of derived verbs have been determined. As a result of spatial modifications in the semantics of derivatives, semantic components appear that indicate the direction of movement to the near or far region relative to the subject of deixis. Nonspatial modifications result from the reinterpretation of the spatial meaning of the deictic adverbial prefix.

K e y w o r d s: *local deixis; derived verb; deictic affix; word-formative activity.*

Локальные дейктики *hin* ‘туда’ и *her* ‘сюда’ в немецком языке являются частотными языковыми единицами и активно используются для описания различных пространственных ситуаций, уточняя при этом направленность движения относительно говорящего. Оба дейктика могут употребляться как самостоятельно, например, *zur Fahrbahn hin* ‘туда к проезжей части’, так и в качестве словообразовательного форманта, вступая во взаимодействие с глаголами (*herrücken* ‘придвигать’), существительными (*die Hinfahrt* ‘поездка в одном направлении’), предлогами (*hinauf* ‘вверх’) и т.п.

Образования с предлогами формируют достаточно представительную группу дейктических отнаречных формантов (22 единицы), характеризующихся в современном немецком языке высокой активностью в сочетании с глагольными производящими базами. В результате анализа выявлено 1680 глаголов (1426 в [1], 254 в [2]), образованных при взаимодействии отнаречных дейктических формантов и производящих глагольных баз. Из 1680 глаголов в нашей выборке 711 единиц – это глаголы с дейктическими отнаречными приставками с *hin-* и 969 глаголов с дейктическими отнаречными приставками с *her-*. Рассматриваемые глаголы образованы при помощи самых разных дейктических приставок, например, *hinuntergehen* ‘спускаться’, *herabfallen* ‘падать’ и т.п.

Данная статья направлена на выявление закономерностей взаимодействия словообразовательных формантов и производящих баз глаголов, а также на установление семантических свойств производных глаголов с дейктическими отнаречными формантами.

Прежде, чем перейти к анализу семантики производных глаголов, необходимо выявить, какова словообразовательная активность дейктических

отнаречных формантов, а также наблюдаются ли какие-либо тенденции в способности тех или иных приставок сочетаться с глаголами разных лексико-семантической групп (далее ЛСГ). Установлена вариативность словообразовательной активности составных аффиксов с дейктиками *hin/her*. Количественные данные словообразовательной активности разных приставок даны в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Количественные показатели словообразовательной активности дейктических отнаречных приставок

Приставка с <i>hin</i>	Кол-во глаголов, ед. / %	Приставка с <i>her</i>	Кол-во глаголов, ед. / %
1. <i>hinein</i> -	183/25,7	1. <i>herum</i> -	214/22,1
2. <i>hinaus</i> -	111/15,6	2. <i>heraus</i> -	171/17,6
3. <i>hinunter</i> -	90/12,7	3. <i>herunter</i> -	116/12
4. <i>hinüber</i> -	85/12	4. <i>herein</i> -	79/8,1
5. <i>hinauf</i> -	80/11,3	5. <i>heran</i> -	65/6,7
6. <i>hinweg</i> -	39/5,5	6. <i>herüber</i> -	62/6,4
7. <i>hindurch</i> -	38/5,3	7. <i>hervor</i> -	56/5,8
8. <i>hinzu</i> -	35/4,9	8. <i>herauf</i> -	56/5,8
9. <i>hinab</i> -	25/3,5	9. <i>herab</i> -	51/5,3
10. <i>hinan</i> -	25/3,5	10. <i>hernieder</i> -	46/4,7
		11. <i>herbei</i> -	32/3,3
		12. <i>herzu</i> -	21/2,2
Всего	711		969

Наибольшей словообразовательной активностью обладает отнаречный формант *herum*- ‘вокруг, кругом’. Данная приставка имеет несколько семантических характеристик. Во-первых, словари фиксируют, что данный формант не наследует семантику дейктического компонента *her*-, ср. *herum*- – «значение движения вокруг, расположения вокруг чего-либо» [3, с. 205]. Во-вторых, в немецком языке описать пространство вокруг чего-либо возможно только при помощи наречия *herum*. Несмотря на то, что в немецком языке существует предлог *um* ‘вокруг, около’, который обозначает круговое движение по отношению к исходной точке, расположенной в центре [1], он употребляется только в предложных конструкциях типа «*um* + имя существительное/местоимение + *herum*», где *herum* может употребляться самостоятельно, как в примере (1), либо в качестве отделяемой приставки производного глагола, как в примере (2).

(1) *In Moshaisk und um die Stadt herum standen und bewegten sich überall Truppen.* ‘В Можайске и за Можайском везде стояли и шли войска’ (здесь и далее перевод наш. – Т. К.).

(2) „Nur, wenn wir **um die Stadt herumfahren**“. – Только если вокруг города, в объезд’.

В данном случае функцией дейктической приставки *herum-* оказывается указание на ближнее пространство по отношению к физическому объекту. Такое значение близкого расположения сохраняется и у глаголов других ЛСГ, например, *herumblicken* ‘смотреть вокруг’ – «hierhin u. dorthin blicken»¹ ‘смотреть туда-сюда’ и т.п.

Наиболее частотными парными приставками оказываются форманты *hinein-/hinaus-*, *herein-/heraus-*. Наибольшее количество глаголов с дейктическим отнаречными формантами с *hin-* образовано с производной приставкой от предлога *in* ‘в’ – *hinein-* ‘туда внутрь’. Второе место в списке частотности занимает приставка *hinaus-*, образованная от антонимичного предлога *aus* ‘из’. Антонимичные приставки с дейктиком *her-* *heraus-* и *herein-* занимают второе и четвертое места соответственно. Производные глаголы с *hinein-/hinaus-* составляют 41,3 % от всех производных с *hin-*, а глаголы с *herein-/heraus-* – 25,7 %. Из этого следует, что с помощью дейктических дериватов в немецком языке получает преимущественное обозначение шкала «внутри/снаружи», что еще раз подтверждает ее релевантность для деятельностного опыта человека (ср. в [4, л. 67]).

В ходе анализа устанавливалось, насколько коррелирует частотность дейктического наречия и словообразовательная активность соответствующего дейктического отнаречного форманта. Можно предположить, что наиболее частотные дейктические наречия, выступая в роли дейктического отнаречного форманта, отличаются большей словообразовательной активностью. Однако такой корреляции нами не обнаружено. Так, если в частотном списке дейктических наречий в пространственном значении первые позиции занимают наречия *hinauf* (досл. туда вверх) и *heran* (досл. сюда поближе) [5, с. 60], то наиболее частотными отнаречными приставками оказываются *hinein-* (досл. туда вовнутрь) и *heraus-* (досл. сюда наружу). Вероятно, отсутствие такой корреляции связано с необходимостью дополнительного семантического согласования отпредложного и отглагольного компонентов в составе деривата. Проверка этого предположения выходит за рамки цели, поставленной в данной статье, и представляет собой предмет отдельного исследования.

Перейдем к анализу ЛСГ и модификаций производных глаголов. Установлено, что среди глаголов рассматриваемого типа самой многочисленной ЛСГ являются глаголы движения. Другие ЛСГ представлены в меньшем количестве. Результаты количественной представленности глаголов различных ЛСГ отобранных нами глаголов даны в табл. 2².

¹ Здесь и далее дефиниции взяты из [1].

² Мы опираемся на семантическую классификацию, предложенную в [6], которую мы модифицировали с учетом целей нашего исследования [7, с. 139].

Количественная представленность глаголов различных ЛСГ

№ п/п	Семантическое поле	Кол-во глаголов	
		отнаречная приставка с <i>hin-</i>	отнаречная приставка с <i>her-</i>
1	Поле глаголов действия и деятельности		
1.1	Глаголы движения	487	646
1.2	Глаголы созидательной деятельности	4	15
1.3	Глаголы интеллектуальной деятельности	64	65
1.4	Глаголы речевой деятельности	22	66
1.5	Глаголы социальной деятельности	19	16
1.6	Глаголы физиологического действия	10	9
1.7	Глаголы звучания	3	19
1.8	Модальные глаголы	32	30
2	Поле глаголов бытия, качества и состояния		
2.1	Глаголы бытия	15	14
2.2	Глаголы качественного состояния	15	61
3	Поле глаголов отношения		
3.1	Глаголы взаимоотношений	–	–
3.2	Глаголы владения	11	–
3.3	Глаголы межличностных отношений	6	4
3.4	Глаголы социальных отношений	23	24

Как следует из таблицы, наибольшее количество глаголов в нашей выборке составляют глаголы движения: 476 глаголов с дейктическими отнаречными приставками с *hin-* и 645 глаголов с дейктическими отнаречными приставками с *her-*, что составляет 67,2 % от всех глаголов с дейктическими отнаречными приставками с *hin-* и 65,9 % от глаголов с дейктическими отнаречными приставками с *her-*. Остальные 235 глаголов с отнаречными приставками с *hin-* (32,8 %) и 324 глагола с отнаречными приставками с *her-* (34,1 %) относятся к самым разным ЛСГ, например, глаголы речевой деятельности (*hineinbitten* ‘попросить зайти вовнутрь’), глаголы интеллектуальной деятельности (*heraufsehen* ‘смотреть вверх’) и т.п.

Выявлена закономерная зависимость словообразовательной активности и способности дейктических отнаречных приставок соединяться с глаголами разных ЛСГ: чем выше словообразовательная активность, тем с большим количеством ЛСГ взаимодействуют дейктические наречия. Установлено, что наибольшей словообразовательной активностью отличаются дейктические отнаречные приставки *hinein-* ‘туда внутрь’ и *heraus-* ‘сюда наружу’. Они проявляют способность сочетаться с глаголами наибольшего количества названных выше ЛСГ (11 и 12 ЛСГ соответственно). Дейктические приставки *hinan-* ‘туда вверх, кверху’, *hinab-* ‘туда вниз’ и *herzu-* ‘сюда, в эту сторону’ обладают меньшим словообразовательным потенциалом и сочетаются с единицами отдельных ЛСГ.

Обратимся к типам модификаций, возникающим в результате взаимодействия дейктических отнаречных формантов и производящих баз глаголов. Исследование семантических модификаций глаголов данного типа показало, что в результате взаимодействия с дейктическими отнаречными формантами семантика производного глагола модифицируется в пространственном и непространственном значениях. Рассмотрим первый тип семантической модификации. В дефинициях глаголов с отнаречными приставками с *hin-* представлена информация о движении по направлению удаления относительно говорящего/слушающего, например, *hinuntergehen* ‘сходить (вниз), спускаться’ – «nach [dort] unten gehen» ‘идти туда вниз’, а в дефинициях глаголов с отнаречными приставками с *her-* – информация о движении по направлению приближения относительно говорящего/слушающего, например, *heruntergehen* ‘сходить (вниз), спускаться’ – «von dort oben hierher nach unten gehen» ‘идти оттуда сверху сюда вниз’. Однако, как уже говорилось выше, действие ориентировано не относительно говорящего/слушающего, а относительно субъекта дейксиса, который определяется контекстом. Разберем примеры. В примере (3) речь идет о субъекте дейксиса *der Butler* ‘дворецкий’, который сообщает, что адресат может идти наверх *hinaufgehen* по направлению удаления от субъекта дейксиса. В данном контексте субъектом дейксиса является лицо, выполняющее в повествовании функцию говорящего.

(3) „In Ordnung. Sie können **hinaufgehen**“, sagte der Butler schließlich. ‘«Все в порядке, вы можете **идти наверх**», – сказал в конечном итоге дворецкий’.

В примере (4) говорящий, которым является автор, хочет увидеть некую Эллу. И, разговаривая сам с собой, размышляет, не пойти ли ему к ней. В данном контексте речь идет о движении по направлению приближения к некоторому субъекту. Здесь субъектом дейксиса оказывается вовсе не говорящий, а Ella ‘Элла’, употребленный глагол *heraufgehen* указывает на перемещение в ее ближнюю область.

(4) Nur durch die Wohnung ihrer Eltern konnte er unbeschadet Elli erreichen. Selbst **heraufgehen**? ‘Если он хочет увидеть Элли, ему не миновать квартиры ее родителей. **Пойти** самому?’

Установлено, что семантика глаголов других ЛСГ модифицируется схожим образом. Так, в результате взаимодействия отнаречной дейктической приставки с семантикой производящего глагола в семантике производного глагола появляется информация о пространственной ориентации действия, в результате чего производный глагол не только обозначает действие, но и передает информацию о его направленности. Таким образом модифицируется, например, семантика глаголов зрительного восприятия, когда производные от них дериваты обозначают восприятие информации, локализованной в определенном регионе пространства, например, *hinunterblicken* ‘смотреть вниз’ – «nach [dort] unten blicken» ‘смотреть туда вниз’ и т.п. Кроме того, в результате взаимодействия отнаречных дейктических приставок с семантикой производящего глагола может возникать компонент движения, отсутствующий в семантике производящего глагола, например, у глаголов социальных отношений *hineinhelfen* ‘помочь вовнутрь’ – «in etw. helfen» ‘помочь (зайти) куда-либо’ и т.п.

Такие глаголы характеризуются повышенной семантической емкостью, поскольку они позволяют элиминировать глагол движения. Так, в примере (5) употреблен модальный глагол *hereinwollen* ‘хотеть вовнутрь’, описывающий желание переместиться вовнутрь по направлению приближения к субъекту дейксиса. В примере (5а) при переводе на русский язык для передачи этой информации используются три языковые единицы – модальный глагол, глагол движения и дейктик: *хочет сюда войти*.

(5) *Darum schob er den Riegel geschwind wieder vor, lief zum Obersten der Teufel und sprach: „Draußen ist ein Kerl mit einem Ranzen und will herein“.*

(5а) Поэтому он быстро задвинул засов, побежал к старшему черту и говорит: «Стоит там один парень с ранцем за плечами, **хочет сюда войти**».

Как показывает анализ, для преобладающего числа рассматриваемых языковых единиц пространственный тип семантических модификаций оказывается наиболее частотным (для 92,1 % отобранных глаголов с отнаречными формантами с *hin-* и для 72 % глаголов с отнаречными формантами с *her-*). Семантика остальных глаголов модифицируется в других направлениях.

Среди этих направлений можно выделить два магистральных: семантическое рассогласование и семантическое согласование. В результате семантического рассогласования в семантике производных глаголов появляется негативно-оценочный компонент, возникающий в результате так называемого семантического конфликта, выраженного в разнонаправленности пространственной информации, например, *hinweghören* ‘недослышать’ – «Geäußertes beim Hören unbeachtet lassen u. in seinem Hören, Reden u. Tun fortfahren» ‘оставить без внимания сказанное и продолжить слушать, говорить и делать’. Такое значение возникает в результате переинтерпретации пространственной семантики дейктического наречия и глагола: глагол *hören* ‘слушать’ предполагает, что аудитивное восприятие направлено в сторону слушающего объекта. Вследствие прибавления приставки *hinweg-*, в которой компоненты *hin-* и *weg-* обозначают удаление от субъекта дейксиса, семан-

тика дейктического наречия и имплицитная информация о направленности действия относительно субъекта дейксиса вступают в «конфликт», результатом которого оказывается новое значение производного глагола.

В случае семантического согласования наблюдается обратная ситуация, например, как в семантике глагола *hineinschlingen* ‘жадно глотать, кушать’. Глагол *schlingen* ‘глотать’ изначально предполагает движение вовнутрь, которое усиливается дейктической приставкой *hinein*- ‘туда вовнутрь’.

Значение некоторых производных глаголов «не равняется простому соединению значений морфем, образующих его, и целое не может быть получено из частей по правилам» [8, с. 276]. Например, в результате взаимодействия приставки *hinein*- ‘туда вовнутрь’ и глагола *knien* ‘стоять на коленях’ возникает производный глагол *hineinknien* ‘заняться, увлечься чем-то’ – «*sich ausgiebig mit etw. beschäftigen, befassen*» ‘плодотворно чем-либо заниматься’. Такие семантические модификации можно объяснить пространственными образами, стоящими за «буквальным» истолкованием составляющих деривата, им также может быть свойственна идиоматичность.

В результате проведенного нами исследования выявлены закономерности взаимодействия дейктических отнаречных формантов и производящих баз глаголов. Установлено, что все дейктические наречия могут выступать в качестве словообразовательного форманта и соединяться с глаголами разных ЛСГ. Дейктические приставки отличаются разной словообразовательной активностью, при этом корреляции между активностью формантов и соответствующих дейктических наречий не установлено. Выявлено, что вследствие взаимодействия дейктических отнаречных приставок и производящих баз глаголов модифицируется как семантика дейктического компонента, так и семантика производящей глагольной базы. Семантика дейктического компонента нейтрализуется, и дейктики ориентируют направление движения не относительно говорящего/слушающего, а относительно субъекта дейксиса, определяющегося контекстом. Семантика глаголов модифицируется как в пространственном, так и в непространственном направлении. В результате первого типа модификаций в семантике деривата появляются компоненты, описывающие движение по направлению в дальнюю или ближнюю область относительно субъекта дейксиса, а также элементы, передающие информацию о направлении движения в определенный регион в соответствии с семантикой предлога. Второй тип модификаций возникает в результате семантического рассогласования или семантического согласования семантик дейктического отнаречного форманта и производящего глагола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Duden online [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.duden.de>. – Дата доступа : 25.01.2021.
2. Национальный корпус немецкого языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.dwds.de>. – Дата доступа : 02.02.2021.

3. *Степанова, М. Д.* Словарь словообразовательных элементов немецкого языка / М. Д. Степанова. – М. : Рус. яз., 2000. – 704 с.
4. *Тарасевич, Л. А.* Пространственные предлоги в немецком и русском языках: семантика и функционирование : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.20 / Л. А. Тарасевич. – Минск, 2016. – 284 л.
5. *Котик, Т. С.* О семантике и функционировании сложных наречий с формантами *hin* и *her* (на материале немецкого языка) / Т. С. Котик // Вестн. МГЛУ. Сер. 1, Филология. – 2021. – № 1. – С. 55–64.
6. *Бабенко, Л. Г.* Толковый словарь русских глаголов / Л. Г. Бабенко. – М. : Изд-во АстПресс, 1999. – 704 с.
7. *Котик, Т. С.* О семантике глагольных дериватов с дейктическими формантами *hin* и *her* (на материале немецкого языка) / Т. С. Котик // Изв. Смолен. гос. ун-та. – 2020. – № 4. – С. 136–147.
8. *Улуханов, И. С.* Мотивация в словообразовательной системе русского языка / И. С. Улуханов. – М. : Азбуковник, 2005. – 311 с.

Поступила в редакцию 17.03.2021

УДК 811.133.1'37+821.133.1–053.2

Крючкова Анна Евгеньевна

кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой фонетики и грамматики
французского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Kruchkova Hanna

PhD in Philology, Associate Professor, Head
of the Department of Phonetics and Grammar
of the French Language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
kruchkova.hanna@gmail.com

Тимошенко Екатерина Александровна

студент 5 курса факультета романских
языков
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Timoschenko Ekaterina

5th year student of Romance Languages
Faculty
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
katerinatm25@mail.ru

ЛЕКСИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РАССКАЗОВ ДЛЯ ДЕТЕЙ НА ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

LEXICAL AND STYLISTIC PECULIARITIES OF CHILDREN'S STORIES IN FRENCH

В статье поднимается один из дискуссионных вопросов в лингвистике о понятии детской литературы, устанавливаются особенности стиля и специфика использования лексических единиц в рассказах для детей младшего школьного возраста на французском языке.

К л ю ч е в ы е с л о в а : детская литература; лексические единицы; стилистические приемы; экзотизмы.

The article is devoted to defining lexical and stylistic features of children's stories in French. The analysis leads to the conclusion that the most common ways to introduce new vocabulary in the stories studied include the technique of choosing synonyms and the context. Another peculiarity is apparent in a large number of borrowings, interjections and various forms of address. The language of the analysed stories is stylistically heterogeneous. Stylistic devices are practically not used.

Key words: *children's literature; lexical units; stylistic devices; exoticism.*

Еще в средние века отдельные исследователи утверждали, что детская литература должна способствовать познанию родного языка, его грамматического строя и стилистических приемов. Однако были и те, кто видел особенности этого жанра в упрощенном словаре и ограниченном круге тем. Очевидно, что специфика рассказов для детей до сих пор вызывает интерес и споры, а их детальный анализ является перспективным и актуальным в лингвистике.

Одним из наиболее дискуссионных остается вопрос о самом понятии детской литературы, которое определяется с точки зрения разных, порой противоречивых подходов.

Канадский профессор П. Нодельман настаивает на том, что детская литература еще фактически не написана, так как она создается взрослыми «на основе противоречивых и изменчивых представлений о детях и мире детства» [1, p. 135].

Автор учебного пособия «Детская литература. Методика приобщения детей к чтению» З. А. Гриценко, будучи менее категоричной в этом вопросе, утверждает, что смысл детской литературы постоянно меняется: она развивается по тем же законам художественного творчества, по которым исследует психологию детства, отдельного ребенка, а также особенностей личности ребенка [2, с. 5].

Британский ученый П. Хант рассматривает детскую литературу как часть общелитературного процесса. В рамках его теории подчеркивается двойственная направленность текстов, адресованных как читателю-ребенку, так и читателю-взрослому [3, p. 11].

Российские исследователи отмечают, что, являясь частью общей литературы, детские книги представляют собой искусство – это то, что «создано мастерами слова специально для детей» [4, с. 11]. Так, по мнению Е. О. Путиловой, детская литература – это объемный корпус художественных произведений для детского чтения, авторы которых адресовали свои сочинения юным читателям, что и определило содержание, проблематику и язык произведений [5, с. 7].

В рамках этого подхода И. Г. Минералова подчеркивает направленность детской литературы на внутренний мир ребенка, социальную и культурную значимость данного жанра: «Детская литература – это мир художественных произведений о том, что такое и кто такой ребенок, что такое его микрокосм и что такое его макрокосм, т.е. все, окружающее его. Детская литература есть одно из социокультурных явлений, сопровождающих развитие в обществе детской субкультуры» [6, с. 18].

Советский и украинский литературовед М. Петровский придерживается аналогичной точки зрения, рассматривая детскую литературу не как возрастную рубрику, а как специфическую социально-культурную: «...прочитанное в детстве превращается в пожизненную базу культурного развития. Так или иначе через детскую литературу проходят все. Следовательно, прочитанное в детстве – общая, свойственная всем и усвоенная всеми часть общенационального богатства... При таком подходе резко меняется ценностный статус детской литературы. Из чего-то симпатичного, но несерьезного и второстепенного она возводится в ранг основоположения национальной культуры» [7, с. 13].

Подводя итог вышесказанному, очевидно, что исследования детской литературы как жанра порой ведутся в противоположных направлениях. Тем не менее ученые едины в одном: речь идет о литературе, создаваемой для детей с целью их развития. При этом своеобразие языка детских произведений определяется не только их эстетической функцией, но и спецификой построения словесных образов.

Предлагаемый в данной статье анализ направлен на поиск лексических и стилистических особенностей детских рассказов на французском языке. Материалом для исследования послужили произведения для детей младшего школьного возраста из серии «*Les histoires du Père Castor*» «Сказки Дядюшки Бобра» (здесь и далее перевод наш. – А. К., Е. Т.).

Проведенный анализ позволил выявить авторские приемы, способствующие расширению словарного запаса ребенка. Наиболее распространенным способом ввода новой лексики в рассказы (80 % от общего числа выявленных случаев) является прием подбора синонимов. Так, в анализируемых произведениях были выделены следующие синонимические ряды: *se moquer/taquiner/embêter* ‘насмехаться/дразнить/изводить’; *chuchoter/murmurer* ‘шептать/бормотать’; *grelotter/frissonner* ‘дрожать/вздрагивать’; *ronchonner/grogner/grommeler* ‘ворчать/бурчать/бубнить’; *s’étouffer/suffoquer* ‘задышаться’, *flot de gens/foule* ‘наплыв людей/толпа’; *les enfants/le petit monde* ‘дети/малыши’ и т.п. Иногда синонимы используются автором для того, чтобы связать значение незнакомого слова с уже знакомым ребенку образом. Например, в рассказе *Ma maîtresse est une ogresse!* ‘Моя учительница – людоедка!’ для описания своей учительницы персонаж, мальчик шести лет, употребляет наряду с прилагательным *gigantesque* ‘огромный’ лексему *éléphantique* ‘слоноподобный’. Данный прием позволяет визуализировать понятие благодаря тому, что образ слона ребенку хорошо известен.

В исследуемых произведениях доминируют глагольные синонимические ряды (67 %), далее следуют имена существительные (30 %). Синонимы-прилагательные составляют лишь 3 % случаев от общего числа выявленных единиц. Данный факт объясняется психофизиологическими особенностями развития ребенка. Глагол является наиболее легкой для усвоения и восприятия частью речи, которая наполняет текст динамичностью и насыщенностью, в отличие от прилагательного, требующего смысловой сосредоточенности, внимания и образности мышления.

Ввод новой лексики посредством контекста в рассказах на французском языке отмечается в 20 % случаев. Например, лексема *le supplice* ‘пытка’, которая, по всей вероятности, может вызвать у ребенка определенные трудности в понимании, используется в названии рассказа *Le supplice des 24 bisous* ‘Пытка 24 поцелуями’. Ее значение своеобразно раскрывается автором в начале текста следующим образом: *Dès son arrivée dans la cour, Huguette devait subir, comme elle l'appelait, « le supplice des 24 bisous ». Le premier qui la voyait fonçait sur elle. Elle levait les bras au ciel, et faisait semblant d'avoir peur. Alors on l'embrassait tous, chacun à notre tour. C'est ça, « le supplice des 24 bisous » !* ‘Как только Угетта входила во двор, она подвергалась, как она сама называла, «пытке 24 поцелуями». Первый увидевший ее, бросался на нее. Она поднимала руки к небу и делала вид, что ей страшно. Тогда мы все по очереди целовали ее. Вот такая она, «пытка 24 поцелуями»!’.

Литературоведы отмечают, что для ввода новой лексики, кроме контекста, допустимы постраничные сноски. Тем не менее злоупотреблять ими не стоит, поскольку при несовершенной технике чтения отрываться от текста ребенку сложно [8, с. 48–49]. В исследуемых французских рассказах данный прием выявлен не был.

Еще одной особенностью рассказов анализируемой серии является употребление большого количества заимствований из других языков:

английский язык – *foot* (*foot* ‘нога’) > футбол, *jean* (*jeans* ‘джинсы’) > джинсы, *pull* (*to pull* ‘тянуть’) > свитер, *rap* (*rap* ‘рэп’) > рэп, *shooter* (*to shoot* ‘стрелять’) > бить по воротам, *toboggan* (*toboggan* ‘сани’) > горка;

нидерландский язык – *crabe* (*crabbe* ‘краб’) > краб, *mannequin* (*mannekijn* ‘малыш, мальчик’) > манекен, модель;

итальянский язык – *ballerina* (*ballerina* ‘балерина’) > балерина, *cadence* (*cadenza* ‘ритм’) > ритм, *confettis* (*confetto* ‘драже’) > конфетти, *graffitis* (*graffito* ‘надпись’) > граффити, *perle* (*perla* ‘жемчужина’) > жемчужина, *reflet* (*riflesso* ‘отражение’) > отражение;

испанский язык – *abricot* (*albaricoque* ‘абрикос’) ‘абрикос’, *lagon* (*lagón* ‘озеро’) > лагуна, *perruque* (*peluca* ‘парик’) > парик, *savane* (*sabana* ‘саванна’) > саванна;

португальский язык – *bambou* (*bambu* ‘бамбук’) > бамбук, *banane* (*banana* ‘банан’) > банан, *mangue* (*manga* ‘манго’) > манго;

латинский язык – *chameau* (*camelus* ‘верблюд’) > верблюд, *fée* (*fatum* ‘судьба’) > фея, *magie* (*magia* ‘магия’) > магия, *méduse* (*Medusa* ‘Медуза’) > медуза, *papillon* (*papillio* ‘бабочка’) > бабочка, *potion* (*potio* ‘напиток’) > зелье, снадобье;

турецкий язык – *turban* (*tülbent* ‘тюрбан’) > тюрбан;

арабский язык – *sultan* (*sultlowdotān* ‘суверенитет’) > султан.

В исследуемых произведениях для детей преобладают заимствования из английского, итальянского и латинского языков. Стоит отметить, что в основном представленные слова уже прочно вошли в состав французского языка и не воспринимаются иноязычными. Однако в текстах также были

выявлены лексемы иного порядка – экзотизмы, или иноязычные слова, обозначающие предметы или явление из жизни другого народа (как, например, вышеупомянутые *turban* ‘тюрбан’, *sultan* ‘султан’). В рассказе *Rentrée sur l'île Vanille* ‘Возвращение на ванильный остров’ экзотизмы наиболее многочисленны: *tamouré* (полинез. *tāmūrē* ‘тамурэ’ – местный вид рыбы) – национальный танец жителей Таити и Островов Кука, *faré* (полинез. *fare* ‘фаре’ – дом) – традиционный полинезийский дом и т.п. То есть анализируемые произведения знакомят ребенка не только с реалиями своей страны, но и с культурными особенностями других народов.

В рассказах отмечается активное использование обращений к ребенку, которые словно «приглашают» его к участию в описываемых событиях: *ma noisette* ‘мой орешек’ (в русском языке – *моя ягодка*), *mon oiseau* ‘моя птичка’, *mon chéri* ‘мой дорогой’, *ma chérie* ‘моя дорогая’, *mes chéris* ‘мои дорогие’, *mon bonhomme* ‘мой малыш’, *ma petite* ‘моя малышка’ и т.п. Употребление же большого числа междометий позволяет выразить чувства, переживания, волеизъявления, а также реакции на окружающую действительность: *aaaaaaah!* ‘а-а-а’, *ah ah ah* ‘ха-ха-ха’, *aïe...aïe...aïe!* ‘ай-ай-ай’, *bah* ‘ну’, *berk!* ‘фу’, *driiing!* ‘дзынь’, *bla bla bla!* ‘бе-бе-бе’, *brrrr...* ‘бррр...’, *chuuuut!* ‘тссс’, *eh* ‘эй’, *hein* ‘не так ли’, *hop!* ‘хоп’, *hou-hou* ‘ку-ку’, *miam...miam* ‘ням-ням’, *oh* ‘ох’, *oh là là!* ‘ого’, *ouaou!* ‘вау’, *toc toc toc!* ‘тук-тук-тук’ и т.п.

Ввиду своего возраста ребенок не всегда может правильно отличить прямое значение от переносного. Такая особенность детского восприятия была использована автором одного из анализируемых рассказов. В нем ребенок-персонаж воспринимал в буквальном смысле устойчивые выражения из разговора родителей с учительницей, что провоцировало разного рода эмоциональные переживания: *afficher la tête de cochon* ‘упрямиться’ (букв. ‘показывать свиную голову’), *avoir un nœud dans le ventre* ‘переживать’ (букв. ‘иметь узел в животе’), *faire des pieds de nez* ‘строить гримасы’ (букв. ‘делать ноги из носа’), *prendre la poudre d'escampette* ‘удирать’ (букв. ‘набирать пыль’), *croquer la vie à pleines dents* ‘брать от жизни все, наслаждаться жизнью’ (букв. ‘грызть жизнь зубами’), *un monstre de travail* ‘работяга’ (букв. ‘рабочее чудовище’), *être aux petits oignons* ‘быть окруженным заботой’ (букв. ‘находиться в маленьких луковицах’), *mignon à croquer* ‘прехорошенький’ (букв. ‘хорошенький настолько, что хочется съесть’) и т.п. На примере своего маленького персонажа автор не только отчетливо показал, как могут быть интерпретированы детьми фразеологические словосочетания, но и помог читателю правильно эксплицировать их смысл.

Художественное произведение для детей младшего школьного возраста должно быть написано так, чтобы не утомлять еще только начинающего читать ребенка. Этому подчинены все компоненты *стиля*: интригующие названия, короткие абзацы, преобладание диалогов, оптимальная длина предложения (семь – пятнадцать слов), эмоционально насыщенные вопросительные и восклицательные предложения, обращения к читателю, позволяю-

щие чувствовать себя причастным к книге [9, с. 31]. При этом недопустимо проникновение в детскую книгу сниженной лексики, сленга, нецензурных слов и т.п. Она призвана нести этическое начало, и ее язык должен соответствовать высокому назначению [10, с. 308].

Специфика стиля анализируемых произведений в той или иной степени проявляется на разных уровнях, в том числе на фонетическом и графическом. Например, в рассказе *Garde à vous, les poux!* ‘Смирно, вши!’ для создания комического эффекта писатель передает особенности детского неправильного произношения в разговоре двух вшей, используя свистящий звук [z] вместо шипящего звука [ʒ], и выделяет заглавными буквами наиболее устрашающие для маленьких насекомых слова: *Ze ne sais pas ce qui se passe, LES GRANDES DENTS sont passées et les ont tous ézectés, même mon copain Poulux. Mais moi, ze suis née ici, ze ne veux pas m'en aller* ‘Я не знаю, что происходит, БОЛЬШИЕ ЗУБЫ прошли и убрали всех, даже моего друга Пулюкса. Но я родилась здесь и не хочу уходить отсюда’. Стоит отметить, что описываемый фонетический прием нецелесообразно использовать в литературе для детей дошкольного возраста: ребенок в этом возрасте не сможет оценить комизм ситуации.

Многообразие стилистических фигур и тропов в исследуемых произведениях выявлено не было, что вполне закономерно объясняется целевой аудиторией. Для младшего школьника подобные средства создания эмоциональной выразительности в большинстве своем усложняют текст. Из художественных тропов и фигур были отмечены эпитеты, сравнения, олицетворения и повторы.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Для экспликации значения той или иной лексической единицы автор рассказов для детей из серии «*Les histoires du Père Castor*» использует два основных приема: подбор синонимов и контекст. В исследуемых произведениях доминируют глагольные синонимические ряды, далее следуют синонимы-существительные, в редких случаях – прилагательные.

2. Особенностью анализируемых рассказов для детей на французском языке является употребление заимствований из других языков, междометий и обращений.

3. Язык анализируемых детских рассказов стилистически неоднороден (могут использоваться как лексемы разговорного языка, так и научного стиля), разнообразия используемых стилистических фигур и тропов не установлено.

ЛИТЕРАТУРА

1. Nodelman, P. *The Hidden Adult: Defining Children's Literature* / P. Nodelman. – Baltimore : The Johns Hopkins Univ. Press, 2008. – 379 p.
2. Гриценко, З. А. Детская литература. Методика приобщения детей к чтению / З. А. Гриценко. – М. : Академия, 2008. – 320 с.

3. *Hunt, P. Literary Criticism: Criticism, Theory, and Children's Literature / P. Hunt. – Oxford : B. Blackwell, 1991. – 276 p.*
4. *Детская литература : учебник / Е. Е. Зубарева [и др.]. – М. : Высш. шк., 2004. – 551 с.*
5. *Путилова, Е. О. Детская литература / Е. О. Путилова. – М. : Академия, 2008. – 536 с.*
6. *Минералова, И. Г. Детская литература : учеб. пособие / И. Г. Минералова. – М. : Владос, 2007. – 175 с.*
7. *Петровский, М. С. Книги нашего детства / М. С. Петровский. – М. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2008. – 424 с.*
8. *Елисеева, М. Б. Художественный текст как главный источник освоения ребенком стилистики родного языка / М. Б. Елисеева // Русская литература в формировании современной языковой личности : материалы конгресса МАПРЯЛ; Санкт-Петербург, 24–27 окт. 2007 г. – СПб., 2007. – С. 46–50.*
9. *Арзамасцева, И. Н. Детская литература / И. Н. Арзамасцева, С. А. Николаева. – М. : Академия, 2005. – 576 с.*
10. *Антонова, С. Г. Редакторская подготовка изданий / С. Г. Антонова [и др.]. – М. : МГПУ, 2002. – 468 с.*

Поступила в редакцию 11.02.2021

УДК 811.112.2'42(045)

Якубёнок Людмила Михайловна
кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры фонетики и грамматики
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Республика Беларусь

Yakubionak Liudmila
PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of German Phonetics and Grammar
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
ludakub@tut.by

МОДАЛЬНОСТЬ НЕРЕАЛЬНОСТИ КАК СРЕДСТВО УБЕЖДЕНИЯ В АДВОКАТСКИХ РЕЧАХ

IRREAL MODALITY AS A MEANS OF PERSUASION IN THE SPEECHES OF DEFENSE LAWYERS

Статья посвящена изучению роли средств выражения нереальности в процессе убеждения. В статье приводится краткий обзор значений конъюнктива II и его прагматического потенциала. В результате анализа фрагментов немецкоязычных адвокатских речей выделен ряд приемов убеждения, реализуемых конъюнктивом II. Основным выводом проведенного исследования является то, что грамматическая форма конъюнктива II, проявляя семантическую многоплановость и контекстуальную гибкость, участвует в создании смыслов с различной оценочной и логической нагрузкой, которые в своей совокупности создают убеждающий эффект адвокатской речи.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *модальность нереальности; конъюнктив II; убеждение; приемы убеждения; адвокатская речь.*

The article is devoted to the irreal modality and its role in the process of persuasion. Some methods of persuasion, realized by conjunctive II, are listed up. The main conclusion, made in the research, is that conjunctive II is semantically and pragmatically multifaceted and able to create different evaluating and logical senses, securing the persuasive effect of the defense speech.

Key words: irreal modality; conjunctive II; persuasion; methods of persuasion; speech of the defense lawyers.

Убеждение – словесное воздействие на людей, изменение их знания, мнения в нужном ключе. Речь адвоката направлена на убеждение судей в невиновности подсудимого или оправдание его действий, и для достижения данной цели адвокат применяет разнообразные языковые способы и приемы. Одним из способов убеждения является перенос содержания высказывания в нереальный план.

Модальность нереальности – это компонент категории модальности, одно из объективно-модальных значений наряду с модальностью реальности, возможности, необходимости. Суть данного модального значения состоит в выражении отношения высказывания к действительности, а именно определении явлений и событий, описанных в пропозиции, как нереальных, несбывшихся или неосуществимых.

Основным средством выражения модальности нереальности является сослагательное наклонение. В немецком языке сослагательное наклонение, представленное двумя формами конъюнктива (I, II), большинством германистов признается в качестве основного средства выражения модальности. Конъюнктив II служит передаче положения дел, не существующего в реальности, а лишь представляемого говорящим как бы «за пределами данного горизонта» (здесь и далее перевод наш. – Л. Я.) [1, S. 363]. Пресуппозицией для реализации высказывания с конъюнктивом II является индикатив с отрицанием [2, S. 159]: *Hätte er das gemacht...* ‘Если бы он это сделал...’, что в экспликации означает *Er hat das nicht gemacht* ‘Он этого не делал’, поэтому эта форма широко используется в адвокатской практике. В создаваемой адвокатом картине реальности он переносит нежелательные и идущие вразрез с его интенцией факты в гипотетический, несуществующий план. Тем самым конъюнктив II в рамках придаточных условных и уступительных предложений служит организации логического рассуждения, направленного на убеждение в невиновности подсудимого.

Вынесение содержания высказывания за рамки действительности коррелирует с комплексом семантических нюансов. Если описываемое положение дел является по мнению говорящего несуществующим, оно может быть желаемым, выполнимым/невыполнимым, возможным, неопределенным, нереальным, сомнительным. Эти оттенки, сопровождающие нереальность, можно вывести лишь из синтактико-семантических контекстов [3].

Сослагательное наклонение используется также для передачи косвенной речи. Данную функцию может выполнять и конъюнктив I и II, однако конъюнктив II маркирует намеренную дистанцированность говорящего, он используется в тех случаях, когда необходимо передать заведомо неверное (нереальное) мнение, представление, высказывание, выразить при передаче чужих слов скептическое к ним отношение [4, S. 198], что используется в адвокатских речах для убеждения в несостоятельности тезисов противника.

Кроме того, конъюнктив II способен придавать выражаемому содержанию определенную тональность. Дифференцироваться могут при этом вежливость, непрямолинейность, осторожность, ненавязчивость, медлительная вопросительность и т.п. [2, S. 159]. Благодаря конъюнктиву II могут возникать прагматические эффекты, существенные для интенции защиты, – упрек, порицание, напоминание, совет, пожелание, оправдание и т.п.

На основе изложенного можно заключить о наличии у конъюктива II объемного функционально-семантического потенциала, предопределяющего его активное участие в осуществлении процесса убеждения в адвокатской речи. Данная форма может употребляться для реализации различных тактик защиты.

Прежде всего, конъюнктив II используется для реализации подтверждения правильности своей позиции и опровержения позиции оппонента. В специфической ситуации судебного общения, ввиду полярности позиций защитника и обвинителя, подтверждение своих тезисов для адвоката априори является опровержением тезисов оппонента. Замечено, однако, что в случае подтверждения адвокатом своих тезисов значение нереальности, выражаемое конъюнктивом II в рамках придаточных условных предложений, реализует прием «доказательства от противного». Суть его в том, что определенные действия/события не имели место, и это оправдывает подсудимого, так как в обратном случае было бы хуже, например:

*Wenn den Tochtergesellschaften **mitgeteilt worden wäre**, dass der Cashpool gekündigt sei, ohne eine Ersatzlösung anzubieten, **wäre** dies als Untergangssignal aufgefasst worden, und es **hätte die Gefahr bestanden**, dass die Tochtergesellschaften **begonnen hätten**, eigene Lösungen zu suchen, wodurch das Chaos **ausgebrochen wäre**.* ‘Если бы дочерним фирмам сообщили, что Cashpool расторгнул контракт, не предложив альтернативного решения, это было бы воспринято как сигнал краха, и возникла бы опасность того, что дочерние фирмы сами начали бы искать свои решения, что привело бы к хаосу’.

Используемая для опровержения, нереальная модальность формирует прием «сведения к абсурду» – указание на нереальность и бессмысленность утверждаемого прокуратурой положения дел:

*Bei vorhandenem Täterwissen **wäre** es selbstzerstörerisch, solch ein Schreiben der Polizei zu übergeben. **Wäre H. die Täterin, hätte es Sinn gemacht**, sofort die Flucht zu ergreifen, ohne die Polizei einzuschalten.* ‘Со знанием того,

что ты преступник, передавать такое письмо полиции было бы равно самоуничтожению. Если бы Х. была преступницей, то имело бы смысл сразу бежать, не подключая к делу полицию.’

Логическое аргументирование также осуществляется в адвокатских речах при использовании конъюнктива II в придаточных уступительных предложениях, чем демонстрируется показная лояльность и готовность к компромиссу. Уступка со стороны защиты, т.е. допущение тех или иных обстоятельств, однако неизменно приводит к опровержению тезиса противника и доказательству адвокатом того, что он прав:

*Selbst wenn man also den Unterschied zwischen der Liquiditäts- und Vermögenslage nicht **verstanden haben sollte** und allenfalls falsche Schlüsse aus diesen Äusserungen von Herrn C. **gezogen hätte**, wäre dies **nicht relevant gewesen** für einen Anklageentscheid.* ‘Даже если бы не было понято различие между уровнем ликвидности и состоянием собственности и из высказываний г-на К. были бы сделаны неверные выводы, это не повлияло бы на обвинительный приговор’.

Указать на несостоятельность выдвигаемого обвинения адвокат может при помощи риторических вопросов с употреблением в них конъюнктива II:

*Sie erklärt uns nicht, weshalb Frau A. eine solche getarnte Zahlung und angebliche Bevorzugung der Kanzlei meines Klienten denn überhaupt **hätte anordnen sollen**. Was **hätte** sie davon **gehabt**?* ‘Она (прокуратура) не объясняет нам, с чего бы это г-жа А. распорядилась о тайной оплате и предполагаемом предпочтении фирмы моего клиента. Что бы ей это дало?’.

Реализуя тактику о п р а в д а н и я, адвокат прибегает к таким приемам защитительной аргументации, как упоминание личных качеств и поступков подзащитного, выдвижение предположений относительно возможного хода событий или указание на некие фоновые знания в момент совершения преступления. Названные приемы реализуются с помощью претеритальных форм конъюнктива. В частности, может реализоваться имплицитное отрицание (Konjunktiv der inhaltlichen Negativität) как указание на отсутствие у обвиняемого негативных качеств/поступков:

*Sie spielte in der kurzen Zeit ihrer Tätigkeit eher die Rolle der Cassandra, als dass sie irgendetwas **schöngefärbt hätte**.* ‘За короткое время своей деятельности она скорее играла роль Кассандры, нежели что-то приукрашивала’.

С помощью конъюнктива II реализуется также прием указания на невозможность иных действий обвиняемого, что оправдывает его реальные поступки:

*Mit anderen Worten, **weder** am 30. Juni, **noch** am 12. Juli **wäre** es statthaft **gewesen**, die Zahl von FRF 850 Mio. zu erwähnen.* ‘Другими словами, ни 30 июня, ни 12 июля не было допустимо называть цифру 850 млн франков.’

При употреблении с соответствующими модальными глаголами конъюнктив II реализует в речи такой прием, как выражение предположения, оправдывающего обвиняемого:

*Diese unterschiedlichen Daten **dürften** daraus entstanden sein, dass die öffentliche Ankündigung des Programms aufgeschoben wurde, bis Herr W. aus dem Ausland zurück war und das Programm und die Leitung durch ihn besprochen werden konnte.* ‘Эти различные данные могли возникнуть из-за того, что публичное объявление программы откладывалось до тех пор, пока г-н В. не вернется из заграницы и не обсудит вопрос управления фирмой’.

Часто при помощи конъюнктива II, прежде всего *würde-Form*, адвокат указывает на ожидания, прогнозы, надежды обвиняемого по поводу развития событий в момент совершения преступления, что должно его оправдывать:

*Mein Mandant war überzeugt/erwartete, dass die Banken **helfen würden.*** ‘Мой клиент был убежден/ожидал, что банки ему помогут’.

Оправданию также служит реализуемый с участием конъюнктива II прием обобщения, когда поведение подзащитного представляется как типичное и общепринятое:

*Unter Umständen wie den vorliegenden **hätte** jeder vernünftige Rechtsanwalt so **gehandelt**, wie dies der Angeklagte getan hat.* ‘При таких обстоятельствах, как в нашем случае, каждый разумный адвокат поступил бы так, как это сделал обвиняемый’.

И наконец, конъюнктив II широко используется для выражения критики в адрес процессуальных противников, т.е. для их д и с к р е д и т а ц и и. Например, при помощи данной формы в сочетании со средствами выражения модальности необходимости может указываться на невыполнение оппонентом необходимых действий или на упущение, связанное с нереализацией возможности:

*Es **wäre** die Aufgabe der StA **gewesen**, darüber eine Untersuchung durchzuführen.* ‘Представляется, что прокуратура должна была бы провести по этому поводу расследование’.

***Hätte** die StA den von ihr zitierten Kommentar aufmerksam **gelesen**, **wäre** ihr **nicht entgangen**, dass...* ‘Если бы прокуратура внимательно прочитала цитируемый ею комментарий, от нее бы не ускользнуло, что...’.

При помощи конъюнктива II может подчеркиваться недостаточность обвинения или его несоответствие юридической норме с указанием на вымышленный характер заявлений оппонентов:

*Die Staatsanwaltschaft bringt denn auch **nichts** vor, das ihre willkürliche Haltung rechtfertigen **würde.*** ‘Прокуратура не предоставляет ровным счетом ничего, что могло бы оправдать ее произвольную позицию’.

Конъюнктив II привлекается в случаях, когда адвокат высказывает разного рода предположения относительно хода мыслей или деятельности процессуальных противников:

***Hätte** es sich beim Angeklagten um einen normalen Staatsbürger **gehandelt** und nicht um einen ehemaligen prominenten Politiker, **wäre** m.E. das Verfahren mit Sicherheit **eingestellt** worden.* ‘Если бы обвиняемый был обычным гражданином, а не бывшим видным политиком, с моей точки зрения, этот процесс был бы точно остановлен’.

Иронизируя по поводу хода мысли оппонента, адвокат использует и прием «предложения альтернативы», реализуемый конъюнктивом II (тогда надо было бы обвинять за то, что.../тогда надо было бы обвинять и других...):

Frau F. wäre dann allein deswegen strafrechtlich verantwortlich, weil sie CFO war, als die Swissair unterging. ‘Г-жа Ф. уже потому несла бы уголовную ответственность, что она была финансовым директором, когда Swissair обанкротилась’.

Как уже упоминалось ранее, конъюнктив II может использоваться также для:

- передачи косвенной речи, прежде всего речи оппонентов, причем особенно показательно, что большая часть высказываний с передачей речи процессуального противника, содержит негативную оценку с точки зрения логической правильности, например:

Eine falsche Behauptung ist, die SAirGroup oder deren Tochtergesellschaften hätten nicht über die Zusagen verfügt, dass die bestehenden Kredite verlängert würden. ‘Неверно утверждение, что SAirGroup или ее дочерние фирмы якобы не располагали подтверждениями, что существующие кредиты будут продлены’.

- выражения вежливости или некатегоричной тональности:

Es dürfte dem Gericht nicht schwer fallen, sich vorzustellen, dass die in Aussicht stehende Arbeitslast eine gewaltige war. ‘Суд легко может представить себе, что предстоящая нагрузка в работе была огромной’;

- реализации фатической функции, когда речь идет о риторическом запросе мнения или совета присутствующих, обращении к прокуратуре, суду и т.п.:

Würden Sie sich nicht auch nach einer neuen Stelle umsehen, die Ihnen die Aufrechterhaltung des gewohnten Lebensstandards ermöglicht? ‘А вы бы не стали присматривать себе новое место, которое бы позволило сохранить привычный жизненный стандарт?’;

- выражения требований адвоката:

Für den Fall, dass das Gericht wider Erwarten eine Verurteilung überhaupt in Erwägung ziehen sollte, wäre das Verfahren zur Ergänzung der Untersuchung zurückzuweisen. ‘На случай, если суд вопреки ожиданию вообще станет рассматривать возможность осуждения, необходимо было бы остановить процесс для проведения дополнительного расследования’.

Таким образом, семантико-прагматическая нагрузка, которую несет конъюнктив II в текстах адвокатской речи, весьма значительна. Обобщенно участие конъюктива II в воплощении приемов убеждения представлено в следующей таблице.

Участие конъюнктива II в воплощении приемов убеждения

Тактика	Приемы убеждения, реализуемые с участием конъюнктива II	Кол-во
Подтверждение правильности своих тезисов	прием «доказательства от противного»	38
Опровержение тезисов оппонентов	прием «сведения к абсурду»	29
	выражение лояльности, готовности к компромиссу	41
	указание на несостоятельность тезиса противника	11
Оправдание подзащитного	указание на отсутствие приписываемых качеств, поведения	6
	указание на невозможность иных действий	3
	выражение предположения относительно хода событий	30
	указание на ожидания и надежды обвиняемого	38
	обобщение (приписывание поведения группе лиц)	4
Дискредитация оппонента	указание на невыполнение необходимых действий/нереализованная возможность	49
	указание на недостаточность, иллюзорность обвинения/показаний	36
	предложение альтернативы (ирония)	8
	выражение предположения по поводу действий оппонентов	32
Все тактики	выражение дистанцированности (недоверия) при передаче чужой речи	87
	вежливое, некатегоричное акцентирование своей позиции	14
	выражение требования (продолжить расследование и т.д.)	11
	запрос мнения, совета аудитории	6

Данные предложенной таблицы делают очевидным, что наиболее часто конъюнктив II применяется для выражения дистанцированности и недоверия по отношению к высказываниям оппонента (87 употреблений). Кроме того, он довольно часто задействуется в реализации убеждающих приемов «доказательство от противного», «сведение к абсурду» и в приемах, связанных с выражением предположений относительно хода мыслей и действий подсудимого и указанием на недостатки процессуального противника.

Таким образом, можно констатировать, что конъюнктив II как средство выражения модальности нереальности в процессе убеждения реализует свой смысловой и прагматический потенциал различным образом. Его прагматика может быть направлена, с одной стороны, на оправдание действий подзащитного, а с другой – служить созданию негативно заряженных смыслов, нацеленных на убеждение в несостоятельности обвинения. Данный факт свидетельствует о гибкости и многоплановости средств модальности нереальности, способности создавать ряд смыслов с различной оценочной и логической нагрузкой.

Отметим также, что в речи модальность нереальности поддерживается и дополняется целым арсеналом других языковых средств и способов воздействия на адресата. Однако особая прагматическая ценность именно этой языковой формы заключается в том, что убеждение посредством вынесения фактов, суждений и действий в нереальный план обладает не явной, тонкой, и, возможно, именно поэтому достаточно большой воздействующей силой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Brinkman, H.* Die deutsche Sprache. Gestalt und Leistung / H. Brinkman. – Düsseldorf : Päd. Verl. Schwann, 1962. – 940 S.
2. Duden : in 10 Bd. / hrsg. und bearb. von G. Drosdowski. – 6. Aufl. – Mannheim ; Wien ; Zürich : Dudenverl., 1984. – Bd. 4 : Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – 800 S.
3. *Flämig, W.* Zum Konjunktiv in der deutschen Sprache der Gegenwart. Inhalte und Gebrauchsweisen / W. Flämig. – Berlin : Akademie-Verl., 1962. – 188 S.
4. *Erben, J.* Abriss der deutschen Grammatik / J. Erben. – Berlin : Akademieverl., 1958. – 208 S.

Поступила в редакцию 15.03.2021

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.16

Бранавец Павел Сяргеевіч

магістр філалагічных навук,
аспірант кафедры тэарэтычнага
і славянскага мовазнаўства,
выкладчык кафедры тэарэтычнага
і славянскага мовазнаўства
Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт
г. Мінск, Беларусь

Branavets Pavel

MA in Philology, Postgraduate Student
at the Department of Theoretical and Slavic
Linguistics, Lecturer at the Department
of Theoretical and Slavic Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
branavets@bsu.by

КАНТЫНУАЛЬНАСЦЬ СЕМАНТЫКІ ПРАСЛАВЯНСКІХ *LICE, *LIKŮ
Ў БЕЛАРУСКАЙ І ПОЛЬСКАЙ МОВАХSEMANTIC CONTINUITY OF PROTO-SLAVIC *LICE, *LIKŮ
IN BELARUSIAN AND POLISH

У артыкуле разгледжана семантыка кантынуантаў праславянскіх *lice, *likŮ ў беларускай і польскай мовах на працягу іх гістарычнага развіцця. На аснове лексікаграфічных дадзеных прадстаўлены групы значэнняў невытворных субстантываў з каранем *lik-. Прапанавана схема-кантынуум іх арганізацыі, прааналізавана яе палексемнае запаўненне ў абедзвюх мовах у супастаўляльным плане. Выкарыстаны падыход пастаўлены ў кантэкст метадалагічнага збліжэння сінхронных і дыяхранічных даследаванняў лексічнай семантыкі.

К л ю ч а в ы я с л о в ы: *лексічная семантыка; полісемія; семантычная дэрывацыя; гісторыя мовы; беларуская мова; польская мова.*

The article deals with the semantics of the Proto-Slavic *lice, *likŮ continuants in Belarusian and Polish through their historical development. Meanings of non-derived substantives with root *lik- are presented in groups. Author proposes a scheme of their continual organisation and compares its filing by separated lexemes in both languages. Applied approach is situated in the context of metodological synthesis of synchronical and diachronical lexical semantics research.

Key words: *lexical semantics; polysemy; semantic derivation; language history; Belarusian; Polish.*

Прымаючы ў разлік тыпалагічную значнасць семантычнай структуры лексічных адзінак, а таксама дапушчальных спалучэнняў сэнсаў і тыпаў іх змен [1, с. 142], адным з перспектывных напрамкаў мовазнаўчага пошуку можна назваць спробы раскрыцця лексіка-семантычных дэрывацыйных структур у супастаўляльным аспекце. У сучаснай лексікалогіі не з'яўляецца агульнапрынятым строгае размежаванне шматзначнасці як сінхронна ізаляванага семантычнага зрэзу лексіка-семантычных варыянтаў слова (ЛСВ) і семантычнай дэрывацыі як працэсаў развіцця семантыкі лексемы ў дыяхранічнай перспектыве. Некаторыя даследчыкі сцвярджаюць іх функцыя-

нальную і анталагічную сумежнасць ці нават тоеснасць [2, с. 392–395], а вылучэнне адпаведных тэрмінаў у такім выпадку адлюстроўвае дзве адрозныя перспектывы разгляду таго ж самага. Рэгулярная шматзначнасць успрымаецца як статычная дадзенасць, роскід семантыкі ЛСВ на пэўным моўным зрэзе, нават значна працяглым у часе, а семантычная дэрывацыя – як дынамічная мадэль, характэрнае ўзаемадзеянне паасобных ЛСВ на тым жа зрэзе. Такое метадалагічнае ваганне паміж акцэнтам на гнуткасць і нязменнасць («flexibility and permanence») з’яўляецца, на думку Д. Хіартса, адной з праяў вядучай сілы развіцця лексічнай семантыкі як напрамку – напружання паміж максімальна шырокім і больш стрыманым разуменнем аб’екту яе ўвагі [3, р. 277]. Узаемнае дапаўненне абедзвюх перспектыв дазваляе даследчыку больш поўна раскрыць кожную з іх. Акрэсленыя аспекты могуць быць разледжаны праз прызму асноўных тыпаў змястоўных сувязей паміж ЛСВ, такіх як перанос (метафара, метанімія, сінекдаха), рода-відавоя ці гіпоніма-гіперанімічныя адносіны, контрадыкторнасць (энантыясемія), якія ў святле сучаснага кагнітывізму прадстаўляюць розныя мадэлі канцэптуалізацыі чалавечага досведу [4, с. 41–42].

Назоўнікі **lice*, **likъ* належаць да агульнаславянскага лексічнага фонду, аднак іх даславянская этымалогія не мае адназначнай трактоўкі. Яшчэ ў праславянскай перспектыве рэканструююцца тры групы іх семантычнага нападунення: анатамічныя значэнні, колькасныя значэнні і значэнні групавога выражэння радасці (пар. беларус. *лікаванне*). Пры гэтым **lice* засведчанае толькі з першай, у той час як **likъ* – з усімі трыма [5]. Гэта можа тлумачыцца рознай этымалагічнай прывязкай **likъ* анатамічнага (верагодна, даславянскага, бо развіццё дзвюх адрозных лексем з адной можа быць абумоўлена фанетыка-марфалагічнымі працэсамі, што маюць вытокі ў позняй праіндаеўрапейскай мове¹) і **likъ* групавога выражэння радасці (відавочна, запазычанага ўжо ў праславянскую эпоху). Матывацыю **likъ* колькаснага зазвычай прынята бачыць у групе анатамічных значэнняў (першасна **ličiti* ‘паказваць (тварам)’ → ‘лічыць’) [Там жа], аднак такое бачанне не прадстаўляецца цалкам задавальняючым. У параўнанні з анатамічнымі значна бліжэйшыя колькаснай семантыцы значэнні групавога выражэння радасці, уласцівыя аманімічнай лексеме (пар. высновы пра фактар фанетычнага падабенства ў семантычным развіцці слова ў [6]). Суадносіны семантыкі ‘колькасць’ – ‘група’ празрыстыя, выразныя і рэгулярныя: ст.-грэч. *χορός* ‘хараводная пляска са спевамі, натоўп’ – ‘шэраг, разрад’ [7, с. 1780]; лац. *numerus* ‘натоўп, мноства’ – ‘колькасць’ [8, с. 519], што не можа не ўлічвацца пры адпаведнай рэканструкцыі.

Увага да беларускай і польскай праекцый развіцця абраных назоўнікаў невыпадковая. Менавіта ў іх (таксама ва ўкраінскай мове і ў пераходных беларуска-рускіх гаворках) корань **lik-* выразна развіў і да цяперашняга моманту захоўвае актыўнай колькасную і ментальную семантыку, якая не ўласцівая адпаведным лексемам у іншых славянскіх мовах. Акрамя таго,

¹ і.-е. **leikō(s)* (акт.) → раннепрасл. **leikъ* → познепрасл. **likъ* (м. р.);
і.-е. **leikō(n)* (інакт.) → раннепрасл. **leiko* → познепрасл. **lice* (н. р.).

значны перыяд часу беларуская і польская моўныя стыхіі суіснавалі ў цесным кантакце ў межах ругэнскага моўнага арэала, што адкрывала магчымасць узаемнаму ўплыву, у тым ліку ў лексіка-семантычным вымярэнні. У аснову нашага супастаўлення была пакладзена сістэма значэнняў, адноўленая на матэрыяле этымалагічных, гістарычных і тлумачальных (сучасных і даўнейшых) лексікаграфічных даведнікаў [СДРЯ; Горбачевский; Срезневский; ГСБМ; Сінаніма; Насовіч; НН; ТСБМ; ЛА; Пн-3; Sławski; SStp; SPXVI; Linde; SW; SJPDor].

Развіццё **lice*, **likъ* ў беларускай і польскай мовах дало 50 значэнняў, якія магчыма аб'яднаць у восем семантычных груп. У наступных абзацах у парадку памяншэння колькасці значэнняў прыводзяцца паасобныя групы. Інфармацыя пра засведчанасць канкрэтнага значэння памоўна і палексемна падаецца з дапамогай індэксаў «+» (засведчана ў сучаснай мове), «Д» (засведчана ў сучасным дыялекце), «†» (засведчана ў гісторыі мовы), «—» (не засведчана) ў дужках у наступным парадку: **lice* ў беларускай мове, **likъ* ў беларускай мове, **lice* ў польскай мове, **likъ* ў польскай мове.

Колькасныя значэнні: 'колькасць' (— + — †), 'колькасная мера, акрэсленая колькасць' (— + — +), 'пералік, акрэслены парадак' (— — — †), 'велічыня, пры дапамозе якой праводзіцца лічэнне' (— + — —), 'зыходжанне пры падліку з пэўнай велічыні' (— + — —), 'лічба' (— + — —), 'вызначэнне колькасці' (— + — —), 'называнне лічбаў у паслядоўным парадку' (— + — —), 'валоданне назвамі і паслядоўнасцю лікаў да пэўнай мяжы' (— + — —), 'вынікі гульні, выражаныя ў лічбах' (— + — —), 'тры (штукі)' (— — — †), 'граматычная катэгорыя ліку (лац. *numerus*)' (— + — —).

Значэнні адметнасці: 'рыса, знак, метка, пляма' (— † — —), 'знак мінц-майстара на манеце' (— † — —), 'вобраз дзеяння, сродак, спосаб' († — — —), 'адметныя рысы, уласцівасці' († — — —), 'колер, фарба' († — — —), 'разнавіднасць' († — — —), 'вартасць, годнасць' (— — † —), 'краіна, зямля' (— — † —).

Значэнні вонкавага боку: 'пярэдні бок прадметаў' († — + —), 'правы бок тканіны' (Д — † —), 'паверхня' († — † —), 'пярэдняя сцяна' (— — + —), 'унутраная сцяна ў хаце' (— — † —), 'апрацаваная паверхня сцяны' (— — † —), 'звод будынкаў' (— — † —), 'абрысы планет, даступных зроку' (— + — —).

Анатамічныя значэнні: 'твар, абрысы твару' (+ + + —), 'шчака' († — + —), 'скура твару' (— — Д —), 'знешні выгляд, аблічча, фігура, постаць' († † Д —), 'выраз твару' (— — † —), 'морда каня' (— — † —), 'маска' († — — —).

Групавыя значэнні: 'сход спевакоў, выканаўцаў' (— † — —), 'сонм святых, анёлаў' (— † — —), 'сход, збор, натоўп' (— † — †), 'састаў, склад, шэраг' (— + — —), 'састаў пэўнай колькасці' (— † — —).

Персаналістычныя значэнні: 'асоба' († — † —), 'роля' († — † —), 'асоба, якая грае ролю' (— — † —), 'граматычная катэгорыя асобы (лац. *persona*)' († — — —).

Юрыдычныя значэнні: 'уліка, доказ віны (пры крадзяжы)' († — † —), 'паказанні сведкі' (— — † —), 'падатак, пакаранне' (— — † —).

Значэнні выразу радасці: 'харавод, танец' (— † — —), 'ўслаўляльныя спевы' (— † — —), 'выражэнне радасці, лікаванне' (— † — —).

За выключэннем некалькіх значэнняў, мадэлі семантычнай вытворнасці ў межах названых груп досыць празрыстыя. Сярод колькасных, анатамічных, групавых значэнняў, значэнняў вонкавага боку і выразу радасці пераважаюць метанімічныя (напрыклад, ‘лічба’ – ‘вынікі гульні, выражаныя ў лічбах’, ‘твар’ – ‘шчака’), рода-відавых стасункі ці змена аб’ёму значэння (напрыклад, ‘колькасць’ – ‘тры (штукі)’, ‘сход, збор, натоўп’ – ‘сход спевакоў, выканаўцаў’, ‘выражэнне радасці’ – ‘харавод, танец’). Паміж асобнымі значэннямі адметнасці і персаналістычнымі значэннямі выразна вылучаецца метафарычная карэляцыя (напрыклад, ‘рыса, знак, метка, пляма’ – ‘вобраз дзеяння, сродак, спосаб’, ‘асоба’ – ‘роля’). Аднак рэзка супрацьпаставіць гэтыя групы паводле іх унутранай семантычнай арганізацыі нельга, паколькі ў абедзвюх назіраюцца і іншыя шляхі ўзаемнай вытворнасці (напрыклад, метафара ‘твар, абрысы твару’ – ‘морда каня’ ў групе анатамічных значэнняў). Тэрміналагізаваныя значэнні граматычнай асобы і граматычнага ліку – семантычныя калькі адпаведных тэрмінаў класічнай мовазнаўчай традыцыі. Нарэшце, некаторыя значэнні з’яўляюцца «цёмнымі» і не знаходзяць адпаведнай матывацыі (‘зямля, краіна’, ‘падатак, пакаранне’).

У сваю чаргу і знешнія семантычныя суадносіны паміж асобнымі групамі значэнняў можна прадставіць ва ўзаемнай сувязі. На нашу думку, гэтая сувязь мае характар складанага кантынуума – паступовага пераходу паміж значэннямі асобна ўзятых семантычных груп. Пры гэтым семантычны кантынуум разгледжаных субстантываў з’яўляецца неаднамерным: у ім вылучаюцца тры лінейныя субкантынуумы, адзін з якіх рэалізуюцца ў этымалагічна вытворных **lice* і **likъ*, другі – толькі **lice*, трэці – толькі **likъ*.

Першы семантычны субкантынуум уяўляе сабой узаемасувязь «**Значэнні адметнасці – анатамічныя значэнні – значэнні вонкавага боку**». Вытворнасць анатамічных значэнняў і значэнняў вонкавага боку здзяйсняецца праз прызму метафарызацыі (‘твар (= пярэдні бок галавы)’, ‘фігура, постаць, знешні выгляд (чалавека)’ → ‘пярэдні бок прадметаў’). Памежным прыкладам тут з’яўляецца семантыка ‘абрысы планет, даступных зроку’, якая першапачаткова ўяўляла сабой персаніфікацыйную метафару (у іншых выпадках метафара вонкавага падабенства). Матывацыйны фокус значэнняў адметнасці (ідэя непаўторнасці і ідэнтыфікацыйная роля, якая ўласціва знешнасці чалавека) засвойвае анатамічную семантыку таксама метафарычна.

Матывацыйным ядром субкантынуума «**Анатамічныя значэнні – персаналістычныя значэнні – юрыдычныя значэнні**» з’яўляецца больш простая і канкрэтная анатамічная семантыка. У адрозненне ад папярэдняга ланцужка дадзены арганізаваны на аснове метанімічных суадносін. Значэнні асобы і значэнне твару або постаці чалавека сумежныя, паколькі выражаюць дзве характарыстыкі чалавека (перанос з адной уласцівасці аб’екта на другую). Падобная ўзаемасувязь праяўляецца не толькі ў базавых значэннях (напрыклад, ‘маска’ – ‘роля’). Юрыдычныя значэнні далей матывацыйна акцэнтуюць ідэю асобнасці (высвятленне асобы зلودзя, асабістае сведчанне сведкі, асабістая адказнасць у выглядзе падатку).

Нарэшце, субкантынуум «**Значэнні выразу радасці – групавыя значэнні – колькасныя значэнні – значэнні вонкавага боку**» больш сінкрэ-

тычны. Для яго характэрны больш паступовы пераход паміж паасобнымі групамі і наяўнасць «памежных» значэнняў. Пры гэтым семантычная ўзаемасувязь гэтага адрэзку значэнняў будуюцца на паступовай метанімічнай эксплікацыі аднаго з аспектаў першаснага значэння: ‘харагод, танец (= выражэнне радасці ў групе)’ – ‘сход спевакоў, выканаўцаў (група)’; ‘састаў пэўнай колькасці’ – ‘колькасная мера, акрэсленая колькасць’; значна больш сумніўны, але, як згадана вышэй, прыняты ў этымалагічных крыніцах пераход ‘пярэдні бок прадметаў (= прадметы ў іх знешнім успрыняцці)’ – ‘вызначэнне колькасці (прадметаў у іх знешнім успрыняцці)’.

Графічна поўная структура семантычнай сістэмы невытворных назоўнікаў з каранем **lik-* прадстаўлена на мал. 1. Пры суаднясенні з ёй прапанаванай характарыстыкі магчыма вылучыць два выразныя сегменты метанімічнай дэрывацыі, якія знаходзяцца на яе супрацьлеглых баках. Злучаныя (ці, наадварот, адасобленыя) гэтыя палюсы вобласцю дэрывацыі метафарычнай. Пры гэтым скрайнія семантычныя групы метанімічных сегментаў (значэнні выразу радасці, юрыдычныя значэнні) з’яўляюцца найменшымі па колькасці асобных семем, якія ў сваю чаргу праяўляюць высокую долю семантычнай канкрэтнасці і дакладнасці. Скрайняя ж група метафарычнай «праслойкі» – група значэнняў адметнасці – адна з найбуйнейшых у разгледжанай структуры, значна абстрагаваная і неаднародная семантычна.

Юрыдычныя значэнні (3)			
Персаналістычныя значэнні (4)	Анатамічныя значэнні (7)		
	Значэнні вонкавага боку (8)	Значэнні адметнасці (8)	
Значэнні групы (5)	Колькасныя значэнні (12)		
Значэнні выразу радасці (3)			

Мал. 1. Семантычны кантынуум невытворных субстантываў з каранем **lik-* у беларускай і польскай мовах (у дужках прадстаўлена колькасць значэнняў у групе)

Пэраламленне прапанаванай семантычнай матрыцы ў адпаведных лексемах беларускай і польскай моў прадстаўлена на мал. 2. Супастаўленне запаўнення агульнай схемы ў рэальных моўных адзінках дазваляе зрабіць высновы пра заканамернасці семантычнага развіцця праславянскага караня **lik-*. Па-першае, калі засведчана ядро кантынуума (метафарычна дэрываваны субкантынуум анатамічных, персаналістычных значэнняў і значэнняў адмет-

насці), то засведчаныя ўсе групы яго значэнняў (беларус. **lice*, беларус. **likъ*, пол. **lice*). Па-другое, юрыдычныя значэнні не засведчаны ў выпадку неза-сведчанасці персаналістычных значэнняў – і наадварот. Пры гэтым іх наяў-насць засведчана толькі пры засведчанасці ядра кантынуума (беларус. **lice*, пол. **lice*). Па-трэцяе, калі ў структуру значэння ўваходзіць колькасны кампанент, то ў яго ўваходзіць і групавы – і наадварот. Аднак у адрозненне ад папярэдняй заўвагі гэтая семантычная галіна не абавязкова звязана з за-сведчанасцю ядра кантынуума (беларус. **likъ*, пол. **likъ*).

Беларуская мова			Польская мова		
<i>*lice</i>			<i>*lice</i>		
0,33			1		
0,75	0,57		0,75	0,86	
	0,38	0,5		0,88	0,25
-	-		-	-	
-			-		

<i>*likъ</i>			<i>*likъ</i>		
-			-		
-	0,29		-	-	
	0,13	0,25		-	-
1	0,83		0,2	0,33	
1			-		

Мал. 2. Палексемнае запаўненне семантычнага кантынуума невытворных субстантываў з коранем **lik-* у беларускай і польскай мовах (лічбай прадстаўлена доля засведчаных у лексемы значэнняў семантычнай групы)

Варта адзначыць і розніцу адноснай значнасці асобных груп семем, супастаўляючы яе на аснове долей засведчаных значэнняў пэўнай групы ў канкрэтнай лексемы. Відавочна, што ў беларускіх кантынуантаў назоўнікаў з коранем **lik-* у меншай ступені, чым у польскіх, развіта ядро кантынуума і юрыдычныя значэнні, у той час як у польскай слабей прадстаўлены колькасныя і групавыя значэнні, а значэнні выказу радасці не засведчаны ўвогуле. Характэрна таксама, што польскія кантынуанты **lice*, **likъ* не маюць семантычных перасячэнняў, у той час як беларускія семантычна перасякаюцца ў вобласці ядра кантынуума. Гэта можа тлумачыцца наяўнасцю абедзвюх лексем з іх першаснай сінкрэтычнай семантыкай ужо на пачатковым этапе гісторыі беларускай мовы. У польскай жа абедзве лексемы засведчаныя пазней, што можа сведчыць пра запазычанасць або калькаванне, таму іх семантычная дыферэнцыяцыя, верагодна, мае вытокі ў засваенні толькі актуальных семем лексемы-крыніцы.

Такім чынам, рэканструкцыя на аснове засведчаных ЛСВ максімальна шырокага спектру трывалых семантычных складнікаў вышэйшага за семему ўзроўню ў іх узаемасувязі адлюстроўвае семантычны патэнцыял адпаведнай лексемы ва ўсёй яе дынаміцы і на любым статычным зрэзе, паколькі ўзнаўляе засведчаную логіку мовы, нягледзячы на тое, што на розных зрэзах некаторыя з элементаў кантынуума могуць быць больш актуалізаванымі, чым іншыя. Семантычная структура кантынуантаў праславянскіх **lice*, **likъ* ў беларускай і польскай мовах рэканструюецца як складана ўпарадкаваны кантынуум значэнняў. У статычным аспекце структура прадстаўлена

50 семемамі, якія ўваходзяць у 8 груп значэнняў. Дынаміка іх узаемадзеяння дазваляе вылучыць метафарычна арганізаванае ядро кантынуума і дзве метанімічна вытворныя вяршыні. У супастаўляльным плане звяртае на сябе ўвагу адрознае палексемнае запаўненне семантычных зон у дзвюх мовах. Значную цікавасць уяўляе пашырэнне прапанаваанай матрыцы за кошт дадзеных іншых моў і палексемны аналіз яе актуалізацыі.

ЛІТАРАТУРА

1. Толстая, С. М. Семантическая реконструкция и лексическая типология / С. М. Толстая // Славянское языкознание : XV Междунар. съезд славистов, Минск, 2013 г. : док. рос. делегации / редкол.: А. М. Молдован (отв. ред.), С. М. Толстая (отв. ред.) [и др.]. – М., 2013. – С. 141–160.
2. Зализняк, Анна А. К типологии семантической деривации / Анна А. Зализняк // Многозначность в языке и способы ее представления / Анна А. Зализняк. – М., 2006. – Гл. VI. – С. 392–412.
3. Geeraerts, D. Theories of Lexical Semantics / D. Geeraerts. – N. Y. : Oxford Univ. Press, 2010. – XX, 341 p.
4. Старычонок, В. Д. Мнагазначнасць слова ў беларускай мове : у 3 кн. / В. Д. Старычонок. – Мінск : Колорград, 2017. – Кн. 1 : Асноўныя тыпы полісеміі, кірункі семантычнай дэрывацыі. – 273 с.
5. Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз. – М. : Наука, 1974–.
6. Черниш, Т. О. Чинник фонетичной подібності в історичній еволюції слов'янської лексики: етимологія і паронімія / Т. О. Черниш // Мовні і концептуальні картини світу : зб. наук. пр. / відпов. ред. І. Л. Покровська. – 2014. – Вип. 50 (2). – С. 500–504.
7. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь : ок. 70 000 слов : в 2 т. / сост. И. Х. Дворецкий ; под ред. С. И. Соболевского. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1958. – Т. 2 : М – Ω. – С. 1044–1905.
8. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь : более 200 000 слов и словосочетаний / И. Х. Дворецкий. – 9-е изд., стер. – М. : Рус. язык-Медиа, 2005. – 845 с.

ДАВЕДНІКІ

СДРЯ – Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) : в 10 т. – М., 1988–.

Горбачевский – Горбачевский, Н. И. Словарь древнего актового языка Северо-Западного края и царства Польского. – Вильна, 1874. – XVIII, 397 с.

Срезневский – Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. – СПб., 1890–1912.

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск, 1982–.

Сінаніма – Лексис Лаврентія Зизанія. Синоніма славеноросская / підгот. текстів і вступ. ст. В. В. Німчука. – Київ, 1964. – 203 с.

Насовіч – Носович, И. И. Словарь бѣларускаго нарѣчія. – СПб., 1870. – 755 с.

НН – Слоўнік мовы «Нашай нівы», 1906–1915 : у 5 т. – Мінск, 2003– .
 ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. – Мінск, 1977–1984.
 ЛА – Лексічны атлас беларускіх народных гаворак : у 5 т. – Мінск, 1993–1998.
 Пн-З – Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у 5 т. – Мінск, 1979–1986.
 Sławski – *Sławski, F.* Słownik etymologiczny języka polskiego : w 5 t. – Kraków, 1952–1982.
 SStp – Słownik staropolski : w 11 t. – Wrocław [etc.], 1953–2002.
 SPXVI – Słownik polszczyzny XVI wieku. – Wrocław [etc.], 1996–.
 Linde – *Linde, S. B.* Słownik języka polskiego : w 6 t. – Wyd. 2-e, popraw. i pomnoż. – Lwów, 1854–1860.
 SW – Słownik języka polskiego : w 8 t. / red. J. Karłowicz [etc.]. – Warszawa, 1900–1927.
 SJPDor – Słownik języka polskiego : w 9 t. / red. W. Doroszewski. – Warszawa, 1958–1968.

Поступила в редакцию 21.04.2021

УДК 811.161.1'373+811.161.3'373

Горицкая Ольга Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент,
 доцент кафедры общего языкознания
 Минский государственный
 лингвистический университет
 г. Минск, Беларусь

Goritskaya Olga

PhD in Philology, Associate Professor,
 Associate Professor of the General Linguistics
 Department
 Minsk State Linguistic University
 Minsk, Belarus
 goritskaya@gmail.com

БЕЛОРУССКАЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В ТЕКСТАХ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

BELARUSIAN NON-EQUIVALENT WORDS IN RUSSIAN TEXTS

В работе содержится анализ функциональных характеристик безэквивалентных лексем в русскоязычных текстах, созданных в Беларуси (на материале блогов). На основе корпусных данных обнаружены особенности распределения исследуемых лексических единиц в различных странах. Кроме того, в статье выявляются семантические особенности лексических единиц в белорусской разновидности русского языка и определяются слова, наиболее востребованные в коммуникации.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *лексика; лексические единицы; безэквивалентная лексика; белорусская разновидность русского языка; языковые контакты.*

The research shows that the majority of Belarusian non-equivalent words have low or zero frequency in Russian speech. Semantic characteristics of non-equivalent lexical units in Belarusian Russian (new meanings in particular) are described. Corpus-based analysis demonstrates that some words or meanings are evenly distributed in the Belarusian and Russian varieties of Russian, while others are characteristic of Belarus.

К e y w o r d s : *vocabulary; lexical units; non-equivalent vocabulary; Belarusian variety of Russian; language contact.*

В русскоязычных текстах, созданных в Беларуси, встречаются разнообразные лексические единицы, которые возникли в результате белорусско-русских языковых контактов. Так, по данным Ольденбургского проекта, направленного на изучение белорусско-русской смешанной речи и языковой ситуации в Беларуси, 43,41 % белорусов охарактеризовали свою речь как русскую с белорусскими словами [1, с. 66]. Состав и функциональные характеристики элементов белорусского происхождения в белорусской разновидности русского языка [2] еще в полной мере не описаны. Цель данной статьи – выявить особенности функционирования белорусских безэквивалентных слов в текстах на русском языке.

Исследование проводилось следующим образом: мы искали лексемы, представленные в книге И. Г. Шкрабо «Самабытнае слова: слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачынненні)» [3], в подкорпусе «Живой Журнал» (ЖЖ) Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ, webcorpora.ru)¹. Ввиду автоматического сбора данных в этот корпус входят тексты не только на русском, но и на украинском, белорусском и других языках. Поэтому для обработки корпусной выдачи использовалась программа, помогающая отбирать контексты на русском языке (см. описание в статье [4]). В ходе исследования из выборки были исключены лексические единицы, у которых есть соответствия (обычно омонимические) среди высокочастотной лексики русского языка, например, *клуб* ‘верхняя часть бедра’ или *краска* ‘полевой цветок’. В том случае если единица не относилась к высокочастотным, мы просматривали корпусную выдачу и определяли, используется ли слово в интересующем нас значении.

Необходимо учитывать, что понятие «безэквивалентная лексика» не является строго очерченным. В словаре И. Г. Шкрабо к безэквивалентным относятся лексемы одного языка, которые не имеют однословного соответствия в другом языке [3, с. 3]. В первую очередь в круг этих слов включаются экзотизмы, обозначающие реалии, присутствующие только в одной из сопоставляемых культур (например, *верашица* ‘жидкое мучное блюдо’), а также единицы, которые имеют в своем значении «дополнительные дифференциальные оттенки» [Там же, с. 4] (*лузанец* ‘вылущившийся орех’), в том числе слова, которые различаются коннотациями или внутренней формой. Широкое понимание безэквивалентных слов позволило И. Г. Шкрабо включить в эту категорию лексему *навуковец* ‘человек, занимающийся наукой’, хотя в русском языке есть слово *ученый*, которое может использоваться в том же значении (при этом есть белорусское слово *вучоны*). Другой пример – *звар’яцець* ‘потерять рассудок, сойти с ума’ (в русском языке есть слова *помешаться, тронуться, обезуметь*). Таким образом, к безэквивалентной лексике можно отнести значительное количество слов. Так, по мнению А. Е. Супруна, «даже в столь близких между собой языках, как русский и белорусский, до половины слов нетерминологического харак-

¹ В примерах из корпуса отмечается только имя пользователя. Везде сохраняется авторская орфография и пунктуация.

тера имеют различный объем или различные оттенки значения, независимо от того, совпадают или не совпадают эти слова по форме» [5, с. 99] (см. также [6]).

Анализ корпусных выдaч показал, что некоторые лексические единицы, отмеченные в словаре [3] как безэквивалентные, встречаются не только в белорусском языке и в белорусской разновидности русского языка, но и в речи жителей России и других стран, причем зачастую в том же значении. В таком случае мы проводили статистический анализ данных и по белорусскому (около 160 млн словоупотреблений) и российскому (около 4 млрд словоупотреблений) сегментам ГИКРЯ при помощи логарифмической функции правдоподобия. Если значение G^2 было ниже критического (15,13), слово считалось равномерно распределенным в России и Беларуси, $p < 0,0001$ [7, р. 62–63; 8].

Примеры таких слов – *зиркать/зыркать* (белорус. *зіркаць/зыркаць*) ‘бросать взгляды, шарить глазами’ ($G^2 = 0,03$), *фасолина* (белорус. *фасоліна*) ‘горошина фасоли’ ($G^2 = 0,08$), *цимус* (белорус. *цымус*) ‘самое важное, самое существенное, суть чего-либо’ ($G^2 = 4,88$), *волколак* (белорус. *ваўкалак*) ‘мифическое существо, согласно поверью, человек, способный принимать облик волка’ ($G^2 = 4,36$) и т.п. Подобные формально и семантически близкие слова, используемые в белорусском и русском языках (при этом в равной степени часто как в российской, так и в белорусской разновидностях), на наш взгляд, не вполне правомерно включать в белорусскую безэквивалентную лексику. Исключение можно сделать разве что для единиц с ярким национально-культурным компонентом типа *ваўкалак*.

Напротив, слово *драник*, наиболее употребительное в нашей выборке, зафиксировано в орфографическом словаре русского языка [9], что связано с распространением самой реалии за пределами Беларуси. Лексема имеет белорусское происхождение, и ее частотность в Беларуси значительно выше ожидаемой ($G^2 = 2184,72$). Поэтому слово можно считать безэквивалентным в белорусском языке и примером белорусского заимствования в русском языке (однако закономерно, что оно более востребовано в белорусском русском).

Некоторые слова, отнесенные И. Г. Шкрабо к безэквивалентным, зафиксированы не в белорусском, а в других национальных сегментах ГИКРЯ (как правило, это касается потенциальных слов, которые образуются по моделям, характерным как для белорусского, так и для русского языков). В качестве примера приведем лексему *никчемник* (белорус. *нікчэмнік*) ‘никчемный, ничтожный человек’, по которой есть несколько контекстов в России и иных странах (не в Беларуси):

(1) *Сейчас принято ругать оппозицию. Мол, это всякие бездельники и никчемники. А на митинги кто ходит? Те, у кого забот мало! Да и чего ходить, все равно бесполезно* (ГИКРЯ, ЖЖ: *its_rainy_now*).

Кроме того, мы заметили некоторые семантические особенности лексических единиц, отмеченных в [3] как безэквивалентные, в белорусской разновидности русского языка. Например, у И. Г. Шкрабо дается два зна-

чения слова *корч*: ‘вывернутый из земли с корнями пень’ и ‘куст картофеля, лука и т.п., вывернутый из земли’. Второй лексико-семантический вариант не представлен и в ГИКРЯ, а первый был обнаружен в белорусском сегменте (2) – наряду с новым значением ‘старая машина’ (3):

(2) *Если бы я не решился поехать по корчам (спасибо Volvo и клиренсу в 20см, Устина даже не проснулась), то простоял бы я в этой пробке 3 часа минимум* (ГИКРЯ, ЖЖ: dobrozhinetsky).

(3) *...большой заезд нищевродов на корчах был сегодня* (ГИКРЯ, ЖЖ: uncle_sem).

Словом *копанка* в русском языке обозначаются разные объекты: нелегальные шахты, колодцы, канавы и т.п., что демонстрирует идиоматичность лексического значения слова. В русской речи белорусов под влиянием белорусского языка так называют небольшие искусственные водоемы, что подтверждается и материалом ГИКРЯ:

(4) *Недалеко от домов были небольшие озерца, называли их «копанки». То ли люди их вырыли, то ли техника – не знаю точно* (ГИКРЯ, ЖЖ: yadviga_monich).

Иногда в национальных разновидностях русского языка по-разному распределены лексико-семантические варианты многозначных слов. Так, лексема *кровянка* (белорус. *крыванка*) ‘кровяная колбаса’ используется в различных странах, но ее частотность в Беларуси выше ожидаемой ($G^2 = 83,13$). При этом в Беларуси данное слово в большинстве случаев используется именно в кулинарном значении (30 из 33 контекстов – 90,91 %), в то время как в России удельный вес данного лексико-семантического варианта в выборке по слову несколько ниже (64 из 124 контекстов – 51,61 %).

Поиск лексем из словаря [3] в ГИКРЯ показывает, что большинство из них практически не встречаются в русской разговорной речи, отраженной в блогах жителей Беларуси. В первую очередь это связано с тем, что в словарь И. Г. Шкрабо включены достаточно редкие лексемы. Так, 88 единиц из 909, т.е. почти 10 %, имеют помету *областное*. Многие слова обозначают явления крестьянского быта, не актуальные для современных горожан, ведущих блоги: *арфаваць* ‘с помощью веялки очищать зерно от мякины и мусора’, *дэраш* ‘конь чалой масти’, *настрамак* ‘небольшой воз сена или соломы’ и т.п. Кроме того, в словаре зафиксированы и историзмы, которые вряд ли будут востребованными в современной коммуникации: *жалязка* ‘утюг, который нагревают на огне’, *млён* ‘рукоятка для приведения в движение ручного жернова или соломорезки’, *зрэбнікі* ‘штаны, пошитые из поскони’, *солтыс* ‘сельский староста в Западной Беларуси’. Впрочем, некоторые историзмы подверглись актуализации. Так, значение слова *пастарунак* в [3] описывается как ‘название полицейского участка на территории Западной Беларуси до 1939 года’, при этом сегодня оно обозначает и современные объекты типа следственных изоляторов.

Вообще, лишь 24 лексемы встретились в русскоязычной части ГИКРЯ более 10 раз, см. таблицу¹.

Наиболее частотные безэквивалентные лексемы (по данным ГИКРЯ)

Слово	Кол-во вхождений
<i>драник</i> (белорус. <i>дранік</i>) ‘оладья или блин из тертого картофеля’	958
<i>с большего</i> (белорус. <i>збольшага</i>) ‘большей частью; в основных чертах’	405
<i>брама</i> ‘главный въезд во двор, город, усадьбу, на завод и др. в виде двухстворчатых, крытых сверху ворот’	290
<i>каменица</i> (белорус. <i>камяніца</i>) ‘каменное или кирпичное строение’	137
<i>толока</i> (белорус. <i>талака</i>) ‘коллективная помощь, работа сообща’	61
<i>замчище</i> (белорус. <i>замчышча</i>) ‘место, где стоял или стоит замок’	49
<i>снить</i> (белорус. <i>сніць</i>) ‘видеть сон, видеть во сне’	49
<i>книгарня</i> (белорус. <i>кнігарня</i>) ‘книжный магазин’	41
<i>кровянка</i> (белорус. <i>крывянка</i>) ‘кровяная колбаса’	33
<i>вышиванка</i> (белорус. <i>вышыванка</i>) ‘рубашка с вышивкой’	32
<i>знич</i> (белорус. <i>зніч</i>) ‘по языческим представлениям священный огонь’	27
<i>вырай</i> ‘теплые страны, куда летят зимовать перелетные птицы’	26
<i>крупник</i> (белорус. <i>крупнік</i>) ‘крупяной суп’	26
<i>брукованка</i> (белорус. <i>брукаванка</i>) ‘вымощенная камнем дорога’	25
<i>кресы</i> (белорус. <i>крэсы</i>) ‘название земель Западной Беларуси, находившихся до 1939 года под властью Польши’	24
<i>плебания</i> (белорус. <i>плябанія</i>) ‘дом, в котором живет ксендз’	15

¹ В таблице указываются основные графические и лексико-семантические варианты лексем, а значения даются по И. Г. Шкрабо. Ряд единиц мы исключили из таблицы, например, областной лексико-семантический вариант *камяніца* ‘каменистая почва’, не зафиксированный в корпусе, и слово *циркулярка* (белорус. *цыркулярка*), которое используется для номинации циркулярной пилы (это значение представлено в различных странах), а не пилорамы с дисковой пилой. В таблицу не попало слово *цимус* (белорус. *цымус*) ‘самое важное, самое существенное, суть чего-либо’, которое широко используется в различных национальных сегментах ГИКРЯ и не является характерным для Беларуси. Наконец, лексемы *лыч* ‘свиное рыло’ и *цыба* ‘длинные ноги’ используются в корпусе только в качестве антропонимов и в настоящее время не имеют явной связи с апеллятивами, отраженными в словаре, поэтому в таблице не указывались.

<i>лявониха</i> (белорус. <i>лявоніха</i>) ‘белорусский народный танец; музыка к этому танцу’	14
<i>гмина</i> (белорус. <i>гміна</i>) ‘административно-территориальная единица в Польше; административный центр такой единицы’	12
<i>кляштор</i> (белорус. <i>кляштар</i>) ‘католический монастырь’	12
<i>бискуп</i> (белорус. <i>біскуп</i>) ‘высшее духовное звание служителя католической церкви; особа, удостоенная этого звания’	11
<i>писарчук</i> (белорус. <i>пісарчук</i>) ‘помощник писаря’	11

Кроме того, в используемом корпусе эпизодически встречаются следующие лексические единицы: *ламачына* ‘поломанная, испорченная вещь’, *гмах* ‘большое высотное здание’, *зничка* (белорус. *знічка*) ‘падающая звезда’, *буять* ‘пышно цвести, зеленеть’, *жабровать* (белорус. *жабраваць*) ‘собирать милостыню, просить подаяния’, *енчить* (белорус. *енчыць*) ‘жалобно стонать’, *прочки* (белорус. *прочкі*) ‘уход из семьи в результате ссоры, размолвки’, *бусянка* ‘гнездо аиста’, *дединец* (белорус. *дзядзінец*) ‘огороженный двор вокруг какого-либо строения’, *шляхтюк* (белорус. *шляхцюк*) ‘молодой шляхтич’, *вербница* (белорус. *вербніца*) ‘Вербное Воскресенье’ и т.п. (количество вхождений с этими лексемами варьируется от одного до 10).

Анализ частотности и тематической отнесенности лексем из нашей выборки показывает, что наиболее востребованы в коммуникации слова с национально-культурным компонентом, обозначающие характерные для страны референты (так называемые культурные заимствования, противопоставленные ядерным [10, р. 212–218; 11, р. 110]): блюда (*драник*, *крупник*), одежду (*вышиванка*), танцы и музыку (*лявониха*), архитектурные сооружения (*брама*, *каменица*, *замчище*, *кляштор*, *плебания*), земли, в том числе административные единицы (*кресы*, *гмина*) и т.п. Семантически специфические слова, у которых нет аналогов в целевом языке, например, лексемы, называющие объекты материальной и духовной культуры, заимствуются легко [11, р. 150–151], при этом очевидно, что не все они обозначают достаточно актуальные понятия, чтобы широко использоваться в современной речи.

В число наиболее частотных лексем входят и «универсальные» единицы, не называющие объекты, связанные исключительно с Беларусью: *снить* и *с большего*. Данные слова компактно выражают смыслы, востребованные в коммуникации, и это является одной из предпосылок для их распространения в исследуемом идиоме.

Анализ контекстов показал, что безэквивалентные лексемы зачастую слабо интегрированы в систему русского языка, что подтверждает их периферийный характер. Так, например, лексема *чубить* (белорус. *чубіць*) ‘трепать за чуб, хохолок’ входит в воспроизводимую единицу *кто кого чубит, тот того и любит*, которая, по данным ГИКРЯ, почти не используется за пределами Беларуси. Самостоятельно эта единица употребляется лишь в единичных случаях:

(5) *Несколько дней назад соседка Лена любезно предложила мне взять 2 маленькие рыбки. Совсем маленькие. Откормил на свою голову. Теперь эти «рыбки» растолстели и чуют друг друга целый день* (ГИКРЯ, ЖЖ: hazke).

Кроме того, в нашу выборку попали контексты, в которых сохраняется белорусское оформление лексем. Подобные примеры располагаются ближе к полюсу переключения кодов (а не заимствования) в контактном континууме [11, р. 110–114]. Так, некоторые слова используются в белорусскоязычных цитатах, включенных в русскоязычный текст, а также в метаязыковых комментариях, где обсуждается значение слов и других языковых единиц. Ряд лексем представлен в ГИКРЯ преимущественно или только в составе (в качестве) имен собственных: кроме уже упомянутых лексем *лыч* и *цыба*, которые используются как антропонимы, отметим представленные в таблице *вырай* (например, название книги В. Мартиновича «Сцюдзёны вырай») и *зніч* (номинация музыкальной группы), а также *азярышча* ‘место, где когда-то было озеро’ (топоним *Озерышце*) (необходимость анализа таких единиц при изучении белорусской разновидности русского языка обосновывается в [4]).

Подводя итоги, отметим, что белорусская безэквивалентная лексика, представленная в словаре И. Г. Шкрабо, достаточно редко используется в текстах на русском языке. В выборке есть разнообразные контексты, которые демонстрируют, что безэквивалентные белорусизмы слабо интегрированы в систему белорусской разновидности русского языка (они используются в составе цитат, метаязыковых высказываний, имен собственных и т.д.).

К числу наиболее распространенных слов относятся обозначения белорусских реалий (*драник*, *брама*, *каменица* и т.д.), а также несколько непосредственно не связанных с Беларусью единиц, компактно выражающих смыслы, востребованные в коммуникации (*снить, с большего*).

Кроме того, зафиксировано возникновение новых значений у проанализированных слов в белорусской разновидности русского языка, в том числе не имеющих однословных аналогов в русском языке.

Результаты данного исследования можно использовать при уточнении списка белорусской безэквивалентной лексики (в сопоставлении с русским языком). Анализ показал, что локализация ряда слов, включенных И. Г. Шкрабо в категорию безэквивалентных, не ограничена Беларусью, что связано как с распространением самих реалий за пределами страны, так и со структурной близостью белорусского и русского языков, которая не всегда полно и точно описывается в лексикографических источниках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хентшель, Г. Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространенности языков в стране / Г. Хентшель, Б. Киттель // Социология. – 2011. – № 4. – С. 62–78.
2. Горицкая, О. Русский язык в Беларуси и других постсоветских странах: споры о терминах / О. Горицкая // Rusistica Latviensis / Latvijas Univ., Rusisticas centrs. – Riga, 2019. – Т. 8 : Глобальные и локальные процессы в славянских языках, литературах, культурах 2. – Лр. 124–134.

3. *Шкраба, І.* Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні) / І. Шкраба. – Мінск : Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 1994. – 223 с.
4. *Горицкая, О. С.* Частотный словарь белорусизмов в белорусской разновидности русского языка / О. С. Горицкая, Н. В. Супрунчук, А. А. Яскевич // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium. / Нац. акад. наук Беларуси, Центр исслед. белорус. культуры, языка и лит., Ин-т языкознания им. Я. Коласа ; редкол.: И. Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2019. – Вып. 16 : сб. науч. статей. – С. 96–100.
5. *Супрун, А. Е.* Лекции по лингвистике / А. Е. Супрун. – Минск : Изд-во БГУ, 1980. – 144 с.
6. *Роўда, І. С.* Рознаўзроўнёвая намінатыўная адпаведнасць беларускай і рускай моў: (у сувязі з праблемай лексічных лакун) / І. С. Роўда. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 1999. – 170 с.
7. *Baker, P.* Sociolinguistics and corpus linguistics / P. Baker. – Edinburgh : Edinburgh Univ. Press, 2010. – 189 p.
8. *Rayson, P.* Log-likelihood and effect size calculator [Electronic resource] / P. Rayson. – Mode of access: <http://ucrel.lancs.ac.uk/llwizard.html>. – Date of access: 01.02.2020.
9. Орфографический академический ресурс «Академос» [Электронный ресурс] / Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН. – Режим доступа: <http://orfo.ruslang.ru/>. – Дата доступа: 01.02.2021.
10. *Myers-Scotton, C.* Multiple voices: an introduction to bilingualism / C. Myers-Scotton. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2006. – 473 p.
11. *Matras, Y.* Language contact / Y. Matras. – Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2009. – 366 p.

Поступила в редакцию 12.02.2021

УДК:811.161'426:070(045)

Русина Юлия Николаевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры теории
и практики перевода № 1
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Rusina Yuliya Nikolayevna
PhD in Philology
Associate Professor at Translation &
Interpreting Theory and Practice Department №1
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
jrusina@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ЗАГОЛОВКАХ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ НА ТЕМУ КОРОНАВИРУСА

PECULIARITIES OF PRECEDENT TEXTS IN THE HEADLINES OF NEWSPAPER ARTICLES ON CORONAVIRUS

Статья посвящена анализу прецедентных текстов в заголовках русскоязычных и белорусскоязычных газетных статей на тему коронавируса. Установлено, что использование прецедентных текстов в заголовках чаще наблюдается в русскоязычных изданиях, чем

в белорусскоязычных. Определены сферы-источники прецедентных текстов в заголовках статей указанной тематики и выявлены основные типы трансформаций прецедентных текстов, из которых самым частым видом является лексическая замена.

К л ю ч е в ы е с л о в а : *прецедентный текст; газетный заголовок; трансформация прецедентных текстов; лексическая замена; добавление; опущение.*

The article is devoted to the analysis of precedent phenomena in the headlines of Russian and Belarusian newspaper articles on coronavirus. The analysis shows that the use of precedent phenomena in such headlines is observed mainly in Russian newspapers. The sources of precedent texts are determined and the types of transformations of precedent texts used in the headlines of newspaper articles on coronavirus are identified, lexical replacement being the most frequent one.

Key words: *precedent text, newspaper headline, transformation of precedent texts, lexical replacement, addition, omission.*

В настоящее время журналистам приходится всё больше совершенствовать свое мастерство, чтобы привлечь внимание аудитории. Заголовку статьи (независимо от того, печатная это версия или онлайн-формат) принадлежит исключительная роль: понравился заголовок, «зацепил» потенциального читателя – статью начнут читать. Показался читателю заголовок скучным – статья осталась непрочитанной. Таким образом, можно сказать, что удачный заголовок – половина успеха газетной статьи.

Именно эта исключительная роль заголовков способствует их широкому изучению на материале различных языков современными исследователями [1; 2; 3]. В этих работах анализируются функциональные, лексические, стилистические и иные особенности газетных заголовков.

Одним из способов сделать заголовок привлекательным для читателей и вызвать у них интерес к прочтению целой статьи является использование в заголовках прецедентных текстов. Как известно, термин *прецедентные тексты* (ПТ) ввел в лингвистику Ю. Н. Караулов, согласно которому, ПТ – это «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях ... хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников ... такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [4, с. 216]. То есть, если выразить мысль Ю. Н. Караулова более кратко, то ПТ входят в объем фоновых знаний представителей той или иной культуры.

Цель исследования – на русскоязычном и белорусскоязычном материале рассмотреть особенности ПТ в заголовках газетных статей на тему коронавируса, определив источники происхождения этих текстов и выявив используемые в них трансформации.

По вопросу определения понятия *прецедентный текст* существует несколько подходов. Некоторые исследователи, например В. В. Красных и Д. Б. Гудков, говорят о существовании различных прецедентных феноменов, в общем объеме которых они выделяют частные группы: прецедентные тексты, высказывания, ситуации и имена [5, с. 82–84]. Как видно из при-

веденного выше определения Ю. Н. Караулова, ученый употребляет понятие прецедентного текста в широком значении, подразумевая под этим термином различные прецедентные феномены. Другие исследователи выражения «прецедентные феномены», «прецедентные тексты» и «прецедентные высказывания» используют в качестве синонимичных [6]. Мы в данной работе будем чаще оперировать выражениями «прецедентные феномены» и «прецедентные тексты», рассматривая их как синонимы.

Как известно, изучение прецедентных феноменов в межкультурной коммуникации, в СМИ и, в частности, в заголовках не ново и привлекает внимание многих исследователей [6; 7; 8; 9].

Новизна предпринятого нами исследования непосредственно связана с выбранным материалом: второй год статьи на тему распространения в мире коронавируса являются одними из наиболее часто читаемых в СМИ, выполняются первые работы по изучению различных лингвистических аспектов таких статей, но их число невелико.

Исследователями уже давно определены основные источники ПТ: названия литературных произведений, кинофильмов, телевизионных передач; цитаты из художественных произведений (чаще из поэзии), из Библии; известные, полюбоившиеся многим, фразы из кинофильмов и мультфильмов; строчки из песен; имена персонажей и исторических личностей; названия исторических событий; высказывания видных государственных деятелей; лозунги той или иной исторической эпохи; афоризмы, пословицы, поговорки, устойчивые выражения, штампы, фразеологические единицы (ФЕ). Отметим, однако, что вопрос, относить ли к источникам ПТ ФЕ, до сих пор является дискуссионным. Так, например, В. И. Макаров в своей работе приходит к выводу, что не стоит объединять ФЕ и ПТ [10, с. 76]. В то же время ряд других исследователей считает, что ФЕ и ПТ идентичны [11; 12]. Нам ближе именно эта точка зрения, поэтому ФЕ в заголовках мы рассматриваем как ПТ.

Что касается способов трансформации ПТ, то до сих пор нет их четкой классификации. Большинство исследователей выделяет лексические замены, добавление и усечение (опущение). В некоторых работах описываются морфологические замены (изменение грамматических признаков слов) и синтаксические преобразования (изменение порядка слов и по цели высказывания). На наш взгляд, два последних вида можно назвать грамматическими трансформациями, так как и морфология, и синтаксис – это разделы грамматики. Говоря о трансформации ФЕ (к которым в широком понимании относят и пословицы, и поговорки, и крылатые выражения), выделяют вид семантических преобразований (буквализация, двойная актуализация).

Для проведения исследования нами были отобраны методом сплошной выборки 150 русскоязычных заголовков (онлайн-версии газет «Известия», «Правда», «АиФ», «Комсомольская правда» (КП) и 80 белорусскоязычных заголовков (онлайн-версии газет «Рэспубліка», «Звязда», «Наша Ніва») статей на тему коронавируса за период с февраля 2020 года по февраль 2021 года. Всего было отобрано Все отобранные русскоязычные заголовки содержат ПТ, а среди проанализированных белорусскоязычных заголовков прецедентные

феномены были зафиксированы только в 15 % от общего количества. Иногда заголовок статьи на белорусском языке представляет собой простую сводку Минздрава: *У Беларусі за суткі – 1708 выпадкаў захворвання на COVID-19, выздаравелі 1959 чалавек*» (Звязда, 04.02.2021).

Анализ отобранного материала позволил выделить 11 сфер-источников прецедентных феноменов, используемых в русскоязычных заголовках, из которых в белорусскоязычных заголовках встретились только 3. Проиллюстрируем выделенные области фоновых знаний примерами, одновременно отмечая, какую трансформацию наблюдаем в том или ином случае.

Сфера-источник «Литература»:

- строки из литературных произведений: *Штамм в имени тебе моем: в РФ обсуждают три названия коронавируса* (Известия, 14.02.2020). Заголовок является преобразованием первой строки стихотворения А. С. Пушкина: *Что в имени тебе моем?*. В данном случае используется замена компонента в сочетании с изменением ПТ по цели высказывания (вместо вопроса – утверждение);

В деревню, в глушь: коронавирус заставляет россиян бежать (Известия, 12.11.2020). Трансформация стихотворной цитаты из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума», которая в оригинале звучит следующим образом: *В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов*, т.е. использовано усечение;

Тры жанчыны пад акном шылі маскі вечарком (Звязда, 25.04.2020). Трансформация цитаты *Три девицы под окном пряли поздно вечерком* из произведения А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане...». Использована замена компонентов;

- названия литературных произведений: *Хронікі «ковіда». Як свет змагаецца з небяспечным вірусам?* (Звязда, 14.11.2020). Здесь использована трансформация названия литературного произведения «Хроники Нарнии» с заменой компонента.

Сфера-источник «Мифология»: *Троянский Сов: ученые объяснили феномен повторного заражения* (Известия, 15.01.2021). В данной статье рассказывается о гипотезе ученых, что коронавирус «прячется» во внеклеточных пузырьках, а затем выходит наружу. Как видим, имеется аллюзия на выражение *Троянский конь*, взятое из мифологии. В данном трансформированном тексте также наблюдаем замену компонента.

Сфера-источник «Исторические события»: *Путь ко второй мировой волне: число больных COVID-19 приближается к 10 млн* (Известия, 26.06.2020). Трансформация названия исторического события (*Вторая мировая война*), представляющая собой замену компонента, основанную на звуковом сходстве слов *война* и *волна*, оставляет исходный ПТ полностью узнаваемым, в результате чего читатель понимает, что снова предстоит долгая и напряженная борьба с вирусом.

Сфера-источник «Киноискусство»: *«Корона» Британской империи: справятся ли с вирусом-мутантом вакцины* (КП, 22.12.2020). Данный заголовок является трансформацией названия советского художественного фильма «Корона Российской империи» с заменой компонента;

Спрут на Апенінах. *Навошта італьянская мафія зніталася з карана-вірусам?* (Звязда, 4.04.2020) В этом заголовке наблюдаем трансформацию названия нашумевшего в середине 80-х годов XX века зарубежного сериала «Спрут» о борьбе итальянских правоохранительных органов с мафией. Использовано добавление компонента.

Сфера-источник «Мультипликация»: **Кто ходит в гости в карантин: власти признали неэффективность проверок бизнеса** (Известия, 7.08.2020). Здесь видим трансформацию строчки песни Винни-Пуха из мультипликационного фильма: *Кто ходит в гости по утрам, тот поступает мудро*. Используемые трансформации – замена в сочетании с усечением.

Сфера-источник «Названия телевизионных передач»: **Слабое звено: откуда берутся некачественные медицинские маски** (Известия, 2.02.2021). Как видим, в данном заголовке прецедентный текст использован в неизменном виде.

Сфера-источник «Политические лозунги»: **Вакцины разных стран, объединяйтесь: к «оксфордской» прививке добавляют укол «Спутника V»** (КП, 11.12.2020). Этот заголовок представляет собой трансформацию одного из самых известных интернационалистических коммунистических лозунгов: *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*. И снова наблюдаем замену компонентов.

Сфера-источник «Музыка»: **Мои года, моя прививка: вакцинация пожилых снизит смертность от COVID** (Известия, 29.12.2020). Заголовок является преобразованием названия песни «Мои года – мое богатство» в исполнении В. Кикабидзе на стихи Р. Рождественского. Используется замена компонента.

Сфера-источник «Пословицы и поговорки»: **И работники здоровы, и босс не разорен: эксперты дали семь советов по профилактике COVID-19 на работе** (КП, 12.12.2020). Заголовок является трансформацией пословицы *И овцы целы, и волки сыты*, которая означает: ‘удобно, выгодно для обеих сторон (о положении, которое создается в результате стремления угодить людям с различными взглядами и т.п.)’. Как можно понять из названия статьи, профилактика COVID-19 и является той ситуацией, которая выгодна для обеих сторон: и для работников предприятий, и для руководства. На наш взгляд, данный пример очень интересный: хотя здесь наблюдается замена всех знаменательных частей речи исходного высказывания (остаются неизменными только два союза), оригинал, однако, остается узнаваемым благодаря сохранению структуры и общего смысла ‘хорошо и одним, и другим’;

Дома лучше: как изменилась жизнь японцев из-за коронавируса (Известия, 28.02.2020). В данном заголовке наблюдается трансформация известной пословицы *В гостях хорошо, а дома лучше*. Поскольку в статье говорится о том, что Япония перешла на удаленный режим работы и лишилась китайских туристов, то данный заголовок можно рассматривать с двух сторон: во-первых, в его прямом значении, т.е. работать дома (удаленно) лучше;

во-вторых, как усеченную пословицу: дома лучше, поэтому китайские туристы перестали ездить в Японию. Таким образом, на наш взгляд, в данном случае мы видим сочетание приема усечения с семантической трансформацией – буквализацией.

Сфера-источник «Афоризмы, крылатые выражения»: *Хорошо забытое: в ЕС снова ужесточают меры по борьбе с COVID-19* (Известия, 23.07.2020). В заголовке статьи, в которой говорится о том, что европейские эпидемиологи готовятся ко второй волне эпидемии, мы наблюдаем усечение следующего известного афоризма: *Новое – это хорошо забытое старое*. Т.е. речь идет о том, что меры, предпринимаемые для предотвращения распространения вируса во время второй волны, подобны тем, которые уже использовались во время первой волны;

Спасение утопающего: почему по Восточной Европе вторая волна бьет сильнее (Известия, 2.08.2020). В этом заголовке наблюдается трансформация известного крылатого выражения *Спасение утопающих – дело рук самих утопающих*. Использовано усечение в сочетании с морфологической заменой (вместо множественного числа употребляется единственное).

Сфера-источник «Устойчивые выражения и фразеологизмы». В отобранном материале встретилось несколько примеров их использования без каких бы то ни было изменений, т.е. дословное воспроизведение: *Залегчы на дно. Як разгортаецца глабальны каранцін?* (Звезда, 28.03.2020); *Без чаргі і за лічаныя хвіліны. Як здаюць экспрэс-тэст на каранавірус* (Звезда, 04.08.2020); *Коронавірусны прэгноз-2021: год будзе цяжэлым, но з'явіўся свет у канцы тунэля* (КП, 14.01.2021).

В подавляющем большинстве заголовков с ФЕ и устойчивыми сочетаниями используются те или иные способы трансформации. В представленной таблице отражены количественные данные о частотности тех или иных трансформаций в проанализированных заголовках.

Частотность трансформаций прецедентных текстов

Вид трансформации	Русскоязычные заголовки (всего – 150), из них с ПТ		Белорусскоязычные заголовки (всего – 80), из них с ПТ	
	количество	%	количество	%
нет изменений	16	10,6	6	7,5
лексическая замена	47	31,3	3	3,8
лексическая замена, основанная на звуковом сходстве	50	33,3	–	
добавление	5	3,3	1	1,2
опущение	5	3,3	–	
грамматическое преобразование	4	2,6	1	1,2
семантическая трансформация	7	4,6	–	

замена с опущением	5	3,3	—	
замена с грамматическим преобразованием	2	1,3	—	
замена с семантической трансформацией	1	0,6	1	1,2
замена на звуковом сходстве с добавлением	1	0,6	—	
замена на звуковом сходстве с семантической трансформацией	1	0,6	—	
опущение с семантической трансформацией	2	1,3	—	
опущение с грамматическим преобразованием	1	0,6	—	
добавление с семантической трансформацией	1	0,6	—	
грамматическое преобразование с семантической трансформацией	2	1,3	—	
Всего	150	100	12	15

Итак, проведенное исследование позволило сделать следующие выводы:

- использование ПТ в заголовках статей на тему коронавируса более свойственно русскоязычным газетам, чем белорусскоязычным;
- сферы-источники ПТ, зафиксированные в проанализированном материале, достаточно разнообразны – литература, мифология, музыка, киноискусство, политические лозунги, пословицы и поговорки и т.п.
- подавляющее большинство ПТ используется в трансформированном виде. Наиболее частый прием трансформации – лексическая замена компонентов на слова, связанные с темой статьи, в том числе замена, основанная на звуковом сходстве слов.

Материалы данного исследования могут быть использованы в процессе преподавания дисциплины «Язык СМИ», а также в курсе «Русский язык как иностранный», поскольку знание прецедентных феноменов необходимо для успешной межкультурной коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещинская, Ю. В.* Испанский газетный заголовок: лингвопрагматический и национально-культурный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Ю. В. Верещинская; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (университет) МИД России. – М., 2013. – 22 с.
2. *Лютая, А. А.* Современный газетный заголовок: структура, семантика, прагматика: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. А. Лютая; ГОУ ВПО «Волгоград. гос. пед. ун-т». – Волгоград, 2008. – 20 с.
3. *Малярчук-Прошина, У. О.* Специфика заголовков современной массовой прессы (на примере издания «Комсомольская правда») / У. О. Малярчук-Прошина // Символ науки. – 2017. – № 04. – С.72–75.
4. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – Изд. 7-е. – М. : Изд-во ЛКИ, 2010. – 264 с.

5. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Д. Б. Гудков [и др.] // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / редкол.: В. В. Красных, А. И. Изотов. – М. : Филология, 1997. – Вып. 1. – С. 82–103.
6. Киселева, Н. А. Прецедентные феномены в газетных СМИ малого и большого города / Н. А. Киселева, Е. С. Жаркова // Вестн. ВГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2017. – № 1. – С. 88–90.
7. Бриченкова, Е. С. Прецедентные высказывания в русскоязычном публицистическом дискурсе и их место в преподавании русского языка как иностранного: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 13.00.02 / Е. С. Бриченкова; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2007. – 23 с.
8. Зырянова, И. П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005–2009 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10 02 20 / И. П. Зырянова; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2010. – 23 с.
9. Кузьминская, С. И. Трансформированные прецедентные феномены в газетных заголовках современных СМИ / С. И. Кузьминская // Социокультурные проблемы языка и коммуникации: сб. науч. тр. / Поволж. ин-т управления им. П. А. Столыпина. – 2015. – Вып. 10. – С. 86–90.
10. Макаров, В. И. Субстантивные фразеологизмы и прецедентные имена / В. И. Макаров // Вестн. Новгород. гос. ун-та. – 2009. – № 51. – С. 73–76.
11. Пикулева, Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Ю. Б. Пикулева; ГОУ ВПО «Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького». – Екатеринбург, 2003. – 22 с.
12. Илюшкина, М. Ю. Прецедентные феномены в российской и британской печатной рекламе услуг для туристов: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / М. Ю. Илюшкина; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2008. – 24 с.

Поступила в редакцию 20.04.2021

ИССЛЕДОВАНИЯ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

УДК 811.512.161'373(045)

Дардыкова Надежда Викторовна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры восточных языков
Минский государственный лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Dardykova Nadezhda
PhD in Philology, Associate Professor
of the Department of Oriental Languages
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
n.dardykova@gmail.com

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА
КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ В ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

GASTRONOMICAL METAPHOR AS A MEANS
OF EXPRESSING ASSESSMENT IN THE TURKISH LANGUAGE

В статье на материале 192 гастрономических метафор турецкого языка рассматривались особенности передачи различных типов оценок, связанных с метафоризацией названий блюд, способов их приготовления и употребления в пищу. Свойства пищи в 85 % случаев используются, чтобы негативно охарактеризовать внешность, характер и особенности поведения человека. В основе метафорических проекций лежит принцип антропоцентричности, когда полученные стереотипные образы напрямую связаны с общими особенностями вкусового восприятия людей: вкус сладкой или жирной еды ассоциируется с чем-то привлекательным или заманчивым, а горький и кислый вкус – с чем-то вызывающим неприязнь, огорчение.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *гастрономическая метафора; оценка; ценность; принцип антропоцентричности; турецкий язык.*

Basing on the material of 192 gastronomical metaphors taken from the Turkish language, the article deals with the peculiarities of expressing different types of assessments connected to the process of metaphorization of the names of dishes together with their preparation and consumption processes. It is revealed that in 85 % of cases properties of food are used to give a negative characteristic of a person's appearance, character or behavioral characteristics. Metaphorical mapping is based on the principle of anthropocentrism when target stereotypical domains are related to common features of the appreciation of taste: the taste of sweet or fatty food is associated with something attractive or tempting, a sour or bitter taste – with something upsetting or disgusting.

Key words: *gastronomical metaphor; assessment; value; principle of anthropocentrism; Turkish.*

В русле продолжающего активно развиваться антропоцентрического подхода к изучению языка не теряет своей актуальности вопрос репрезентации культуры в языке. Значительные наработки в исследовании типовых образов национальной культуры связаны с рассмотрением особенностей языковой концептуализации действительности и фрагментов языковой кар-

тины мира (работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, В. Н. Телия, Н. Д. Арутюновой, А. Н. Баранова и мн. др.). Особое место занимают исследования гастрономического (кулинарного, пищевого) *кода культуры*¹ и гастрономической метафоры как средства его реализации. Это может быть обусловлено тем, что процессы добычи, приготовления пищи и ее употребления являются одними из самых важных для выживания и развития человека. Пищевые традиции разных народов играют важнейшую роль в их самоидентификации и формировании национального менталитета. Огромное значение пищевым традициям придается и в турецкой культуре. Так, у турок не принято есть в одиночку, к основным блюдам подается зелень с лимоном и салаты, существуют вековые традиции приготовления особых блюд на религиозные праздники и в торжественные дни. Все это находит отражение и в образных средствах турецкого языка, часть из которых репрезентируется в гастрономических метафорах, аксиологический анализ семантики которых и стал целью нашей работы.

Источником материала для исследования стали 192 гастрономические метафоры, отобранные методом сплошной выборки из «Большого словаря аргос турецкого языка (*Türkçe'nin Büyük Argo Sözlüğü*)» под редакцией Х. Актунча [2]. Выбор словаря субстандарта в качестве источника материала обусловлен тем, что в словаре данного типа интересующие нас экспрессивные единицы пищевой тематики зафиксированы фрагментарно, что позволяет обогатить исследование живой речи и более полно изучить фрагменты ценностной картины мира широких социальных групп.

В лексическом аспекте рассмотренные гастрометафоры включали однословные номинации (*köfteci* 'букв.: тот, кто продает/изготавливает/любит котлеты' для обозначения взяточника), устойчивые словосочетания (*çiğ çiğ yemek* 'съесть заживо'), а также пословицы и поговорки (*açlıkta darı ekmeği baldan tatlıdır* 'в голодные времена и хлеб кажется медом').

В работе использовался когнитивный подход к метафоре, когда происходит взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры источника (*source domain*) и когнитивной структуры цели (*target domain*). В процессе метафоризации происходит метафорическая проекция, приводящая к тому, что некоторые образы цели структурируются по образцу источника [3, с. 29–30]. Применительно к нашему материалу сферой-источником возможных метафорических проекций выступает понятийная область «Еда/пища», а целью – различные концептуальные сферы, явления которых подлежат образному означиванию [4, с. 208].

Вопрос об отборе единиц, составляющих «источники» гастрономических метафор, мы, вслед за Е. А. Юриной [4, с. 210] решали с помощью теории семантического поля, ядром которого выступают слова и выражения,

¹ Под *кодом культуры* мы, вслед за В. В. Красных, понимаем «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его [1, с. 232].

непосредственно представляющие понятие *еда/пища* (*kokoroz* ‘букв.: кукуруза’ для обозначения человека, находящегося в трудном положении, без денег’; *bal* ‘букв.: мёд’ для обозначения удачно представившейся возможности) либо выражающие:

а) ситуацию приготовления субъектом блюд из определенного набора продуктов и/или с помощью определенного набора инструментов (*alakaya çayı demlemek* ‘букв.: по случаю заварить чай’ в значении ‘сплетничать, пустословить’);

б) ситуацию употребления в пищу тех или иных продуктов или блюд (*ayvağı yemek* ‘букв.: есть айву’ в значении ‘попасть в трудную ситуацию’);

в) ситуацию кормления, в которой поглощение пищи осуществляется при помощи посредника (*yedirmek* ‘букв.: накормить’ в значении ‘дать взятку’).

Периферию поля составили слова и выражения, обозначающие остатки пищи, несъедобные продукты, которые по какой-либо причине могут быть употреблены в пищу, части продуктов питания (*kafasını yemek* ‘букв.: съесть голову’ для обозначения ситуации потери контроля, *çene suyu çorba* ‘букв.: суп из слюны’ для обозначения чего-то бредового или бессмысленного).

Оценочное значение понимается нами, как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т.п.» [5, с. 305]. Методологической основой для аксиологического анализа стала работа Н. Д. Арутюновой [6, с. 75–77], в которой выделяются общеоценочные и частнооценочные значения. Общеоценочные значения по смыслу соотносятся с прилагательными *хороший* или *плохой*. При этом «хорошее» означает соответствующее идеальной модели макро- или микромира, осознаваемой как цель бытия человека, а, следовательно, и его деятельности. Например, выражение *tatlı bir insan* ‘букв.: сладкий человек’ обозначает одобрение поведения либо отношения к другим того или иного человека. В свою очередь, «плохое» означает не соответствующее этой модели по одному из присущих ей параметров [6, с. 59]. Так, «плохое» и вызывающее общественное осуждение поведение человека может ассоциироваться с запахом лука: *bir baş soğan bir kazanı kokutur* ‘букв.: одна головка лука способна испортить целый казан плова’. В нашей выборке отрицательная оценка объекта речи доминирует на положительной в 85 % случаев (163 гастрометафоры из 192), что может объясняться как желанием говорящего избежать грубых и нелитературных слов, используя гастрономические образы в качестве эвфемизмов, так потребностью более точно и красочно передать некоторые смыслы. По справедливому замечанию В. Н. Телия со ссылкой на С. С. Гусева, само обращение к метафоре «объясняется не интеллектуальным бессилием человека, а тем, что она способна служить средством получения нового знания, создавая мощное ассоциативное поле с помощью ограниченного диапазона средств выразительности, в частности, образов или символов» [7].

Частнооценочные значения образуют три группы: сенсорные, сублимированные и рационалистические оценки. Совокупное соотношение разных типов оценки на материале нашей выборки представлено на рисунке 1.

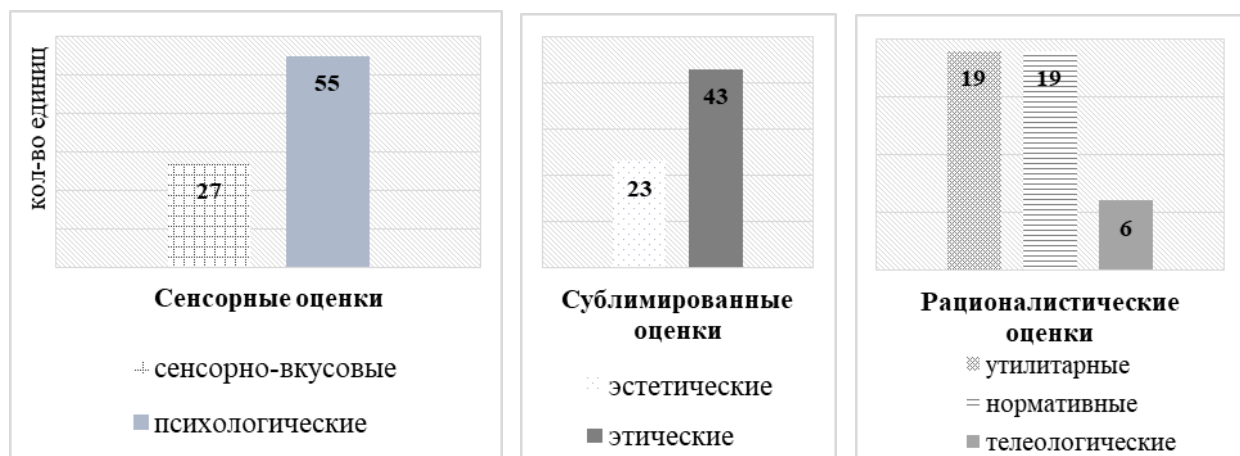

Рис. 1. Частнооценочные значения гастрономических метафор в турецком языке

Рассмотрим каждую из групп более подробно.

Сенсорные оценки. К данной группе относятся оценки, связанные с ощущениями, чувственным опытом – физическим (сенсорно-вкусовым) или психологическим [6, с. 76].

Сенсорно-вкусовая оценка (27 единиц) подразумевает уподобление черт и качеств человека чувственным ощущениям, получаемым от употребления тех или иных блюд. Соответственно положительно оцениваются сладкие (*lokum* ‘букв.: лукум’, *şurup* ‘букв.: сладкий сироп’) и вызывающие аппетит мясные блюда (*kebab* ‘букв.: кебаб’), которые используются для обозначения легкой в исполнении работы или задания.

Со сладким вкусом ассоциируется также нечто заманчивое, интересное:

Sema çabuk gel! Sana ballı bir dedikodumuz var [8]. ‘Сема, быстро иди сюда! У нас для тебя есть сладкая [букв.: медовая] сплетня’.

Положительно оцениваются также объекты, которые квалифицируются как жирные. Например, выражение *yağlı bir iş* ‘букв.: жирное дело/работа’ используется для обозначения заманчивого, обещающего получение хорошей выгоды дела. Сюда же относится и выражение *yağlı ballı* ‘букв.: жирные и медовые’, указывающее на хорошие, «идущие как по маслу» отношения между людьми [9].

О вызывающем симпатию человеке говорят, что он(-а) *hoşafına gidiyor* ‘под компот пойдет’, что, по-видимому, является элементом языковой игры, своеобразным передразниванием созвучного оборота *hoşuna gidiyor* ‘нравится, вызывает симпатию’.

Отрицательную оценку получают явления, связанные с испорченными (*çürük* ‘букв.: гнилой’ в значении ‘неприятный, отвратительный’) или непригодными в пищу продуктами (*yemez* ‘букв.: несъедобный’ в значении ‘бесполезный’).

Психологическая оценка связана с рассмотрением людей исходя из уровня их интеллекта и характера эмоционального состояния (55 метафор). Наибольшую группу наименований составляют слова, используемые для обозначения умственных способностей человека (в основном невысоких). Так, неумные, глупые люди уподобляются различным овощам и фруктам: *kereviz* ‘букв.: сельдерей’, *ıspanakzade* ‘букв.: потомок шпината’, *mantar* ‘букв.: гриб’, *armut* ‘букв.: груша’).

Недотепистость соотносится с твердым сыром: *kaşkaval* ‘тупой, скучный человек’, а путаница в мыслях – с вязкими или состоящими из мелко нарубленных ингредиентов продуктами: *pilaki* ‘букв.: холодное блюдо, приготовленное на оливковом масле с зеленью’, *sacık* ‘букв.: джаджик, холодная закуска из йогурта с зеленью’. Про попавшего в трудную ситуацию либо оказавшего в жалком положении человека сравнивают с ванильно-рисовым сютлячем:

Amanın bu ayı bu hızla bana bir çarparsa sütlaç olurum...[10] ‘Ах, если этот месяц так быстро наступит, то мне конец [букв.: я стану сютлячем]’.

Сублимированные оценки. К данной группе относятся эстетические (связанные с удовлетворением чувства прекрасного) и этические (отвечающие за удовлетворение нравственного чувства) [6, с. 76].

Объектом эстетической оценки у турок в большинстве случаев из нашей выборки является внешность человека (21 случай из 23). Красивые, притягательные женщины обычно сравниваются со сладкими и хлебобулочными изделиями (*lokum* ‘красивая девушка’, *kurabiye* ‘молодая, красивая, притягательная девушка’, *kadayıf* ‘приятная, красивая девушка’). Привлекательность и молодость девушки может также ассоциироваться с названиями орехов (*ceviz* ‘молодая девушка’, *findık* ‘горячая штучка’, *fistik* ‘красивая, привлекательная девушка’), что, вероятно, обусловлено ассоциацией с упругостью и «крепостью» тела.

Неодобрительная оценка связана с описанием полных или, наоборот, худых и невысоких людей. Последние ассоциируются с малыми порциями еды (*yarım porsiyon* ‘букв.: полпорции’ для обозначения маленького, некрупного человека) или с высушенными продуктами (*çiroz* ‘букв.: сушеная рыба’, *sucuk* ‘сухая колбаса’ для обозначения поджарого, сухощавого человека). В свою очередь, полнота, бесформенность тела приравнивается к вязким продуктам типа *lapa* ‘букв.: каша’ либо уподобляется бочонку масла *yağ tulumu* ‘полный человек’. Некрасивые, с точки зрения говорящего, части тела уподобляются сходным по форме блюдам и продуктам: *köfte* ‘букв.: котлета’ (о пухлых губах); *pide* ‘букв.: лепешка пиде’ (об обвисшей груди).

Этическая оценка в нашей выборке в большей части случаев связана с выражением неодобрения и осуждения (36 случаев из 43). Для обозначения разного рода уловок, обмана используются названия сложнокомпонентных блюд с начинкой, как бы подчеркивая, что при употреблении данного блюда человек никогда не знает, что находится внутри: *köfte piyaz* ‘хитрый человек’,

dolma ‘уловка, ложь’. Другой разновидностью состояния «обманутости» является потребление непригодных в пищу продуктов: *kül yutmak* ‘букв.: проглотить золу’.

Помимо этого, хитрость сравнивается с грибами (*mantar* ‘уловка’, *mantar atmak* ‘лгать’), что, вероятно, обусловлено тем, что грибы являются опасным продуктом и иногда так называемые «ложные» грибы трудно отличить от настоящих.

Подхалимство, излишняя любезность уподобляются маслу, как продукту, используемому для улучшения вкуса блюд, предохранения их от пригорания: *yağ* ‘лесть’, *yağ çekmek/yakmak/yarpmak* ‘нахваливать излишне сильно’, *yağ kokmak* ‘чувствовать подвох’. Чрезмерный интерес к чужой личной жизни сравнивается с процессом прокисания продукта *ekşimek* ‘чрезмерно и назойливо интересоваться кем-либо, настойчиво пытаться добиться’, а вмешательство в чужие дела – нарезанию лука (*soğan doğramak* ‘вмешиваться в разговор, перебивать (особенно не по делу)’).

Человека, считающего себя умнее, компетентнее во время обсуждения какой-либо темы, особенно пустой, неважной называют *soğan başı* ‘букв.: головка от лука’, а человека, вмешивающегося в дела других людей – *maydanoz* ‘букв.: петрушка’, что может объясняться тем, что петрушка является универсальным ингредиентом, который добавляют во многие блюда для улучшения их вкусовых качеств.

Рационалистическая оценка. Категории данной группы (утилитарная, нормативная, телеологическая) связаны с практической деятельностью, интересами и повседневным опытом человека. Критерии оценивания в рамках варьируются в зависимости от выполнения некоторой функции, соответствия установленному стандарту, физической или психической пользы [6, с. 76–77].

Утилитарные оценки связаны с общей полезностью продукта, вероятным благоприятным и неблагоприятным эффектам от его применения (19 гастрометафор). Прибыль, материальная выгода приравнивается к питательным (*bir eli yağda bir eli balda* ‘как сыр в масле кататься’), легким в приготовлении блюдам (*peynir ekmeğ gibi yemek* ‘легко отделаться, легко пережить что-либо’). Огромное богатство – несуществующим продуктам (*ancak kuş sütü eksiktir* ‘не хватает только птичьего молока’). Наоборот, неблагоприятная или неприятная ситуация сравнивается с кислыми на вкус продуктами (*limon sıkmak* ‘сделать или сказать что-то, что в будущем может иметь неблагоприятный эффект’). А бессмысленность чьих-то действий проявляется через выполнение бесполезной работы – *havyar kesmek* ‘букв.: резать икру’ в значении «бесполезно растрачивать время»).

Нормативная оценка связана с соответствием определенным нормам (19 гастрометафор). Глупость в высокой степени уподобляется процеженному мягкому сыру – *süzme salak* ‘отменный идиот’, качество которого как бы проверяется отсутствием комочков. Беспорядок, несоответствие нормам

сравнивается с салатом *fransız salatası* ‘документы в беспорядке’, содержащим большое количество ингредиентов. Несхожесть, несоответствие друг другу проявляется через сравнение схожих по цвету, но несхожих по свойствам продуктов *şap ile şeker (beyaz, amma) bir değil* ‘квасцы и сахар (белые, но) не похожи на друг друга’. А вариативность нормы прослеживается через сравнение с яйцами *her yumurta beyaz değil* ‘не все яйца белые’ либо через подчеркивание общеизвестных фактов *asıl azmaz, bal kokmaz* ‘внешность меняется, характер не меняется’, *armudun sapı, üzümün çöpü var* ‘у всего есть негативные стороны, не стоит на них заикливаться’.

В эту группу входит также оценка состояния здоровья человека. Болезнь ассоциируется с белым цветом лица: *pestil* ‘букв.: пастила’ – для обозначения больного, нездорового человека.

Сюда же относится и нехарактерное для человека пьяное состояние, которое сравнивается с консервированными продуктами (*turşu* ‘пьяный’), кебабу из головы коровы, овцы или козы (*kelle kebab* ‘пьяный’).

Телеологическая оценка связана с эффективностью и целесообразностью чего-либо (6 гастрометафор). Фраземы этой группы подчеркивают важность разумного поведения и экономного образа жизни *yeme de yanında yat* ‘не ешь, так хоть рядом ляг’, *tencerede pişirir kapağında yer* ‘в кастрюле готовит, а с крышки ест’.

Необходимо отметить, что различные типы оценок не всегда могут быть разграничены. Так, *hurma* ‘букв.: финик’ в значении «смуглая и красивая девушка» содержит как эстетическую оценку (смуглый цвет кожи), так и сенсорно-вкусовую (сладкий, приятный вкус). Кроме этого, одна и та же языковая единица в зависимости от контекста своего употребления может относиться к разным типам оценки. Рассмотрим последнее утверждение более подробно на примере языковой единицы *yağ* ‘букв.: масло’ и ее производных.

МАСЛО → ЛЕСТЬ (этическая):

Patrona neden yağ yapıyorsun/çekiyorsun? ‘Зачем ты подлизываешься к начальнику?’

МАСЛО → БОГАТСТВО (утилитарная):

Gelen müşterinin oldukça yağlı bir müşteri olduğu giyimi ve süslü püslü arabasından belli olmaktadır [8]. ‘Тот факт, что клиент богат, было понятно по его одежде и шикарной машине’

Таким образом, оценочные смыслы в гастрометафорах определяются национальным мироощущением турок, проявляющимся в отношении к еде. Свойства пищи метафорически характеризуют внешность, характер и особенности поведения человека. По содержанию получается достаточно сложный смысл, который не вкладывается в отношение «плохой/хороший» или «одобряемый/неодобряемый» в большей или меньшей степени. Напротив, гастрономические метафоры в турецком языке передают широкую палитру оттенков-смыслов. Если сопоставить полученные результаты с более ранними работами по теме, то обнаруживается, что материал турецкого языка

дает большое количество стереотипных, характерных для большого количества языков смыслов. Сюда относится: уподобление наслаждения, получаемого от сладкой, вкусной пищи эстетическому удовольствию от созерцания красивого, внешне привлекательного человека; соотношение кислого, горького вкуса либо неприятно пахнущего с чем-то вызывающим отвращение, огорчение; отождествление процессов консервации и окисления с грустью, усталостью, подавленным состоянием и т.д. [11;12; 13; 14 и др.]. Это, вероятно, объясняется тем, что в основе переосмысления образа лежит принцип антропоцентричности, когда наблюдается «соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами» [7]. Следовательно, полученное наслаждение от вкусовых ощущений, как и привлекательный внешний вид продуктов будет ассоциироваться с чем-то приятным и приятным, а неодобрение и разочарование будет уподобляться потреблению горьких, кислых, а то и вовсе непригодных в пищу продуктов.

С другой стороны, возникающие в процессе метафоризации образы еды имеют и отражающую самобытность турецкого народа национально-специфичную окраску, проявляющиеся как через использование специфических названий блюд (турецкое блюдо из бобов с луком и петрушкой *piyaz* для обозначения хитрого человека, ванильно-рисовый пудинг *sütlaç* для обозначения трудной, невыгодной ситуации и др.), так и через особое культурно специфичное переосмысление гастрономических образов. В этой связи интересно сравнить образ огурца в русской культуре, как бодрого, свежего на вид человека с турецким *hıyar* 'букв.: огурец' для обозначения грубого, недалекого, неотесанного человека.

Таким образом, ведущую роль при моделировании мира с помощью гастрономических метафор бесспорно играет человеческий фактор, который вплетается в национально специфическую традицию концептуализации мира и особым образом окрашивает получившиеся метафорические выражения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М. : Гнозис, 2002. – 284 с.
2. Aktunç, H. Türkçe'nin büyük argo sözlüğü (tanıklarıyla) / H. Aktunç. – İstanbul : ÜKY, 1998. – 416 s.
3. Баранов, А. Н. Дескрипторная теория метафоры / А. Н. Баранов. М. : Яз. слав. культур, 2014. – 632 с.
4. Юрина, Е. А. «Пищевая метафора» : объем и границы понятия / Е. А. Юрина // Вестн. Кемеровск. гос. ун-та. – 2015. – № 3 (63). – Т. 1. – С. 207–212.
5. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов : [Около 7000 терминов] / О. С. Ахманова. – 2-е изд., стереотип. – М. : Сов. энциклопедия, 1969. – 607 с.
6. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.

7. *Телия, В. Н.* Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира [Электронный ресурс] / В. Н. Телия. – Режим доступа: http://genhis.philol.msu.ru/article_66.shtml. – Дата доступа: 05.03.2021.
8. Turkish national corpus (TNC) – Türkçe ulusal derlemi (TUD) [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.tnc.org.tr>. – Date of access: 09.03.2021.
9. Güncel Türkçe Sözlük [Electronic resource] // Türk Dil Kurumu. – Mode of access: <https://sozluk.gov.tr>. – Date of access: 05.03.2021.
10. *Zariç, С. Н.* Şairden argoya hayat [Electronic resource] / С. Н. Zariç. – Mode of access: <https://www.evrensel.net/yazi/81323/sairden-argoya-hayat>. – Date of access: 05.03.2021.
11. *Дормидонтова, Т. А.* Коды культуры и их участие в создании языковой картины мира (на примере гастрономического кода в русской и французской лингвокультурах / Т. А. Дормидонтова // Вестн. ТГУ. – 2009. – № 9 (77). – С. 201–205.
12. *Хребит, А. Б. Х.* Кулинарно-гастрономическая субстантивная лексика в образном употреблении : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / А. Б. Х. Хребит; Воронежск. гос. ун-т. – Воронеж, 2013. – 22 с.
13. *Боровкова, А. В.* Пищевая метафора как средство выражения оценки и ценностей (на материале образной лексики и фразеологии русского языка) / А. В. Боровкова // Вестн. Томского гос. ун-та. – 2015. – № 396. – С. 5–13.
14. *Маркова, Е. М.* Внешность человека сквозь кулинарную метафору в русском и арабском языках / Е. М. Маркова, Б. М. Эйсаи // Вестн. Моск. гос. областн. ун-та. Сер. Лингвистика. – 2018. – № 3. – С. 193–204.

Поступила в редакцию 25.03.2021

УДК 811.521

Медюлянова Василина Адамовна
аспирант кафедры общего языкознания
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Mejiulianava Vasilina
Postgraduate student of General Linguistics
Department
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
viktoriya.vi@mail.ru

УСЛОВИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ЯПОНСКОМ ЯЗЫКЕ

FACTORS OF PERSONAL PRONOUNS USE IN THE JAPANESE LANGUAGE

В статье представлены результаты исследования условий, при которых синтаксические члены, потенциально выражаемые личными местоимениями, в японском языке получают эксплицитное выражение. Выявлены виды линейно-акцентных преобразований коммуникативной структуры высказывания, а также дискурсивный фактор введения

новой темы, приводящие к употреблению личных местоимений в японской речи. Определены количественные характеристики факторов употребления японских личных местоимений.

Ключевые слова: *личные местоимения; линейно-акцентные преобразования; коммуникативная структура; топик; японский язык.*

The article represents the results of a study of the conditions under which syntactic terms, which are potentially expressed by personal pronouns, take an explicit form in Japanese. The types of linear-accent transformations of the utterance communicative structure, as well as the discursive factor of introducing a new topic, leading to the use of personal pronouns in Japanese speech are revealed. The quantitative characteristics of the factors of the Japanese personal pronouns' use have been determined.

Key words: *personal pronouns; linear-accentual transformations; communicative structure; topic; the Japanese language.*

Универсальным средством указания на лицо в языках мира является личное местоимение [1]. Как отмечает Ч. Хокетт, «среди дейктических элементов любого языка есть один, обозначающий говорящего, и один – адресата» (пер. наш) [1, с. 21]. Важная функциональная особенность японских личных местоимений состоит в том, что при всем их разнообразии они употребляются значительно реже, чем в других языках [2]. Исследователи, задающиеся вопросом о низкой частотности личных местоимений в японской речи, сосредотачивают внимание, прежде всего, на условиях их опущения (эллипсиса). Проблематика эллипсиса частей речи, в т.ч. личных местоимений, в разных синтаксических позициях является одной из самых разработанных областей в японском языкознании. Однако, несмотря на ряд исследований, по-прежнему остается круг нерешенных вопросов, которые переходят из теоретической плоскости в плоскость практического применения языка. Например, если местоимения часто, но не всегда опускаются, то когда их употребление уместно?

Цель настоящего исследования – выявление условий, при которых указание на лицо получало эксплицитное выражение. Материалом исследования послужили реплики диалогов из телесериала «Вторая невинность» (яп. ㊦㊧㊨㊩㊪㊫㊬㊭㊮㊯㊰㊱㊲㊳㊴㊵㊶㊷㊸㊹㊺㊻㊼㊽㊾㊿), содержащих указание на лицо с помощью личных местоимений (621 случай указаний).

Установлено, что более половины случаев употребления личных местоимений (далее ЛМ) связаны с организацией тема-рематических отношений при построении высказывания. Значительное влияние на употребление ЛМ в речи оказывают некоторые линейно-акцентные преобразования, обуславливающие наличие ЛМ в поверхностной структуре даже в тех случаях, когда их референт указан иными средствами персонального дейксиса (ср. рус. *Еду завтра в Минск* и *Завтра в Минск еду я (а не кто-либо другой)*). Линейно-акцентные преобразования, изменяя исходную коммуникативную структуру высказывания, вносят в него дополнительные смыслы, не затрагивая количество семантических актантов.

В японской стилистически нейтральной речи тема высказывания занимает начальную позицию. «Слово-тема – это слово, начинающее собой предложение как исходная часть высказывания» [3, с. 63]. А значит исходной (нейтральной, первичной) может считаться коммуникативная структура, в которой тема предшествует реме. Рема является носителем главного фразового акцента, тема отмечена (или может быть отмечена) второстепенным фразовым ударением [4]. Рассмотрим подробнее линейно-акцентные преобразования японских высказываний, результатом которых является эксплицитное выражение в синтаксической структуре субъекта-лица посредством ЛМ.

Тема в японском языке определяется не только с помощью интонации и контекста, но и частицей *wa*, функцию которой могут выполнять и другие показатели, такие как маркер условия *nara*, маркер эвиденциальности *tte* и др. Оформленная таким образом тема получает статус грамматического топика в японском высказывании. В разговорной речи указанные частицы могут опускаться.

Грамматический топик может выполнять две функции в японском высказывании: маркирование либо темы, либо противопоставленного элемента [5]. Е. В. Падучева называет последний *контрастной темой*¹, которую рассматривает как вариант линейно-акцентного преобразования. Контрастная тема приводит к содержательному сдвигу, вводящему «в рассмотрение множество объектов, ассоциированное с объектом-темой *a* в которое входит и сам объект *a*. А в смысл предложения, помимо утверждения о том, что некое обстоятельство *Q* (рема) имеет место для *a*, входит, в статусе импликатуры, компонент ‘для других элементов ассоциированного множества, возможно, *Q* не имеет места’» [4]. Приведем несколько примеров употребления ЛМ в роли контрастной темы, просодически выделенной особым «контрастным» ударением. Подчеркиванием выделены переводные эквиваленты в обоих языках.

(1) *Watashi nara ichido yameru to kuchi ni shita shain wa kesshite hikitomemasen.* ‘Я, например, никогда не удерживаю работника, хоть раз заговорившего об уходе’. Импликатура: *Может кто-то и удерживает, а я – нет.*

(2) *Boku wa sakka ni naru ki ga arimasen.* ‘У меня нет желания становиться писателем’. Импликатура: *Может кто-то и хочет, а я – нет.*

(3) *Uchi wa nenkan 300 satsu no hon wo dashimasu.* ‘Мы выпускаем ежегодно 300 книг’. Импликатура: *Что касается нас, то мы выпускаем ежегодно 300 книг.* Без контрастной темы предложение могло бы иметь следующий смысл: *Ежегодно выпускается 300 книг.*

Если высказывания (1)–(3) вернуть к исходной коммуникативной структуре, то с высокой долей вероятности, о чем свидетельствует речевая практика японцев, отраженная в материале исследования, синтаксическая позиция подлежащего осталась бы незаполненной.

¹ В дальнейшем мы будем использовать терминологию для обозначения линейно-акцентных преобразований из работы Е. В. Падучевой [4].

Материал исследования показывает, что контрастная тема особенно часто используется при описании свойств, черт характера, характеристик собеседников (примеры 4–5). ЛМ вводятся в предложение даже при очевидности того, кто является обладателем этих качеств, и могут помещаться в конце предложения в качестве инверсированной темы (пример 5).

(4) *Anata wa hanayakani saishuppatsu dekiru wa*. ‘Уверена, **ты** можешь с блеском начать новый путь’. Импликатура: *Насчет других такой уверенности нет*.

(5) *So iu koto wa hana ga kiku no yo watashi*. ‘У **меня** на такие вещи хороший нюх’. Импликатура: *Не знаю, как у других, а у меня так*.

Помимо контрастной темы на употребление ЛМ в японской речи влияют такие линейно-акцентные преобразования, как тема-рематическая инверсия и тематизация ремы.

При тема-рематической инверсии тема и рема меняются местами: рема занимает начальную позицию, тема – конечную. В японских предложениях рема, если она не занимает свойственную ей конечную позицию, оформляется частицей *ga* (примеры 6–7). Тема-рематическая инверсия вводит дополнительную семантику «исчерпывающего перечисления» (exhaustive listing [5, с. 270]). Е. В. Падучева называет введение такой семантики *эффектом идентификации* и на примере русских предложений считает его присущим только данному виду линейно-акцентных преобразований [4]. Этот эффект прослеживается в импликатурах следующих предложений.

(6) *Boku ga warui*. ‘Это **я** виноват’. Импликатура: *Я виноват, и никто другой*.

(7) *Keitai nara watashi ga azukatteiru kara*. ‘Если мобильник, то он у **меня**’. Импликатура: *У меня, и нигде больше*.

К тема-рематической инверсии мы относим и такой содержательный сдвиг, при котором в смысл предложения входит следующая импликатура: реме соответствует не только тема, но и другие элементы ассоциированного множества. Данное линейно-акцентное преобразование японского высказывания сопровождается маркированием ремы частицей *mo* ‘тоже, также’, послелогом *made* ‘до, даже’ и др.

(8) *Watashi mo shigoto wo ushinaitakunai*. ‘**Я тоже** не хочу терять свою работу’. Импликатура: *Не только другие, но и я тоже*.

(9) *Atashi made suta ni natta kibun*. ‘**Даже я** чувствую себя звездой’. Импликатура: *Не только другие, но и я тоже*.

Тематизация ремы – это линейно-акцентное преобразование, при котором бывшая рема становится темой, что обычно сопровождается инверсией подлежащего и сказуемого [4]. При этом в японском предложении в новую тему может входить и субстантивированный глагол (примеры 10–11), поэтому может проявляться эффект идентификации, как в (11).

(10) *O-rei wa cochira ga suru tachiba desu*. ‘Благодарить должна **я**’. Импликатура: *Я Вас, а не Вы меня*.

(11) *Shujin wo keisatsu ni utta no wa watashi na no.* ‘Мужа полиции сдала я’. Импликатура: *я и никто другой*.

В примере (11), в котором рема занимает конечную позицию, опущение ЛМ привело бы к полной потере смысла, поскольку высказывание без ремы невозможно.

Все рассмотренные выше линейно-акцентные преобразования, осуществляемые в целях кодирования дополнительных смыслов, приводят к экспликации членов предложения, потенциально выражаемых с помощью ЛМ. Использование ЛМ в подобных случаях восполняет синтаксические позиции, пустующие при исходной коммуникативной структуре. Отсюда правомерно сделать следующий вывод: если употребление ЛМ обусловлено линейно-акцентными преобразованиями, то такие случаи можно рассматривать как добавление ЛМ в синтаксическую структуру предложения. Доля употреблений ЛМ, обусловленных вышеперечисленными трансформациями коммуникативной структуры высказывания, составляет в нашем исследовательском корпусе 55,2 % (343 реплики).

Рассмотрению грамматического топика в функции маркирования новой темы текста посвящено немало дискурсивных исследований в японской лингвистике ([5], [6] и др.). В данной функции топик может распространять свойство топикальности не только на высказывание, в котором он эксплицирован, но и на последующий текст [6]. Поэтому если ЛМ в текущем высказывании выступает в роли новой темы, то при сохранении данной темы в последующих высказываниях оно может быть опущено. Таким образом, с одной стороны, введение новой темы рассматривается как фактор опущения ЛМ для последующих предложений, в которых «нулевое» ЛМ рассматривается как побочный продукт («by-product») структурирования дискурса [7, с. 780].

С другой стороны, необходимость обозначить в тексте новую тему может являться еще одним фактором добавления ЛМ в поверхностную структуру в случаях, если референт ЛМ выражен косвенными дейктиками¹ либо очевиден из контекста и не требует экспликации. Рассмотрим отрывок из диалога между собеседниками Судзуки и Накамура. В квадратных скобках указывается пропущенный элемент синтаксической структуры оригинального предложения.

(12) Судзуки: *Ja, aruki nagara hanashi shimasu. Jitsuwa boku [wa] kin`yuuchou wo yamemashita. Kondo koso hontou ni yamemashita.* ‘Тогда поговорим на ходу. Дело в том, что я бросил работу в Агентстве финансовых услуг. На этот раз точно бросил’.

Накамура: *Yume ga jitsugen shita bakari janai n desu ka?* ‘Разве [Вы] недавно не осуществили свою мечту?’.

¹ Под *косвенными дейктиками* нами понимаются языковые средства, не предназначенные непосредственно для указания на лицо, но в речи способные выполнять дейктическую функцию (показатели гоноратива и др.).

Судзуки: *Yakusho de yareru koto wa subete yarimashita. Korekara pureeyaa toshite nihon no kin'yuushijou kasseika no sentou wo hashirimasu.* '[Я] сделал в агентстве все, что мог. Теперь [я] собираюсь в качестве игрока возглавить оздоровление японского финансового рынка'.

Накамура: *Sou desu ka.* 'Вот как?'

Судзуки: *Gutaiteki ni wa kabu to komoditii wo onaji kouza de netto torihiki ga dekiru kaisha wo kigyō shimasu. Makenai tame ni wa ima yaru shika nai n desu.* 'Если подробно, то [я] собираюсь открыть новую фирму, которая сможет проводить сетевые операции по акциям и товарам с одного счета. Чтобы не проиграть, [я] должен сделать это прямо сейчас'.

Накамура: *Sore de **watashi** ni [wa] nani ka go-you deshou ka?* 'И что [Вы] хотите от **меня**?'

В первой реплике диалога (12) вводится тема обсуждения, которая является общей и распространяется на весь последующий текст. Этой темой является референт слова *boku* 'я', мужчина по имени Судзуки. Несмотря на микротемы предложений, обозначенные тематической частицей *wa*, общая тема текста не меняется до появления новой темы – референта слова *watashi* 'я', женщины по имени Накамура. Общая тема нередко сопровождается коммуникативной частицей *ne* 'да, послушай' для фокусировки внимания на том, о чем будет вестись речь на протяжении длительного отрезка текста, как правило, монолога (13).

(13) ***Watashi ne** otto to rikon shita toki mou nidoto otoko no hito ni tayoranaide ikite-ikou tte kimeta no. Ai toka koi toka sou iu kanjou wo jibun no jinsei kara haijo shita no. Dakara shigoto mo umaku itta no yo. Shinkaisha wo Mukai to tachiage tsugitsugito besutoserā wo dashite shuppankai no kiseki to iwareta to mo, ima mo sorenari no ikioi wo motte yatte ikeru no.* '**Я**, да, после развода с мужем решила, что никогда больше не буду зависеть от мужчины. Любовь и романтику [я] исключила из своей жизни. Поэтому [я] была успешна в карьере. Вместе с Мукай [я] создала Синкайся, один за другим издавала бестселлеры, и [меня] стали называть чудом в мире издательства. И сейчас [я] могу продолжать с должной энергичностью'.

Тема фрагмента диалога (13) обозначена в начальном высказывании местоимением *watashi* 'я'. Несмотря на очевидность соотнесения содержания высказывания с 1-м лицом, необходимость обозначить общую тему монолога обусловила добавление субъекта, выраженного ЛМ, в синтаксическую структуру предложения.

Доля употреблений ЛМ в высказываниях, обусловленных введением новой темы как элемента структурирования дискурса, составила (3,9 %) от общего количества употреблений ЛМ в материале исследования.

Важно отметить, что в японском предложении, в отличие, например, от английского и немецкого языков, выражение субъекта в поверхностной структуре необязательно [8]. Эксплицитное указание на лицо в описанных выше случаях является «побочным эффектом» действия выявленных факторов. Количественная представленность употреблений ЛМ в нашем исследовательском корпусе отражена в таблице.

Количественные характеристики факторов употребления ЛМ

Факторы употребления ЛМ	Основной эффект	Побочный эффект	Кол-во употреблений ЛМ	Доля ЛМ, %
Линейно-акцентные преобразования	Дополнительные импликатуры	Эксплицитное указание на лицо	343	55,2
Введение новой темы в текст	Структурирование дискурса	Эксплицитное указание на лицо	24	3,9
Прямое указание на лицо (за исключением ЛМ <i>watashi</i> 'я' и <i>watashi-tachi</i> 'мы')	Эксплицитное указание на лицо	Экспрессивная окрашенность указания на лицо	161	25,9
Прямое указание на лицо местоимением <i>watashi</i> 'я' и <i>watashi-tachi</i> 'мы'	Эксплицитное указание на лицо	—	93	15,0
ИТОГО:			621	100

Как следует из таблицы, большая часть употреблений (59,1 %) обусловлена целями говорящего внести дополнительные смыслы в высказывание (55,2 %) и структурировать дискурс (3,9 %), в результате чего указание на лицо получило эксплицитное выражение. Целями эксплицитного указания на лицо обусловлены 40,9 % употреблений ЛМ. Необходимость персональной экспликации возникает в ситуациях, когда указание на лицо не терпит двусмысленности, недопонимания, нечеткости выражения. Примерами таких ситуаций в материале исследования являются выяснение личных отношений, судебное разбирательство и др.

Резюмируя вышесказанное, можно заключить, что ЛМ в японской речи используются в случае необходимости, в значительной мере обусловленной нуждами актуального членения предложения. Материал исследования показал, что японские ЛМ в более чем половине случаев (55,2 %) используются только тогда, когда их нельзя не употребить без искажения коммуникативной структуры высказывания, при которой утрачиваются дополнительные импликатуры. Введение новой темы текста обусловило появление ЛМ в 3,9 % высказываний. Таким образом, правомерно утверждать, что линейно-акцентные преобразования и введение новой темы текста приводят к экспликации синтаксического члена, выражаемого ЛМ, что в целом оказывает влияние на частотность ЛМ в японской речи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hockett, Ch. F. The problem of universals in language / Ch. F. Hockett // Universals of language / ed. by J. Greenberg. – Cambridge ; London : The M. I. T. Press, 1966. – P. 1–29.

2. *Головнин, И. В.* Грамматика современного японского языка / И. В. Головнин. – М.: Изд-во МГУ, 1986. – 316 с.
3. *Фельдман, Н. И.* Японский язык / Н. И. Фельдман. – М.: Изд-во вост. лит., 1960. – 94 с.
4. *Падучева, Е. В.* К семантике коммуникативной структуры: исходные структуры и линейно-акцентные преобразования [Электронный ресурс] // Проект «Лексикограф», публикации Е. В. Падучевой – 2012. – Режим доступа: <http://lexicograph.ruslang.ru/03MembersPadu.htm>. – Дата доступа : 20.11.2020.
5. *Kuno, S.* Functional sentence perspective. A case study from Japanese and English / S. Kuno // Linguistic inquiry. – 1972. – Vol. 3(3). – P. 260–320.
6. *Hinds, J.* Topic continuity in Japanese / J. Hinds // Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study /ed. by T. Givón. – Amsterdam: John Benjamins, 1983. – P. 43–93.
7. *Yoshimoto, K.* Identifying Zero Pronouns in Japanese Dialogue / K. Yoshimoto // COLING`88: Proceedings of the 12th conference on Computational linguistics. V.2. – Stroudsburg : Association for Computational Linguistics, 1988. – P.779–784.
8. *McCraw, M.* First-person singular pronouns in Japanese: How do they work in conversation? [Electronic resource] : UNM Digital Repository. – 2011. – Mode of access: http://digitalrepository.unm.edu/educ_llss_etds. – Date of access: 20.11.2020.

Поступила в редакцию 08.04.2021

УДК 811.512.161'373.45(045)

Мишурная Юлия Вячеславовна
аспирант кафедры второго иностранного
языка (английский)
Минский государственный лингвисти-
ческий университет
г. Минск, Беларусь

Mishurnaya Yuliya
PhD student of the Department of Second
Foreign Language (English)
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
yulya.mishurnaja@yandex.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ В СОВРЕМЕННОМ ТУРЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

DERIVATIONAL POSSIBILITIES OF INTERNATIONALISMS IN THE MODERN TURKISH LANGUAGE

В настоящей статье рассматриваются особенности функционирования интернационализмов английского происхождения в словообразовательной системе современного турецкого языка. Попадая в турецкий язык, интернационализмы подчиняются внутренним законам языка и становятся мотивирующей базой для производства неологизмов. В статье

устанавливаются наиболее продуктивные словообразовательные модели, мотивированные интернационализмами, которые используются для образования неологизмов различной частеречной принадлежности.

Ключевые слова: *интернационализмы; английские заимствования; неологизмы; словообразовательная адаптация.*

The present paper is focused on the study of the peculiarities of functioning of the internationalisms of English origin in the word-formation system of the modern Turkish language. The study displays the most productive word-formative models motivated by the internationalisms which are used to form the neologisms of various parts of speech.

Key words: *internationalisms; English borrowings; neologisms; word-formative adaptation.*

Первые десятилетия XXI в. характеризуются существенным расширением в современном мире диалога культур, проходящего под знаком языковой глобализации [1], следствием которой является активная имплантация английских заимствований во многие национальные языки. Не является исключением в этом отношении и турецкий язык. Несмотря на активно проводимую в Турции деятельность пуристов и политику языковой национализации, лингвисты отмечают заметное увеличение английских заимствований и их активную адаптацию в системе турецкого языка [2].

Среди современных английских заимствований особое место в лексической системе турецкого языка занимают *интернационализмы*, под которыми в данном исследовании вслед за Ю. А. Бельчиковым мы понимаем «слова, совпадающие по своей внешней форме (с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках), с полно или частично совпадающим смыслом, выражающие понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующие в разных, прежде всего неродственных (не менее чем в трех) языках» [3, с. 197].

Интернационализмы английского происхождения наряду с другими иноязычными лексическими единицами неинтернационального характера, попадая в новую языковую среду, постепенно осваивают все ее пространство и подвергаются «тюркизации» на разных языковых уровнях, в результате которой изменяется как внешняя форма интернационализмов, так и внутренняя, а наиболее востребованные единицы включаются в различные деривационные связи и процессы, образуя новые слова по существующим в языке словообразовательным типам и моделям.

Словообразовательная активность является одним из главных критериев укоренения иноязычного слова на почве принимающего языка [4, с. 62]. Попадая в новую языковую систему, интернационализм испытывает на себе действие ее словообразовательных механизмов и, используя ее морфемный инвентарь, подобно исконно турецкому слову «выполняет заказ общества на создание необходимых для коммуникации наименований» [5, с. 4]. Исходя из этого, актуальность нашего исследования обусловлена необходимостью

всестороннего описания словообразовательных возможностей интернационализмов английского происхождения и их роли в производстве новых номинаций в современном турецком языке.

Материалом исследования послужили мотивированные интернационализмами английского происхождения морфологические производные общим количеством 280 единиц, отобранные методом сплошной выборки из словарей иностранных слов современного турецкого языка, средств массовой информации и интернет-источников; в работе также использованы данные Национального корпуса турецкого языка.

Как показал результат исследования, от основ интернационализмов с помощью собственно турецких словообразовательных формантов образуются неоминимации различной частеречной принадлежности.

Образование имен существительных на базе интернационализмов. Среди дериватов, мотивированных англо-интернационализмами, безусловными лидерами являются имена существительные. Это вполне закономерно, поскольку имена существительные номинативны по своей природе и используются для описания новых явлений и понятий, «находящихся в фокусе социального внимания» [6, с. 92].

Образование имен существительных на турецкой почве осуществляется, в первую очередь, посредством аффикса¹ *-cı/-ci (-cu/-cu)*. По свидетельству А. Н. Кононова, этот аффикс является самым продуктивным и полисемантическим в турецком языке и образует имена существительные со значением имени деятеля, имени лица, находящегося в положении, связанном со значением исходной основы [8, с. 62–63]. Существительные, мотивированные интернационализмами и называющие лицо, согласно их семантической наполняемости, можно подразделить на несколько групп:

1) названия лиц по профессиональной деятельности, ремеслу или специальности: *dizayncı* ‘дизайнер’ ← *dizayn* ‘дизайн’ (от англ. *design*), *süpermarketçi* ‘владелец или управляющий супермаркетом’ ← *süpermarket* ‘супермаркет’ (от англ. *supermarket*), *medyacı* ‘лицо, работающее в сфере медиа’ ← *medya* ‘медиа’ (от англ. *media*) и др.;

2) названия лиц, занимающихся спортом или связанных с определенной спортивной деятельностью: *körlingci* ‘кёрлингист’ ← *körling* ‘кёрлинг’ (от англ. *curling*), *sörfçü* ‘сёрфер’ ← *sörf* ‘сёрфинг’ (от англ. *surf*), *raftingci* ‘рафтингист’ ← *rafting* ‘рафтинг’ (от англ. *rafting*) и др.;

3) названия лиц, связанных с направлением в музыке или искусстве: *porcu* ‘поп-исполнитель’ ← *pop* ‘поп’ (от англ. *pop*), *folkçu* ‘фолк-исполнитель’ ← *folk* ‘фолк’ (от англ. *folk*), *hip hopçu* ‘хип-хоп-исполнитель’ ← *hip hop* ‘хип-хоп’ (от англ. *hip hop*) и др.;

¹ В работах по тюркологии традиционно используется термин *аффикс*, понятийное содержание которого соответствует термину *суффикс* [7; 8; 9].

4) названия лиц, выражающие склонности или увлечения: *vlogcu* ‘влогер’ ← *vlog* ‘влог’ (от англ. *vlog*), *blogcu* ‘блогер’ ← *blog* ‘блог’ (от англ. *blog*), *selfiyeci* ‘любитель делать селфи’ ← *selfiye* ‘селфи’ (от англ. *selfiye*) и др.;

5) названия лиц, выражающие состояние или положение (временное или постоянное): *forumcu* ‘форумчанин’ ← *forum* ‘форум’ (от англ. *forum*), *otostopçu* ‘автостопщик’ ← *otostop* ‘автостоп’ (от англ. *autostop*), *internetçi* ‘интернет-пользователь’ ← *internet* ‘интернет’ (от англ. *internet*) и др.

Как видно из вышеприведенных примеров, большую группу дериватов-существительных, мотивированных интернационализмами, составляют названия лиц, что продиктовано необходимостью номинации новых профессий и новых сфер интересов представителей турецкого социума, а также общей тенденцией антропоцентризма в современной лингвистике, в том числе и в словообразовании, на что указывает, в частности, Е. А. Земская: «...человек – вот настоящий герой современного словообразования» [10, с. 103].

Отметим, что среди имен существительных, созданных на базе интернационализмов с помощью аффикса **-çı/-ci (-çu/-cu)**, помимо слов категории «*nomina agentis*», встречаются также новообразования, обозначающие место, связанное с тем, что названо производящей базой: *festfutçu* ‘место, где готовят и продают фастфуд’ ← *festfut* ‘фастфуд’ (от англ. *fast food*), *burgerci* ‘место, где готовят и продают бургеры’ ← *burger* ‘бургер’ (от англ. *burger*) и др.

В области субстантивного образования вторым по продуктивности является аффикс **-lık/-luk (-lik/-lük)**, который используется, главным образом, при производстве от именных словообразовательных баз абстрактных имен существительных и имен существительных, обозначающих отвлеченные понятия [8, с. 155]. Например:

1) имена с отвлеченным значением, мотивированные английским прилагательным: *interaktiflik* ‘интерактивность’ ← *interaktif* ‘интерактивный’ (от англ. *interactive*), *kreatiflik* ‘креативность’ ← *kreatif* ‘креативный’ (от англ. *creative*), *seksilik* ‘сексуальность’ ← *seksi* ‘сексуальный’ (от англ. *sexy*) и др.;

2) имена, выражающие свойство или занятие лица, названного мотивирующим англицизмом-существительным: *brokerlik* ‘брокерство’ ← *broker* ‘брокер’ (от англ. *broker*), *distribütörlük* ‘дистрибьютерство’ ← *distribütör* ‘дистрибьютор’ (от англ. *distributor*), *hipsterlik* ‘хипстерство’ ← *hipster* ‘хипстер’ (от англ. *hipster*) и др.

На второй ступени словообразования от имен существительных, обозначающих профессию или род деятельности, с помощью аффикса **-lık/-luk (-lik/-lük)**, образуются имена существительные, обозначающие соответствующие исходной словообразовательной базе отвлеченно-собираательные понятия: *blogculuk* ‘блогерство’ ← *blogcu* ‘блогер’ ← *blog* ‘блог’ (от англ. *blog*), *forumculuk* ‘форумство’ ← *forumcu* ‘форумчанин’ ← *forum* ‘форум’ (от англ. *forum*), *hip hopçuluk* ‘хип-хоперство’ ← *hip hopçu* ‘хип-хоп-исполнитель’ ← *hip hop* ‘хип-хоп’ (от англ. *hip hop*), а также род деятельности: *mitingcilik* ‘деятельность, связанная с организацией или посещением митингов’ ←

mitingci ‘лицо, организующее митинг или принимающее в нем участие’ ← *miting* ‘митинг’ (от англ. *meeting*), *popçuluk* ‘деятельность, связанная с поп-культурой’ ← *popcu* ‘поп-исполнитель’ ← *pop* ‘поп’ (от англ. *pop*), *süpermarketçilik* ‘деятельность, связанная с владением или управлением супермаркетом’ ← *süpermarketçi* ‘владелец или управляющий супермаркетом’ ← *süpermarket* ‘супермаркет’ (от англ. *supermarket*) и др.

Образование имен прилагательных на базе интернационализмов. Имена прилагательные в нашей фактологической базе немногочисленны относительно общего количества дериватов. Мы видим объяснение этому обстоятельству в том, что, во-первых, для турецкого языка характерно заимствование имен прилагательных в форме, структурно совпадающей с англоязычным этимоном: *inovatif* ‘инновационный’ (от англ. *innovative*), *interaktif* ‘интерактивный’ (от англ. *interactive*), *kreatif* ‘креативный’ (от англ. *creative*) и др.; во-вторых, в турецком языке отличается высокой активностью лексико-синтаксический способ словообразования, который предполагает образование устойчивых субстантивно-субстантивных словосочетаний, в которых одно из существительных является определяемым, другое – определяющим (как правило, заимствование). Среди таких словосочетаний преобладают конструкции, образованные посредством одноаффиксного изафета по модели «существительное + существительное с аффиксом принадлежности 3 лица». Как отмечает П. И. Кузнецов, «в плане логическом и синтаксическом одноаффиксный изафет может быть приравнен к сочетанию: относительное прилагательное + существительное» [9, с. 121]. Следовательно, новозаимствованные существительные, попадая в турецкий язык, как правило, не принимают участие в аффиксальном производстве прилагательных, а активно включаются в изафетные конструкции, выполняя атрибутивную функцию по отношению к существительному: *multimedya ürünü* ‘мультимедийный продукт’, *blog platformu* ‘блоговая платформа’, *doping skandalı* ‘допинговый скандал’, *distribütör şirketi* ‘дистрибьюторская компания’ и др.

В тоже время среди неологизмов-прилагательных, созданных на базе англоязычных существительных, можно выделить небольшую группу дериватов, образованные при помощи:

1) суффикса **-lı/-lu (-li/-lü)**, который указывает на обладание чем-либо или отношение к чем-либо: *çipli* ‘чиповый’ ← *çip* ‘чип’ (от англ. *chip*), *pikselli* ‘пиксельный’ ← *piksel* ‘пиксель’ (от англ. *pixel*) и др.;

2) суффикса **-sız/-suz (-siz/-süz)**, который является антонимичным аффиксу **-lı/-lu (-li/-lü)**, и образует прилагательные со значением отсутствия предмета, обозначенного исходной основой, соответствуя предлогам и префиксам *без* и *не* [8, с. 67]: *çipsiz* ‘бесчиповый’ ← *çip* ‘чип’ (от англ. *chip*), *pikselsiz* ‘беспиксельный’ ← *piksel* ‘пиксель’ (от англ. *pixel*) и др.

3) суффикса **-ki**, посредством которого в комбинации с аффиксом местного падежа **(-da)** образуются локативные прилагательные, указывающие

на отношение предмета к месту и функционирующие в значении ‘находящийся в’, ‘расположенный в’ [9, с. 269–270]: *blogdaki (resimler)* ‘(фотографии), находящиеся в блоге’ ← *blog* ‘блог’ (от англ. *blog*), *internetteki (bilgiler)* ‘(информация), находящаяся (представленная) в интернете’ ← *internet* ‘интернет’ (от англ. *internet*) и др.

Образование глаголов на базе интернационализмов. Как показало исследование, глагольная деривация активна в современном турецком языке, поскольку количество новых глагольных лексем, созданных на базе англоязычных неологизмов, постоянно растет. Глаголы образуются как на базе субстантивов и адъективов, так и на базе других глаголов.

Подавляющее большинство глаголов образуется при помощи традиционного турецкого глагольного аффикса *-la/-le*. С помощью аффикса *-la/-le* от английских существительных образуются глаголы действительного залога переходного и непереходного значения: *bloglamak* ‘вести блог’ ← *blog* ‘блог’ (от англ. *blog*), *coverlamak* ‘делать кавер’ ← *cover* ‘кавер’ (от англ. *cover*), *klonlamak* ‘клонировать’ ← *klon* ‘клон’ (от англ. *clone*), *formatlamak* ‘форматировать’ ← *format* ‘формат’ (от англ. *format*), *tweetlemek* ‘писать твиты’ ← *tweet* ‘твит’ (от англ. *tweet*), *hacklemek* ‘взламывать’ ← *hack* ‘хакерство’ (от англ. *hack*), *zombilemek* ‘зомбировать’ ← *zombi* ‘зомби’ (от англ. *zombie*) и др.

Некоторые глагольные новообразования действительного залога, мотивированные интернационализмами, в свою очередь также становятся базой для словопроизводства (вторая ступень словообразования), в результате которого появляются:

1) глаголы страдательного или возвратного залогов¹, образованные от основы² глагола действительного залога с помощью аффикса *-n*: *formatlanmak* ‘форматироваться’ ← *formatlamak* ‘форматировать’ ← *format* ‘формат’ (от англ. *format*), *zombilenmek* ‘зомбироваться’ ← *zombilemek* ‘зомбировать’ ← *zombi* ‘зомби’ (от англ. *zombie*), *hacklenmek* ‘быть взломанным, попасть под нападение хакеров’ ← *hacklemek* ‘взламывать’ ← *hack* ‘хакерство’ (от англ. *hack*) и др.;

2) глаголы взаимно-совместного залога, созданные посредством присоединения к основе глагола действительного залога аффикса *-ş-* и указывающие на то, что действие совершается несколькими субъектами совместно или взаимно распространяется на каждого из них [8, с. 286]. Например, *zombileşmek* ‘зомбироваться’ ← *zombilemek* ‘зомбировать’ ← *zombi* ‘зомби’ (от англ. *zombie*), *tweetleşmek* ‘обмениваться твитами’ ← *tweetlemek* ‘писать твиты’ ← *tweet* ‘твит’ (от англ. *tweet*), *trolleşmek* ‘троллить друг друга’ ← *trollemek* ‘троллить’ ← *trol* ‘троль’ (от англ. *trol*) и др.

¹ В турецком языке категория залога рассматривается как деривационная категория [7, с. 181].

² Турецкий глагол состоит из основы глагола и аффикса инфинитива *-mak/-mek*. Чтобы найти основу глагола, достаточно отбросить указанный аффикс [9, с. 76]. Например, *formatlamak* ‘форматировать’, *formatla* – основа данного глагола.

В области производства глаголов взаимно-совместного залога следует отметить единицы, образованные чересступенчатым способом словообразования. Такие единицы образуются непосредственно от заимствованного существительного или прилагательного при помощи суффикса *-laş/-leş (-la + -ş/-le+ -ş)*, минуя глагольную ступень действительного залога. Так, например, нами зафиксирован такой глагол взаимно-совместного залога, как *internetleşmek* ‘интернетизироваться’, мотивированный существительным-интернационализмом *internet* (от англ. *internet*), однако не выявлен соответствующий глагол действительного залога *internetlemek*. Такой же процесс происходит с глаголами *holdingleşmek* ‘холдингизироваться’, *interaktifleşmek* ‘интерактивизироваться’, *dijitalleşmek* ‘дигитализироваться’ и др., не имеющими соответствующих форм действительного залога и образованными непосредственно от англоязычных именных баз: *holdingleşmek* ‘холдингизироваться’ ← *holding* ‘холдинг’ (от англ. *holding*), *interaktifleşmek* ← *interaktif* ‘интерактивный’ (от англ. *interactive*), *dijitalleşmek* ← *dijital* ‘дигитальный’ (от англ. *digital*). Анализируя производные отыменные глаголы в сочетании с аффиксом взаимно-совместного залога *-ş*, А. Н. Кононов замечает, что подобные глаголы имеют возвратное значение, которое «осложняется понятием учащенности или постепенности» [9, с. 111].

Образование глагольных дериватов является свидетельством высокой степени адаптации интернационализмов к словообразовательной системе турецкого языка, а функционирование в речевой практике мотивированных интернационализмами глагольных форм, причастий и деепричастий, является доказательством активности глагола. Например, формы страдательных причастий прошедшего времени: *klonlanmış* ‘клонированный’ ← *klonlanmak* ‘клонироваться’, *zombilenmiş* ‘зомбированный’ ← *zombilenmek* ‘зомбираться’ и др.

Обращает на себя внимание тот факт, что глагольные дериваты, мотивированные англицизмами-интернационализмами, активно используются в современном турецком языке для производства отглагольных имен. Турецкие отглагольные имена обозначают названия акта, процесса, результата и образуются путем усечения конечного согласного *k* в аффиксе инфинитива *-mak/-mek* [8, с. 78]: *bloglama* ‘ведение блога’ ← *bloglamak* ‘вести блог’ ← *blog* ‘блог’ (от англ. *blog*), *trolleme* ‘троллинг’ ← *trollemek* ‘троллить’ ← *trol* ‘тролль’ (от англ. *trol*), *holdingleşme* ‘холдингизация’ ← *holdingleşmek* ‘холдингизироваться’ ← *holding* ‘холдинг’ (от англ. *holding*) и др.

Заканчивая рассмотрение дериватов на базе новейших интернационализмов, считаем важным отметить, что некоторые из рассматриваемых нами интернационализмов настолько активно включились в систему словообразования современного турецкого языка в качестве базовых слов, что породили целый ряд словообразовательных цепочек и гнезд. Высокий словообразовательный потенциал таких единиц обусловлен длительностью периода их

функционирования в турецком языке, а также коммуникативной актуальностью понятия, названного заимствованием, и свидетельствует об их полной ассимиляции носителями турецкого языка.

holding → *holding-ci* → *holding-ci-lik*
→ *holding-leş-mek* → *holding-leş-me*
→ *holding-leş-tir-mek* → *holding-leş-tir-me*

Таким образом, анализ фактического материала свидетельствует о том, что роль интернационализмов английского происхождения, выступающих в качестве производящей базы для порождения неологизмов в процессах пополнения словарного состава современного турецкого языка, трудно переоценить. Адаптируясь к новой языковой среде, англо-интернационализмы взаимодействуют с исконными турецкими словообразовательными средствами и участвуют в производстве дериватов по типовым словообразовательным моделям заимствующего турецкого языка. Наибольшая словообразовательная активность интернационализмов проявляется в производстве слов категории «*nomina agentis*», а также отвлеченных существительных и существительных, выражающих свойство или занятие лица. Менее интенсивно происходит образование адъективов, поскольку интернационализмы активно используются в изафетных конструкциях в функции адъективов, например, *blog platformu* = рус. *блоговая платформа*, *doping skandalı* = рус. *допинговый скандал*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабакчи, В. В. Язык мой, камо грядеши? Глобализация, «глобанглизация» и межкультурная коммуникация / В. В. Кабакчи // Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб.: СПбГУЭФ, 2009. – С. 78–97.
2. Володина, Е. Г. Лексические заимствования из английского языка в современном турецком языке (на материале периодики) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 / Е. Г. Володина. – М., 2007. – 239 л.
3. Бельчиков, Ю. А. Интернационализмы // Лингвистический энциклопедический словарь / Сов. энцикл., Ин-т языкознания Акад. наук СССР ; гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Сов. энцикл., 1990. – С. 197.
4. Крысин, Л. П. Словообразовательная активность иноязычного слова как один из критериев его освоения языком / Л. П. Крысин // Слово в современных текстах и словарях : очерки о русской лексике и лексикографии / Л. П. Крысин. – М.: Знак, 2008. – С. 62–67.
5. Ваганова, Н. В. Современные заимствования из английского языка: семантико-словообразовательный аспект: На материале англицизмов конца XX – начала XXI в. в современном русском языке : автореф. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. В. Ваганова. – Нижний Новгород, 2005. – 23 с.

6. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / В. Л. Воронцова [и др.]. – 2-е изд. – М. : Языки русской культуры, 2000. – С. 90–141.
7. Дербишева, З. К. Сравнительная грамматика русского и турецкого языков : учебник для вузов / З. К. Дербишева. – М. : Флинта : Наука, 2015. – 296 с.
8. Кононов, А. Н. Грамматика турецкого языка = Türk dili grameri / А. Н. Кононов. – Факсимильное изд. 1941 г. – İstanbul : Milenyum Yayınları, Turan Kitabevi, 2002. – 312 с.
9. Кузнецов, П. И. Учебник турецкого языка: Нач. курс / П. И. Кузнецов. – М. : Изд. Дом «Муравей-Гайд», 1999. – 367 с.
10. Земская, Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – Изд. 3-е. – М. : URSS, ЛКИ, 2007. – 221 с.

Поступила в редакцию 08.12.2020

УДК 81'33:327

Ху Цзядун

аспирант кафедры прикладной
лингвистики
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Hu Jiadong

Postgraduate student of the Department
of Applied Linguistics
Belarusian State University
Minsk, Belarus
hjdbel@mail.ru

ДИСКУРС ВЕБ-САЙТА ПОСОЛЬСТВА КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ДИСКУРСА ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ

EMBASSY WEBSITE DISCOURSE AS A VARIETY OF DISCOURSE OF DIGITAL DIPLOMACY

Цифровая дипломатия – современный вид дипломатической деятельности, который в настоящее время активно развивается во всех крупных государствах мира. Традиционный дипломатический дискурс равностатусных коммуникантов обладает ярко выраженными институциональными характеристиками, но под термином *дискурс цифровой дипломатии* понимается внутренне неоднородное явление, изучение которого требует терминологических уточнений. Предметом рассмотрения в данной статье является вопрос об институциональной принадлежности дискурса веб-сайта посольства. Выделяются характерные особенности дискурса указанного типа на примере рассмотрения публикаций веб-сайта белорусского посольства в Китае.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *дискурс веб-сайта; дискурс цифровой дипломатии; белорусское посольство в Китае; акторы публичной дипломатии; целостность дискурса веб-сайта.*

Digital diplomacy is a modern type of diplomatic activity that is currently actively developing in all major states of the world. The traditional diplomatic discourse of equal-status communicants has pronounced institutional characteristics, but the term *digital diplomacy*

discourse is understood as an internally heterogeneous phenomenon, the study of which requires terminological clarifications. The subject of this article is the question of the institutional affiliation of the embassy website discourse. The characteristic features of the discourse of this type are highlighted on the example of the publications of the website of the Belarusian embassy in China.

Key words: *website discourse; discourse of digital diplomacy; Belarusian Embassy in China; public diplomacy actors; website discourse integrity.*

Цифровая дипломатия активно изучается в лингвистике, социологии, политологии, в теории информационной безопасности, в теории военного дела и в других научных областях. Термин *цифровая дипломатия* закрепился за определением коммуникативных практик в сфере публичной дипломатии, хотя принципиально возможны и закрытые формы цифровой дипломатической коммуникации [1, с. 220]. В связи с возникновением новых форм дипломатической коммуникации и новых направлений исследований в данной области исследователи говорят о «расширении терминологического ряда» [2, с. 8], о необходимости внесения терминологических уточнений в лингвистических исследованиях публичной дипломатии [3]. В данной статье ставится задача рассмотреть терминологические проблемы лингвистического исследования цифровой дипломатии как разновидности официальной публичной дипломатии, уточнить определение дискурса цифровой дипломатии.

Определение дискурса цифровой дипломатии: проблемы терминологии. Современная публичная дипломатия является двухуровневой, т.е. реализуется на государственном и общественном уровнях, и при этом многоканальной (*multitrack-diplomacy*), имеет множество разновидностей: *культурная, экономическая, спортивная, туристическая дипломатия* и т.п. Для всех видов дискурсов, которые реализуются в сфере публичной дипломатии, не выработан единый термин в связи с разнородностью самого явления, но для коммуникации в сфере цифровой дипломатии такой термин принят – *дискурс цифровой дипломатии*, хотя дискурс такого типа также является внутренне неоднородным. К информационным ресурсам цифровой дипломатии относятся официальные сайты дипломатических организаций, ведомственные и персонифицированные аккаунты профессиональных дипломатов. Определение дискурса цифровой дипломатии дается в работе Н. В. Новикова «Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии», которая является первым диссертационным исследованием в данной области. Автор не относит дискурс цифровой дипломатии к статусно-ориентированному типу дискурса: «Дискурс цифровой дипломатии представляет собой особый информационный вид дипломатического дискурса, не являющийся статусно-ориентированным. В дискурсе цифровой дипломатии адресант является, как правило, единично-коллективным, а адресат – массовым, когда коммуникация носит вертикальный характер, при этом не исключается возможность обратной связи, равно как и общения между равностатусными

участниками мировой политики в рамках виртуальных коммуникативных пространств института дипломатии» [4, с. 9]. Разновидностью дискурса цифровой дипломатии является *сетевой дискурс*, который подразделяется на институциональный (реализуется в ведомственных аккаунтах в социальных сетях) и персонифицированный (реализуется в персонифицированных аккаунтах профессиональных дипломатов) [5]. Дискурс веб-сайта посольства до настоящего времени в лингвистических работах детально не рассматривался, но некоторые его системные свойства выделены на примере изучения дискурсивных особенностей публикаций веб-сайта белорусского посольства в Китае; сделан вывод о том, что дискурс данного типа обладает преимущественно институциональными статусно-ориентированными характеристиками [6]. Таким образом, дискурс цифровой дипломатии может быть определен как вид дипломатического дискурса, формы реализации которого – статусно-ориентированный или нестатусно-ориентированный дискурс – зависят от коммуникативной ситуации. Рассмотрим данное положение более детально.

Дискурс цифровой дипломатии: участники и цели. Институциональные и социальные акторы публичной дипломатии. Термин *публичная дипломатия* является неоднозначным в связи с тем, что данный вид деятельности реализуется как институциональными, так и социальными акторами [2]. Соотношение структурных позиций коммуникантов (институциональный/социальный в во всех возможных в данном случае комбинациях) в значительной степени влияет на характеристики дискурса.

Традиционный дипломатический дискурс безоговорочно относится исследователями к типу дискурса с высокой степенью институциональной зависимости. Когда речь идет о коммуникации на цифровых площадках дипломатических организаций, в том числе на страницах сайтов посольств, то институциональные характеристики дипломатического дискурса не столь очевидны. Ориентация на массового адресата и особенности интернет-коммуникации нередко сказываются на стиле публикаций: официально-деловой стиль, присущий традиционному дипломатическому языку документов и официальных выступлений, дополняется, «разбавляется» медийными характеристиками. Установка на диалог с разнообразными целевыми группами массового адресата (политики, бизнесмены, туристы, студенты и т.д.) реализуется, в частности, в том, что публикации на дипломатических сайтах, функционирующих в открытом доступе, как и в аккаунтах, включают в себя элементы разных стилей речи, в том числе и разговорного.

Коллективным адресантом дискурса веб-сайта посольства является институциональный актор, причем даже в тех случаях, когда публикации принадлежат разным авторам, а гиперссылки приводят читателя на веб-сайты сторонних организаций – государственных или негосударственных. Контент

и структура сайта, наличие определенных гиперссылок – часть коммуникативной стратегии, которая обусловлена собственно дипломатическими стратегиями, целями межгосударственного взаимодействия.

Сайт посольства выполняет институциональные функции в соответствии с функциями самой организации.

Функции диппредствительств стран-членов ООН определяются Венской конвенцией о дипломатических сношениях (1961 г.), где государства рассматриваются в качестве коллективных коммуникантов в международном договорном процессе. Государство является субъектом международного права, имеет официальный правовой статус, как и все его зарубежные диппредствительства [7]. Система представительств в дипломатии – строго организованная иерархическая система. Для обозначения государства как актора дипломатии и коммуниканта в договорном процессе используется прием метонимии. Официальная равноставная дипломатическая деятельность осуществляется на уровне «государство – государство» на основе системы представительств, официальная (государственная) публичная дипломатия – на уровне «государство – общество». Адресант дипломатической коммуникации в указанных случаях представлен институциональным актором (единичным, единично-коллективным или коллективным). В отличие от ведомственных аккаунтов, сайты посольств в настоящее время не предусматривают непосредственной обратной связи с адресатом в общедоступной публичной форме, т.е. структурные позиции адресанта и адресата в коммуникативном процессе в данном случае не являются взаимозаменяемыми.

Таким образом, при рассмотрении дискурса веб-сайта посольства компоненты ‘участники’ и ‘цели’ могут быть обозначены следующим образом: институциональный адресант – институциональный/социальный адресат; цели коммуникации – официальные, обусловленные функциями диппредствительств. Данные показатели определяют преобладание институциональных статусно-ориентированных характеристик в дискурсе веб-сайта посольства аккредитующей страны в стране пребывания. В публикациях на страницах данного информационного ресурса отражается официальная точка зрения, принятая на государственном уровне.

Целостность дискурса веб-сайта посольства как его системная характеристика. Как отмечает В. Н. Пескова, веб-сайт любой организации обладает внутренним единством, которое обусловлено целями функционирования данного сайта, определенным способом подачи информации, что, собственно, и дает возможность говорить о дискурсе веб-сайта организации как о целостной единице исследования [8, с. 112]. Характеристики дискурса веб-сайта посольства определяются миссией данного сайта, целями дипломатического взаимодействия. Целостность дискурса обеспечивается

целью коммуникации, способом формирования коммуникативного пространства, объединяющего адресанта и адресата, применением определенных коммуникативных стратегий и тактик.

В цитированной выше работе Н. В. Новикова показано, что в цифровой дипломатии, как и в сфере публичной политики в целом, применяются три основные стратегии (по классификации С. Дацюка): презентация, конвенция, манипуляция [5]. Для публикаций на страницах сайтов посольств характерно применение всех трех коммуникативных стратегий. В современную эпоху диппредставительство представляет свою страну зарубежной общественности не только традиционными методами публичной дипломатии (выступления в СМИ, проведение кинофестивалей, выставок, конкурсов и т.д.), но и на цифровых площадках, где, как правило, размещается большое количество красочно оформленной информации о стране, ее достопримечательностях, возможностях туризма, увлечениях молодежи и т.д. Презентация страны осуществляется совместно с конвенциональной стратегией, которая может быть представлена диалоговой стратегией. Установка на диалог в условиях дистантной коммуникации обеспечивается встроенными функциями программы, вербальными и невербальными средствами диалогизации в поликодовых текстах; в аккаунтах ведется непосредственный диалог с читателями. Применение стратегии манипуляции, как и первых двух, также в определенной мере объясняется особенностями дипломатического взаимодействия. Дипломатия – мирная деятельность, но цели разных государств в едином международном сообществе могут не совпадать, что вызывает информационные войны, становится причиной манипулятивного воздействия на общественное мнение.

Дискурс веб-сайта посольства, являясь институциональным, относится к регулируемой сфере общения, но само регулирование проявляется по-разному, «рамки» дозволенного в публикациях дипломатических сайтов разных стран не совпадают. Фрейм коммуникативной ситуации, ограниченный институциональными функциями сайта, по-разному устанавливает коммуникативное пространство, объединяющее адресанта и адресата. Так, например, в аккаунтах американского посольства в Беларуси в ноябре 2019 г. (до начала пандемии) неоднократно размещались рекомендации белорусам не покупать бытовую электронику китайского производства в связи с тем, что в аппаратах может находиться шпионское оборудование (<https://www.facebook.com/usembassy.minsk>). На главной странице сайта посольства Японии в Беларуси обозначены территориальные споры с Россией, Китаем, Республикой Корея, освещается проблема похищения Северной Кореей японских граждан (https://www.by.emb-japan.go.jp/itprtop_ru/index.html).

Отличительной особенностью публикаций на страницах сайта белорусского посольства в Китае (<https://china.mfa.gov.by/ru/>), является то, что

в первую очередь здесь находит отражение тематика именно двусторонних белорусско-китайских отношений: За все время наблюдений (2016 г. – нач. 2021 г.) на сайте и в аккаунтах белорусского посольства в Китае не размещались обращения к китайской общественности, которые касаются каких-либо третьих стран. Информация о событиях в стране и мире дается в новостной рубрике со ссылками на официальные источники информации: БелТА, сайт МИД. Рекомендации посольства, обращения к соотечественникам или зарубежной общественности в указанный период всегда были связаны с конкретными вопросами, которые решаются в рамках непосредственной деятельности диппредставительства. Это информация о правилах въезда-выезда во время пандемии, о необходимости оформления биометрических документов, а также информация о выставках, конкурсах в Беларуси и на базе посольства. В текстах, которые открываются по гиперссылкам на первой странице, дается информация о возможностях сотрудничества в экономической сфере, в сфере туризма, культуры, образования. Обращаясь, например, к текстам рубрики «Экспортерам», можно найти практически важную информацию для установления деловых контактов: «Помощь в поиске партнеров», «Порядок въезда в КНР», «Список авиакомпаний», «Гостиницы Пекина», «Взаимодействие с банковским сектором» и др. В рубрике «Туристам» представлены презентационные текстовые, фото- и видеоматериалы о стране: «Что можно посмотреть в Беларуси: основные достопримечательности», «Беларусь разносторонняя: виды туризма», «50 вещей, которые нужно сделать в Беларуси», «Беларусь: прекрасные мгновения». Совокупность публикаций на страницах сайта белорусского посольства в Китае приобретает характеристики целостного дискурса благодаря ориентации на определенные целевые аудитории, установке на диалог с адресатом. Структурные позиции коммуникантов имеют вербальные и невербальные маркеры институциональности (государственная символика двух стран), кроме того, обозначены при помощи белорусской народной и китайской символики. Так, поликодовый текст «Как найти партнера» сопровождается инфографикой, которая показывает путь от зубра к панде через систему гиперссылок, по которым открываются тексты, содержащие информацию о возможностях установления контактов международного сотрудничества в деловой сфере. Текстовая информация сайта характеризуется конкретностью, фактуальностью. Эстетичность, эмоциональность публикаций обеспечивается большим количеством визуальных материалов – фотогалереи, коротких, но выразительных видеороликов о природе, достопримечательностях и жизни страны а также использованием эмоционально «заряженной» инфографики, которая облегчает восприятие информации, выступает как средство диалогизации, вносит в коммуникативный процесс нотку поэзии и красоты. Все это особенно важно для китайского адресата в связи с традициями поэтической дипломатии и нефритовой культуры Китая [9].

Презентационная и диалоговая стратегия реализуется на основе тактики информирования, тактики коммуникативного сближения с адресатом и тактики демонстрации ответственности.

Говоря о специфике дискурса цифровой дипломатии, следует учитывать, что для продвижения сайта в интернет-пространстве применяются профессиональные SEO-стратегии, т.е. значительную роль в организации коммуникативного процесса играют не только собственно дипломатические коммуникативные стратегии, но стратегии интернет-коммуникации в целом.

Отсутствие таргетированных рассылок свидетельствует о том, что данные информационные ресурсы занимают особую позицию в Интернете, они защищены от произвольного расширения их информационного пространства.

Дискурс цифровой дипломатии представляет собой вид дипломатического дискурса, в котором в зависимости от коммуникативной ситуации могут преобладать характеристики статусно-ориентированного или нестатусно-ориентированного дискурса. Дискурс веб-сайта посольства относится к регулируемой сфере общения и представляет собой разновидность дискурса цифровой дипломатии с преобладанием институциональных статусно-ориентированных характеристик.

Особенностью публичной дипломатии является многообразие сфер ее реализации, в связи с чем дискурсивные особенности цифровой дипломатии, которая исследуется в ее публичном проявлении, также характеризуются многообразием, разнородностью языковых средств. Целостность дискурса веб-сайта посольства обеспечивается ориентацией на определенные целевые аудитории, целями дипломатического взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сурма, И. В. Цифровая дипломатия в мировой политике / И. В. Сурма // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 49. – С. 220–249.
2. Публичная дипломатия: Теория и практика. Научное издание / под ред. М. М. Лебедевой – М.: Аспект Пресс, 2017. – 272 с.
3. Беляков, М. В. Терминология дипломатии: лексикографические проблемы / М. В. Беляков // Вестник РУДН, 2012. – № 2. – С. 83–92. – (Серия «Теория языка. Семиотика. Семантика»).
4. Новиков, Н. В. Коммуникативные стратегии цифровой дипломатии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н. В. Новиков. – М., – 2017. – 153 л.
5. Викулова, Л. Г. Институциональный дискурс цифровой дипломатии: новые коммуникативные практики / Л. Г. Викулова, И. В. Макарова, Н. В. Новиков // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 54–65. – (Серия 2 «Языкознание»).
6. Гербик, Л. Ф. Институциональный дискурс веб-сайта белорусского посольства в Китае: основные характеристики [Электронный ресурс] /

Л. Ф. Гербик, Ху Цзядун // VI Междунар. науч.-практ. конф.: «Современная наука и ее ресурсное обеспечение: инновационная парадигма», МЦНП «НОВАЯ НАУКА», Петрозаводск, 25 янв. 2021. – Режим доступа: <https://sciencen.org/assets/Kontent/Konferencii/Arhiv-konferencij/KOF-237.pdf>. – Дата доступа: 12.03.2021.

7. Венская конвенция о дипломатических сношениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml. – Дата доступа: 01.02.2021.

8. Пескова, Е. Н. Дискурс веб-сайта: взаимодействие с другими типами дискурса, жанровые особенности / Е. Н. Пескова / Ученые записки забайкальского государственного университета. №2. 2015. – С. 111–116.

9. Ху, Цзядун. Нефритовая культура Китая: лингвистический аспект // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2020. № 1. – С. 59–66.

Поступила в редакцию 16.03.21

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161

Бразгуноў Аляксандр Уладзіміравіч
кандыдат філалагічных навук, дактарант
Цэнтр даследаванняў беларускай культуры,
мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
г. Мінск, Беларусь

Brazgunou Alaxandr
PhD in Philology, Post-Doctoral Student
Centre of Studies of Belarusian Culture,
Language and Literature of the National
Academy of Sciences of Belarus
Minsk, Belarus
beowulf.bel@gmail.com

АЎТАРСКІ ПАЧАТАК ВА «ЎСПАМІНАХ» Ф. ЕЎЛАШОЎСКАГА

AUTHOR'S PRESENCE IN "THE MEMOIRS" BY F. JEULAŠOUSKI

Статья посвящена проблеме авторского начала в одном из наиболее ранних памятников белорусской мемуаристики начала XVII в. – «Воспоминаниях» Ф. Евлашовского. В данном произведении авторское начало, понимаемое как проявление авторской субъективности в тексте, прослеживается на уровнях интенции, мотива, композиции, хронотопа, сюжета и образа. На всех названных уровнях оно обусловлено не только жанровой природой мемуаров, но и особенностями мировоззрения автора и его жизненными приоритетами.

Ключевые слова: авторское начало; интенция; мемуары; стиль; субъективность.

The article deals with the problem of the author's presence in one of the earliest monuments of Belarusian memoir literature of the beginning of the 17th century – "The Memoirs" by F. Jeulašouski. In this work, the author's presence, understood as the manifestation of an author's subjectivity in the text, can be traced on the levels of intention, motif, composition, chronotope (time and space unity), plot, and image. On the levels mentioned, it is determined not only by the memoir genre characteristics, but by the peculiarities of the author's world-view and his life priorities.

Key words: author's presence; intention; memoirs; style; subjectivity.

Кожны мастацкі твор нашага часу афарбаваны непаўторнай аўтарскай індывідуальнасцю. Штуршок да яго ўзнікнення – інтэнцыя творчай асобы. На этапах фальклорнага развіцця і станаўлення пісьменства індывідуальнасць, суб'ектыўнасць аўтара(ў) «хавалася» за ананімным калектыўным пачаткам, калі «твор хутчэй усведамляецца як плод жыццядзейнасці калектыва» [1, с. 11]. У пазнейшыя эпохі, да самай сярэдзіны XVIII ст., творчая ініцыятыва была абмежавана жанравымі і стылявымі канонамі, аўтар, як правіла, арыентаваўся на пэўныя ўзоры і «гатавае» слова, зададзенае рыторыкай і нарматыўнай паэтыкай. Тым не менш любы мастацкі твор, у тым ліку ананімны, немагчымы без аўтара, паколькі «аўтарская суб'ектыўнасць арганізуе твор і спараджае яго мастацкую цэласнасць» [2, с. 69].

Адпаведна, пад *аўтарскім пачаткам* варта разумець любыя праявы аўтарскай суб'ектыўнасці ў тэксце твора. Хаця А. М. Потсар наогул прапануе лічыць аўтарскім пачаткам любыя кампаненты тэкста, якія могуць сведчыць пра наяўнасць у ім суб'екта маўлення, [3, с. 88].

Па вялікім рахунку, кожны твор, узяты ў сваёй тэкставай завершанасці (як з боку аб'ектнай, так і суб'ектнай арганізацыі), ёсць выяўленне аўтарскай суб'ектыўнасці. Увесь матэрыял, адабраны аўтарам, як і той, ад якога ён з нейкіх прычын адмаўляецца на пэўным этапе, з'яўляецца выражэннем яго волі, светапогляду, розных перакананняў, прыярытэтаў і г.д. Нас, аднак, цікавяць праявы суб'ектыўнасці, якія ўсё ж застаюцца ў канчатковым тэсце. Якім жа чынам, пасродкам чаго яны выяўляюцца?

У гэтым аспекце каштоўнасць «Успамінаў» Ф. Еўлашоўскага для прадмета нашага даследавання неацэнная. Па-першае, гэта адзін з найбольш ранніх помнікаў мемуарнага жанру ў айчынным пісьменстве. Не маючы гатовага ўзору, аўтар арыентаваўся на традыцыі мясцовага летапісання з яго храналагічнай паслядоўнасцю выкладу. Па-другое, факты і падзеі тлумачацца і ацэньваюцца аўтарам на аснове асабістых уражанняў, а значыць, з суб'ектыўнай пазіцыі. Па-трэцяе, у адрозненне ад дзённікаў (дыярыушаў), што пісаліся непасрэдна па слядах падзей, гэта менавіта мемуары, у якіх мінулае апісана праз пэўны час, рэтраспектыўна. Пэўныя страты ў дакладнасці і падрабязнасці апісання былі тут непазбежныя, але, з іншага боку, з часовай адлегласці аўтар меў магчымасць вызначыць сапраўды істотнае. У выніку твор ўзбагаціўся заўвагамі, тлумачэннямі, разгорнутымі апісаннямі і разважаннямі, у якіх аўтар раскрыў свае светапоглядныя, аксіялагічныя, анталогічныя, грамадска-палітычныя погляды.

Пры напісанні ўспамінаў Ф. Еўлашоўскі, несумненна, кіраваўся суб'ектыўнай мэтай, інтэнцыяй, якая раскрывае і прычыну напісання твора: пакінуць нашчадкам звесткі пра сябе і тыя падзеі жыцця, якія ён палічыў вартымі ўвагі. З аднаго боку, гэта інтэнцыя, абумоўленая самой жанравай прыродай твора (мемуары). З іншага, заўважна, што Ф. Еўлашоўскі пастаянна суадносіць падзеі свайго жыцця з вышняй воляй і провідам, пры кожнай магчымасці дзякуе Богу за дзяцей, жонку, ворагаў, за тое, што *не опустил ме и с тою малжонкою моею, и не подавал нас на волю неприятелей наших* [4, с. 42]. Аднак падобны пасаж – не столькі традыцыйнае рытарычнае аздабленне, колькі выяўленне светапогляднай пазіцыі. Успрынятая ў такім аспекце, інтэнцыя «Успамінаў» выяўляецца больш складанай прайвай суб'ектыўнасці аўтара: гэта не толькі памяць і ўзор паводзін для нашчадкаў, але і падзяка Ўсявышняму за жыццё і падтрымку ў выпрабаваннях. Практычнае прызначэнне запісаў, традыцыйнае для пісьменства разгледанай эпохі, спалучаецца з дыдактычнымі і аксіялагічнымі задачамі.

Суб'ектыўнасць знаходзіць выяўленне і на кампазіцыйным узроўні твора: ва ўступе аўтар паведамляе пра абставіны свайго нараджэння і пэўныя факты з ранніх гадоў, у асноўнай частцы змяшчае пагадовыя запісы (яны вар'іруюцца ад простых летапісных згадак да разгорнутых

апісанняў), у эпілогу дзякуе Богу, што зайздрасць *никгды сэрцэм моим не пановала и непотребного (...) жалю, хоробе якейсь подобного, не чинила* [4, с. 64]. Гэты матыў удзячнасці Найвышэйшаму праходзіць праз увесь твор і знаходзіць выяўленне ў пэўных слоўных формулах (*Хвалилэм насветише име Его; Дякую я тебе, Боже мой; Самому Пану Богу хвала за его оборону і інш.*). Нярэдка ён выступае побач з матывам злачынства і пакарання, як у выпадку амаральнага ўчынку Тлухоўскага і Крачатоўскага, слуг Яна Гераніма Хадкевіча, якія дзякуючы сваім махлярскім здольнасцям сталі ўласнікамі маёнткаў, асобныя з якіх былі паабяцаны сыну мемуарыста. Даведаўшыся пра смерць Тлухоўскага, аўтар адзначае, што гэта не так усцешыла яго, як умацавала ў веры ў Бога і Яго заступніцтва. Нават пасля забойства Бруханскім свайго сына Яна не губляе Еўлашоўскі веры ў справядлівасць: *Бог ми скутэчнон справедливость и экзэкуцыю учинить рачи* ‘адплаціць справядліва і пакарае за мяне’ [4, с. 70]. Як бачым, злачынства і пакаранне паслядоўна інтэрпрэтуюцца ў адапаведнасці з рэлігійнымі перакананнямі – як выпрабаванне і справядлівая адплата.

З дапамогай пачатковай (*Самому Пану Богу моему за всяких добродейств Его* [4, с. 32]) і заключнай фраз (*Дякую я Тобе, Боже мой, Ойче Пана нашего Езуса Христа* [4, с. 64]) дзеянне фармальна ўключаецца ў хранатоп біблейскай гісторыі. Аднак гэта, хутчэй, абрамленне, бо асноўнае апісанне дзеяння ў межах хранатопу чалавечай гісторыі, які ўбірае ў сябе і ўнутраны хранатоп аўтара. Такім чынам, мы маем справу з трыма ўзроўнямі: Божы свет – свет чалавецтва – унутраны свет аўтара. Аўтар «дзеінічае» на двух апошніх, паколькі Божы свет у свядомасці чалавека пачатку XVII ст. паранейшаму разглядаецца як нязменны, раз і назаўсёды вызначаны, а значыць, нарматыўны для астатніх узроўняў. «Успаміны» служаць сведчаннем, што іх аўтар выразна ўсведамляе значэнне трох узаемазвязаных часавых пластоў для асабістай гісторыі: мінулага (існуе гісторыя майго індывідуальнага жыцця), сучаснасці (я пішу пра яе цяпер) і будучыні (напісанае мной павінна паслужыць для нашчадкаў узорам пабожнага жыцця).

С ю ж э т «Успамінаў», як і інтэнцыя, абумоўліваецца іх жанравай прыродай, а таксама паслядоўнасцю тых грамадскіх і прыватных падзей, што адбываліся ў жыцці аўтара. Мемуарыстыка XVII–XVIII ст. ведала толькі два тэматычна адасобленыя тыпы твораў – *Otia publica* і *Otia domestica* ‘Грамадскія забавы’ і ‘Хатнія забавы’ [5, с. 10]. Таму падача звестак агульнагістарычнага характару ў спалучэнні з асабістымі, узбагачаная суб’ектыўнымі ацэнкамі, надае адметнасць сюжэтнай будове твора, у цэлым заснаванай на храналагічным прынцыпе, з характэрным для летапісання датаваннем. Ф. Еўлашоўскі імкнецца як мага дакладней падаць звесткі, датычныя яго асабіста: паведамляе, што нарадзіўся ў 1546 г. *месяца февраля сегого дня, в неделю ночи пришлое около повночи* [4, с. 32], а апошні запіс датуе року 1604, *стычня 2 дня* [4, с. 64]. Ён паслядоўна пазначае істотныя падзеі ў жыцці сям’і – шлюб, смерць бацькоў, нараджэнне дзяцей. Многія выпадкі са штодзённага жыцця беларускай шляхты пад пяром аўтара разгортваюцца ў бытавыя замалёўкі або навелізаваныя аповеды. А вось падзеі, звязаныя з грамадскай

гісторыяй, нават надзвычайнай значнасці, пераважна застаюцца на перыферыі аўтарскай увагі. Так, даецца ацэнка Лівонскай вайны, паведамляецца пра Люблінскую унію і вайну Рэчы Паспалітай са Швецыяй, абмалёўваюцца падзеі перыяду *interregnum* ‘бескралеўя’, але нават не згадваецца Берасцейская царкоўная унія 1596 года. У апошнім выпадку прычынай ігнаравання магло паслужыць пратэстанцкае веравызнанне аўтара, для якога царкоўная унія не мела актуальнага значэння, паколькі закранала адносіны выключна паміж рымска-каталіцкай і праваслаўнай цэрквамі. Нямала запісаў, здавалася б, выключна інфарматыўнага зместу (напрыклад, *В лютым, 13 дня, под Дэртэм забито (...) Дмитра Полубенского* [4, с. 63]) суправаджаюцца аўтарскай ацэнкай (*мэжа годного помети, человека значне рыцэрскаго*), якая, зрэшты, можа быць успрынята і ў якасці топаса, формулы, традыцыйнай для funerальных запісаў. А вось адмову ад падрабязнага апісання падзей элекцыйнага сойму 1573 г. Ф. Еўлашоўскі фармулюе проста і зразумела: *Опускаю то, яко ведучи достаточне то от иних выписано* [4, с. 38]. Гэта выразна кантрастуе з пануючым у тагачасным пісьменстве ВКЛ топасам «напішы лепш сам, а не дакарай мне» (С. Кулакоўскі, М. Стрыйкоўскі, Я. Пратасовіч, А. Рымша і інш.) і імкненнем аўтараў выступаць у якасці ўсяведных асоб.

Зразумела, што пры апісанні падзей жыцця – прыватнага і грамадскага – Ф. Еўлашоўскі быў вымушаны ажыццявіць іх суб’ектыўны адбор. Што магло паслужыць крытэрыем такога адбору? Звяртае на сябе ўвагу, што аўтар ажыўляе ці разгортвае аповед пераважна тады, калі вядзе гаворку пра ўласныя пачуцці і адчуванні. Менавіта таму пра свой удзел у Лівонскай вайне ён выказваецца сцісла, але эмацыйна насычана: *А потом аж до уприкрень были ми частые язды на тые войны, мало потребные, бовем же и Речи Посполитой пожитку не веле тэ войны приносили* [4, с. 32]. Асноўную віну за рэлігійную нязгоду ў дзяржаве, дзе раней рознасць веравызнання не перашкаджала сяброўству, а цяпер *ани се пытай о милость, щирость и правдиве добрэ заховане* [4, с. 33], ён ускладае на свецкія станы. Гэты пасаж тым больш каштоўны для выяўлення светапогляду, што далей пісьменнік выказвае жаданне, каб падзеленыя нязгодай хрысціяне з большай павагай ставіліся да найвышэйшага хрысціянскага манарха, папы (!), якога прыпадабняе бацьку вялікай сям’і, *который сынов своих и разных от себе и от друкгей братей в обычаех знашеть умел* [4, с. 34].

Эмацыйная ўраўнаважанасць – адна з асноўных характарыстык аўтарскага стылю Ф. Еўлашоўскага. Іншая, не менш характэрная прыкмета – дакладнасць і выразнасць, сцісласць фармулёвак, як, напрыклад, у выпадку Яна Адахоўскага, якога аўтар характарызуе наступным чынам: *человек в чужых краинах длуго бывалый и велце добрый, и мой приятель правдивый* [4, с. 63]. На стыль аўтара, несумненна, паўплывала яго прафесійная дзейнасць: яму даводзілася прымаць удзел у судовых паседжаннях, выконваць пасольскія функцыі на соймах рознага ўзроўню, а таксама займацца заканатворчай дзейнасцю (ён адзін з аўтараў «Трыбуналу абывацелям Вялікага Княства Літоўскага», кодэкса вышэйшага апеляцыйнага суда дзяржавы).

Выпрацаваная падчас удзелу ў паседжаннях назіральнасць і ўважлівасць развіла ў Ф. Еўлашоўскім здольнасць даваць сучаснікам адметныя характарыстыкі – для выказвання асабістага стаўлення яму часам дастаткова трапнага слова, згадвання пэўнай дэталі, рысы характару. Майстэрскае валоданне такімі характарыстыкамі нярэдка спрыяла стварэнню запамінальнага вобраза, паколькі любы мемуарыст «грунтуецца пераважна на ўласных непасрэдных уражаннях і ўспамінах; пры гэтым паўсюль на прыднім плане або ён сам, або яго пункт гледжання на тое, што апісваецца» [6, с. 216]. Так, згадваючы пахаванне першай жонкі пана Івана Бакі, аўтар надзяляе яе такімі характарыстыкамі, як *богобойна, уроды пекнэй, а покоры векшей, як вера* [4, с. 45], і проціпастаўляе ёй другую, *наддэр скупую, ктора до зэбраня пенезей ему помогла (...) и з людскости его звыклое отвела* [Там жа]. (Магчыма, сімпатыя да першай жонкі была абумоўлена асабістай удзячнасцю, бо пры яе жыцці Іван Бака падараваў пісьменніку *кони зэ три, а пасля паўторнай жаніцбы ни козлентка.*) Згадваючы перабыванне караля Стафана Баторыя ўлетку 1586 г. у Гародні, Ф. Еўлашоўскі лічыць неабходным зазначыць, што *той се тэж часом капэлюшэм и рукавицами не мерзил, з чого венкгрове сперва шидили* (смяяліся, кпілі. – А. Б.) [4, с. 53–54]. Такая дэталі, на першы погляд, нязначная, характарызуе С. Баторыя як адкрытага да мясцовай культурнай традыцыі чалавека, што пацвярджаецца шматлікімі тагачаснымі крыніцамі.

Прафесійнымі навыкамі Ф. Елашоўскага трэба, відаць, патлумачыць і яго цікавасць да крымінальных здарэнняў, як у выпадку з *москвитином* У. Забалоцкім, забітым у 1580 г. у Вільні нейкім Гарэцкім [4, с. 46–48]. Тут апісанне набліжаецца да разгорнутага апавядання. Як сапраўдны следчы, Ф. Еўлашоўскі паведамляе прычыну трагічнага здарэння – абразу з боку Крыштафа Радзвіла, вялікага гетмана, перад якім Заблоцкі не зняў шапкі і якога абазваў у адказ; адзначае стан афекту ў «пацярпелага» Радзівіла (*Тэй ночи намней пан троцкий не спал, фрасуюнце на Влодымера* [4, с. 46]); апісвае сачэнне за будучай ахвярай з даху дома віленскага войта. Найбольш падрабязнае, блізкае да *інстыггацыі* ‘абвінаваўчага акту’ апісанне саміх абставін забойства: месца і парадак размяшчэння нападнікаў, асноўны выканаўца, зброя (камень, затым корд), характар смяротнага ранення (*кордом под правон персть*), стан ахвяры (*без мовы*) і час смерці (*вэ двух годинах умарл*). Падобная дэталізацыя стварае эфект прысутнасці (або адчування кадра), надае стылёвую адметнасць апісанню, выклікае ў чытача псіхалагічнае напружанне, якое аўтар здымае апісаннем рэакцыі караля на забойства. Ф. Еўлашоўскі, які прызнаецца, што *был добре вядом того Влодымера* [4, с. 48], лічыць неабходным засведчыць уласнае меркаванне з нагоды трагедыі: смерць Забалоцкага стала вынікам непаразумення, паколькі шапкі перад Радзівілам ён не зняў праз вялікую *мелянколию* ‘задумлівасць’, а не пыху; гэта быў прыстойны чалавек, які, пакрыўдзіўшы каго, заўсёды *волаз за Бога просечи, абы не мел за зле* ‘дзеля Бога прасіў не трымаць зла’.

Як бачым, аўтар імкнецца пісаць больш пра тое, што пакінула ў яго душы пэўны эмацыйны след, чым пра палітыку, якую, па трапнай заўвазе

А. Ф. Коршунава, «мемуарыст адносіў да кампетэнцыі вялікіх паноў, выбранных дзеля гэтага самім Богам» [7, с. 12]. Ён звяртае ўвагу не толькі на падзейны рад, але і на асоб, якія пэўным чынам аказвалі ўплыў на яго асабісты лёс або пакінулі па сабе незабыўнае ўражанне. Таму побач з каралямі, князямі згадваюцца і суседзі, а таксама «літаратурныя» постаці Ф. Кміты-Чарнабыльскага (аўтара знакамітых лістоў), І. Маскевіча (аўтара дыярыўша) і Р. Осціка (героя ананімнага ляманту 1585 г.).

Асноўным жа ва «Ўспамінах», несумненна, з'яўляецца вобраз самога аўтара. Ён паўстае як высокамаральная асоба, набожны чалавек (схільны, аднак, да прымхаў і забабонаў), які цэніць сумленную працу, абачлівы і сціплы ў паводзінах, рэлігійна талерантны, цэніць сямейныя повязі і вернасць у сяброўстве. Істотна тое, што гэта – тыя маральныя арыенціры, якія аўтар хацеў бы перадаць праз свае ўспаміны нашчадкам і якія шмат гавораць чытачу пра самога аўтара і яго светапогляд.

Важна таксама адзначыць, што ў шэрагу эпізодаў аўтар скіроўвае апісанне непасрэдна на сябе. У прыватнасці, ён тройчы (у запісах за 1566, 1577, 1602 гг.) згадвае стан моцнага здушэння (*Именовали докторове тѣ хоробѣ инкубусѣм* [4, с. 34]), які адчуваў ува сне кожнага разу пасля любога спуду.

Як бачым, Ф. Еўлашоўскі ў сваіх «Успамінах» выяўляецца ва ўсіх трох аўтарскіх іпастасях – як рэальная біяграфічная асоба, як вобраз аўтара, як іманентны твору мастак-творца [2, с. 68–69].

Усё вышэйсказанае дазваляе прыйсці да наступных вывадаў:

- інтэнцыя ў Ф. Еўлашоўскага – гэта не толькі памяць і ўзор паводзін для нашчадкаў (прадвызначаецца жанрам мемуараў), але і падзяка Ўсявышняму за жыццё і падтрымку ў выпрабаваннях (вызначаецца аўтарам);
- падзеі агульнагістарычнага характару падаюцца аўтарам у спалучэнні з асабістымі, ацэньваюцца праз прызму суб'ектыўнага «я», што надае адметнасць сюжэтай будове твору;
- аўтар ажыўляе і разгортвае аповед пераважна тады, калі жадае выказаць уласныя пачуцці, адносіны, меркаванні наконт прадмета апісання;
- калі матыў удзячнасці Богу выступае побач з матывам злачынства і пакарання, апошні інтэрпрэтуецца Ф. Еўлашоўскім у адапаведнасці з яго рэлігійнымі перакананнямі – як выпрабаванне і справядлівая адплата;
- дакладнасць і выразнасць, сцісласць фармулёвак, увага да дэталі, якая стварае ў чытача эфект прысутнасці – адметныя рысы аўтарскага стылю Ф. Еўлашоўскага, на фарміраванне якога шмат у чым паўплывала яго прафесійная дзейнасць.

ЛІТАРАТУРА

1. *Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания.* – М. : Наследие, 1994. – 512 с.
2. *Хализев, В. Е.* Теория литературы: учебник / В. Е. Хализев. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Высш. шк., 2002. – 437 с.

3. *Потсар, А. Н.* Авторское начало в текстах массовой коммуникации / А. Н. Потсар // *Русская речь в СМИ: Стилистический аспект* / под. ред. В. И. Конькова. – СПб. : Изд. С.-Петербург. ун-та., 2007. – С. 81–90.
4. *Еўлашоўскі, Ф.* Успаміны / Ф. Еўлашоўскі // *Помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст.* / Акад. навук БССР, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; Уклад., уступ. артыкул і камент. А. Ф. Коршунава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – С. 31–122.
5. *Мальдзіс, А.* Белаурсы ў лютэрку мемуарнай літаратуры XVIII стагоддзя: Нарысы быту і звычаяў / А. Мальдзіс. – Мінск : Маст. літ., 1982. – 256 с., 1 л. партр.
6. *Левицкий, Л. А.* Мемуары // Л. А. Левицкий // *Литературный энциклопедический словарь* / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева; Редкол.: Л. Г. Андреев [и др.] – М. : Сов. Энциклопедия, 1987. – С. 216–217.
7. *Коршунаў, А. Ф.* Лепшыя здабыткі старажытнай беларускай мемуарыстыкі / А. Ф. Коршунаў // *Помнікі мемуарнай літаратуры Беларусі XVII ст.* / Акад. навук БССР, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; Уклад., уступ. артыкул і камент. А. Ф. Коршунава. – Мінск : Навука і тэхніка, 1983. – С. 3–30.

Поступила в редакцию 17.02.2021

УДК 821.111 (087.5)

Зелезинская Наталья Станиславовна
старший преподаватель кафедры теории и
практики перевода
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Zelezinskaya Natalia
Lecturer of the Department of Translation
Theory and Practice
Belarussian State University
Minsk, Belarus
zelennew@tut.by

Личко Мария Юрьевна
студент факультета социокультурных
коммуникаций
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Lychko Maria
Student of the Faculty of Sociocultural
Communications
Belarussian State University
Minsk, Belarus
lichko@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРИЕМА НЕНАДЕЖНОГО НАРРАТОРА В ДЕТСКОЙ ЭКОЛИТЕРАТУРЕ

FUNCTIONAL CAPACITY OF THE UNRELIABLE NARRATOR IN ECOLOGICAL LITERATURE FOR CHILDREN

Статья освещает прием ненадежного рассказчика и два пути его восприятия детской литературой: интерпретационный и жанровый. В ракурсе последнего ненадежный нарратор современного детского романа рассматривается как преемник поэтики анималистической сказки. В статье показана преемственность от поэтики фольклорных анималистических сказок к авторским сказкам с героями-животными Б. Поттер, Л. Кэрролла,

М. Бонда к современному детскому экологическому роману, представленному книгами С. Пеннипакер, Р. Брауна и Э. Хантер. Обозначены функции ненадежного нарратора в этом жанре.

К л ю ч е в ы е с л о в а : эколитература; детская литература; ненадежный нарратор; персонаж; анималистический жанр.

The shift in the focus of literature and general humanities from anthropocentrism to diversity and equality, blurring the boundaries between the central and the marginal, has not only provided animals with a discernible voice in the narrative, but also made this voice a carrier of the main ideas of the creative works. This tendency is clearly manifested in ecological literature for children and teenagers, where the traditional protagonist is combined with the narrator, creating conditions for the main function of the genre – to promote ecological consciousness – and a whole range of additional functions: characterological, expressive, and emotive. Using the technique of the unreliable narrator, the author manages to show the difference between consumer consciousness and ecological consciousness, to expose the absurdity of the idea of human hegemony over nature, to present a number of controversial collective attitudes, offering to question the familiar and to try to switch to a new type of thinking – ecothinking.

Key words: ecological literature; children's literature; unreliable narrator; character; animalistic genre.

Термин *ненадежный нарратор* был введен У. Бутом – американским литературным критиком. В своей книге «Риторика художественной литературы» (*The Rhetoric of Fiction*) (1961) он пишет: «Я называю нарратора надежным, если он говорит и действует в соответствии с нормами произведения (то есть с нормой имплицитного автора) и ненадежным, когда такого соответствия нет» [1, р. 158–159]. Сегодня исследователи классифицируют ненадежного нарратора по причине его ненадежности. Среди таковых причин выделяют сознательное сокрытие правды, неадекватную оценку реальных событий, проблемы с восприятием, памятью и мышлением, болезни, в первую очередь, близорукость, искаженную в результате недостаточного или деструктивного жизненного опыта картина мира и способность к аксиологическому суждению, манипулятивность, скрытность, неведение и т.п. Такое разнообразие делает этот прием достаточно универсальным, чтобы появляться и в детской литературе: «Приключения барона Мюнхгаузена» Р. Э. Распе, «Приключения капитана Врунгеля» А. Некрасова, «Хроники Прайдена» Л. Александера. Авторы данных произведений не скрывают любовь рассказчиков к фантазерству. Однако чаще в детской литературе ненадежность возникает как следствие особенностей детского развития и восприятия (далеко не всегда в деструктивном плане), как в случае с героем-нердом в «Порри Гаттере» А. Жвалевского и И. Митько. Большинство же исследователей причисляют к данному списку все книги, в которых рассказчик-ребенок демонстрирует наивный/детский/неопытный/ограниченный/категоричный взгляд на мир (Гекльберри Финн, Холден Колфилд). Ненадежный рассказчик органично вписывается в поэтику произведения для детей, поскольку юный читатель гораздо больше подготовлен к этому «взрослому», чем принято считать. Принимая с первых лет жизни существование сказочных говорящих животных, сверхъестественных существ,

волшебных помощников и предметов, и, таким образом, рано сталкиваясь с художественной условностью, ребенок – это «субъект со сложившимся комплексом ожиданий и в той или иной степени осозанным и отлаженным механизмом эксплуатации читательских навыков» [2, с. 2].

Более того, вся художественная литература, жанрово апеллирующая к анималистическим сказкам, предполагает введение говорящих животных, их антропологичное поведение и имена, ряжение, подробности народного быта, интеллектуальный уровень бесед и размышлений, общение на равных с человеком, чаще с ребенком и демонстрирует если не ненадежного рассказчика, то, по крайней мере, смещение точки зрения. Удачным примером тут могут быть любимые многими поколениями сказки Б. Поттер, демонстрирующие две точки зрения, причем ненадежность повествования достигается за счет точки зрения героев-детей и животных, а объективный взгляд передан взрослым, чей голос сливается с авторским. Так в сказке о миссис Туфф (Mrs. Tiggy-Winkle's) девочка общается с прачкой, из чепчика которой торчат шпильки и иголки, а в конце истории обнаруживается, что это вовсе не прачка, а ежиха [3]. В сказке про Джемайму Кряк читатель наблюдает происходящее глазами утки, которой приходится убегать в лес в поисках спокойного места для гнезда и подвергаться опасности со стороны хитрого «джентльмена с рыжими бакенбардами» [Там же], а в самом конце сказки с голоса недиегетического повествователя, сливающегося с образом автора, мы узнаем, что наседка из Джемаймы Кряк все же вышла некудышняя. Данную повествовательную манеру вполне можно оценивать в ракурсе ненадежности точки зрения утки, все время подчеркивавшей несправедливость хозяйки.

Вышеприведенные примеры демонстрируют два пути введения в арсенал детской литературы приема ненадежного нарратора: и н т е р п р е т а ц и о н - н ы й и ж а н р о в ы й. В первом случае читатель должен самостоятельно угадывать степень (не)надежности рассказчика за счет намеков в тексте или культурно-исторического контекста, впрочем, детям автор изрядно подсказывает. Второй способ предполагает жанровые ожидания, в рамках которых ненадежный нарратор воспринимается как неотъемлемый элемент поэтики произведения. Второй тип ближе детской литературе как с точки зрения поэтики, так и из-за особенностей детского восприятия – для адекватной оценки идейно-художественного содержания произведения практически никаких отдельных усилий не требуется – и является расширением приема смещения точки зрения: мишка с опилками в голове придумывает способ выбраться из затопленного дома и спасти друга, у медведя из Перу целая система ложных представлений о цивилизованной жизни, Алиса вынуждена ориентироваться в замысловатых подсказках и подозрительных историях за чайным столом, Кролик вообще выступает трикстером – прагматически их точка зрения идентична ненадежному нарратору, поскольку оба приема ставят перед ребенком одинаковые задачи: вывести завравшихся персонажей на чистую воду, разделить «реальность» говорящих игрушек и «выдуман-

ность» слонопотамов и т.д. Обогащение арсенала жанра анималистической сказки приемом ненадежного нарратора в результате гибридизации с романом представляется логичной ступенью его развития.

Расцвет жанра сказок в поздневикторианскую эпоху Х. Карпентер объясняет неуверенностью взрослых в собственном мире, в завтрашнем дне, который заставлял людей предпочесть публичности собственную семью, получая от детей чувство безопасности и стабильности» [4, р. 65]. Не удивительно, что эта традиция успешно развивается в XXI в., для которого катастрофичность и отсутствие чувства безопасности стала доминантой мироощущения.

Одна из причин катастрофического мироощущения – страх за экологическую безопасность человека и природы. Ввиду сверхактуальности этой темы сегодня экороманы набирают все большую популярность, развиваются как идейно, так и художественно. К числу экороманов относятся роман «Пакс» С. Пеннипакер и серия романов «Коты-воители» Э. Хантер. В первом из них ненадежных нарратора два: мальчик и лис, во втором – множество диких котов, населяющих лес. Оба апеллируют к длинному ряду анималистических сказок. С. Пеннипакер, следуя образцам классической английской детской литературы, оставляет ребенка центром универсума, Э. Хантер отказывается от него в пользу «кошкоцентричного» мира.

Завязкой первой книги серии служит приход рыжего домашнего котенка к диким лесным котам. Разные коты попеременно оказываются рассказчиками в зависимости от своего присутствия на месте событий. Как указывает А. В. Жданова, «ненадежная наррация выявляется на фоне ментальных признаков человекоподобия – таких, как знание, восприятие, понимание и т.д.; в противном случае в тексте будет отсутствовать когнитивный центр, с которым надлежит соотнести ненадежность» [2]. Несомненно, коты антропоморфны, но их ментальность специфична: они верят в Звездное племя и прямое вмешательство предков в их судьбы, подчиняются снам, читают знаки судьбы, верят, что разделение на племена предначертано самим устройством мира и преодолеть границу невозможно если не физически, то морально и т.д. Однако к середине серии нарастает необходимость объединиться против общего врага – человека, который выступает в книге синонимом катастрофы, смерти, разрушения и опасности. Мысль о том, что люди нарушают правила экосообщества, теснят диких зверей ради своих потребностей (строительства домов и дорог) сопутствует всем книгам серии, но кульминации она достигает в романах «Восход луны» и «Рассвет» (2005), где человеческая деятельность начинает угрожать самому дорогому – лесу, дому, жизни.

Пока коты пытаются расшифровать предсказание предков о грядущей экологической катастрофе, в лесу начинаются первые изменения: *“The biggest monster the cats had ever seen had been forging a dreadful path through the forest, scoring deep ruts into the earth and tearing up trees by their roots. The huge, shiny monster had rolled inexorably through the bracken, roaring and belching smoke while the cats scattered helplessly before it. For the first time,*

Leafpaw began to understand the danger to the forest, which had been prophesied twice now. The doom that had been foretold was coming upon the forest, and Leafpaw did not know what any cat could do to stop it” [5].

Читателям не составляет труда понять, что в лесу появилась строительная техника, рабочие валят лес, расширяют дорожное полотно, строят развязку и скоро проложат новое шоссе на месте исчезающего леса. Но дикие животные не мыслят такими категориями, не понимают происходящего, руководствуются только инстинктами и крошечным опытом общения с людьми (всегда отрицательного). Поэтому их изображение действительности отличается ненадежностью, но также эмотивностью, прямотой и открытостью, свежестью подачи, отсутствием привычных эвфемизмов. Цель такого повествования – указать на ненормальность определенной ситуации (в данном случае, вырубки лесов), на ее катастрофичность для живых существ, на нелепость происходящего.

Ту же функцию выполняет ненадежный нарратор в «Паксе». Старый лис объясняет молодым, что такое война: *“War came to the land where I lived with humans. Everything was ruined. There was fire everywhere. Many deaths, and not only the war-sick, the adult-males. Children, mothers, elders of their own kind. All the animals. The men who were sick with the disease spilled their chaos over everything in their path” [6, p. 65].* Он не может подумать, что такой ужас люди делают сознательно, преследуя определенные цели, поэтому решает, что война – заразная болезнь. Прямота речи животных заставляет по-новому взглянуть на то, к чему человечество уже привыкло.

Речь рассказчиков насыщена метафорическими окказионализмами, конгруэнтными категориям мышления животных. Коты называют людей Двуногими (Twolegs) и описывают исключительно негативной лексикой, машины описаны как чудища со светящимися глазами, пролетающие по Гремящим Тропам (дорогам). Отдельной разновидностью чудищ являются чудища в желтых шкурах, которые валят деревья и издают невероятный смрад, на самом деле это трелевочные тракторы: *“The forest that had been safe for as long as she could remember was suddenly a frightening place, invaded by the Twolegs and their monsters” [7].* Наивный нарратор в «Паксе» также находит выражение в окказионализмах. Так, Пакс называет слезы на лице Питера «водой боли» и тревожится, хоть и не подозревает, что от него откажутся и оставят одного в холодном лесу. Лисенок подробно описывает момент расставания, читателю передаются не только его боль, но и мучительное неведение. Таким образом, ненадежный нарратор способствует формированию антропоморфного мира произведения.

Смежные функции ненадежного нарратора – экспрессивная и эмотивная. Из-за непонимания ситуации и обнажения противоречий реальности во всей их неприглядности и катастрофичности ужас животных во многих ситуациях сильнее того, что испытали бы на их месте люди. *“Leafpaw stood trembling, looking back and half expecting the monster to burst through the trees in pursuit. ‘I hate them!’ she spat. ‘They’ve no right to come here. What did we ever do to harm them?’” [5].*

В смятении и страхе за будущее четырех племен четверо котят отправляются в долгое путешествие, чтобы исполнить волю предков. Главы о путешествии представляют собой поочередные рассказы каждого из котят и перемежаются с главами, состоящими из рассказов оставшихся в лесу котов. Таким образом, прием ненадежного нарратора удвоен за счет оппозиций «люди–животные» и «взрослые–дети». «Двойной» прием ненадежного нарратора позволяет поднять вопросы экологической безопасности и указать на существующее в обществе непонимание их сути, нежелание их решать; проводить параллели с юными активистами-экологами и властями, не желающими тратить бюджет на экологию. Книга пробуждает не только сожаление, грусть и переживание за животных и природу, но и злость на людей, которые уничтожают все живое.

В ракурсе идейно-художественного содержания экороманов интересно рассмотреть теорию о функциональности ненадежного повествования Дж. Фелана, который предлагает понятия *отдаляющей* (estranging) и *связывающей* (bonding) *ненадежности*. Первая увеличивает эмоциональную или этическую дистанцию между читателем и нарратором, вторая – сокращает [8, р. 225]. Это также означает в первом случае аксиологический диссонанс между нарратором и имплицитном авторе, во втором – их совпадение. Определенно, в детских экороманах мы наблюдаем второй тип: читатель представляет себя тем или иным котенком, проявляет симпатию, сочувствие, увлеченность, разыгрывает сценки из любимых книг. Идеи «Котов-воителей», «Пакса» не в последнюю очередь проводятся через когнитивную эмпатию к рассказчикам вне зависимости от степени надежности их повествования: дети сопереживают котят-рассказчикам, даже когда те заблуждаются и сообщают нам неверную информацию, а заблуждения лисенка и ошибки Питера только сближают их с ребенком-читателем, вызывают жалость, сочувствие, беспокойство.

Таким образом, все функции ненадежного нарратора рассмотренных произведений способствуют выполнению главной задачи жанра – проведению экоидей и формированию экосознания у молодого читателя. «Коты-воители» и «Пакс» – яркие примеры экоромана, который формально ориентирован на природу (не на человека), а содержательно – на взаимовлияние человека и природы. В экороманах показывается, что человеческий интерес понимается не как единственный законный интерес, а окружающая среда, природа и животный мир представлены как процесс, нежели как некая константа. Ненадежный нарратор фокусирует внимание читателей на безоружности и наивности дикого мира перед изощренностью и хитростью человека, помогает убедить, что мы должны быть внимательнее к более слабым, но не менее нас достойным жить на этой планете. Таким образом, ответственность человека перед окружающей средой является частью этической ориентации текста. Можно заметить, как авторы посредством наделения животных даром речи или способностью рассказывать читателю

о тех или иных событиях от своего лица позволяют сделать животных-персонажей субъектами, а не объектами, чья ценность, значение и благосостояние не всегда зависит от человека, а даже наоборот, человек и обесценивает животных, лишает прав и обезличивает.

Говоря об экосознании как о «комплексе философских, психологических, моральных и образовательных установок, которые в совокупности образуют единицы поведения человека, социальных законов и гуманистических ценностей, направленных на гармоничное сосуществование человеческого сообщества с природным окружением» [9, с. 103], мы отмечаем в рассмотренных произведениях тематический интерес к темам войны как противного человеку и природе действия, исчезновения ореолов естественного обитания диких зверей, жестокости и нечестности людей по отношению друг к другу и к животным, культурным различиям и предрассудкам, смерти как части естественного процесса и как насильственного акта, проблеме экологии не только в природе, но и в межличностных отношениях. Обсуждение данных тем с ребенком через книги и через живое общение формирует экосознание молодого поколения, наличие которого является залогом совместного счастливого будущего человека и природы. Совмещение ролей героя и рассказчика (диегетический нарратор) в экороманах формирует антропоморфность как доминанту поэтики. Высокая частотность использования приема ненадежного нарратора, в том числе и в детской литературе, связаны с такими проявлениями коллективной чувствительности, как неуверенность, отсутствие чувства безопасности, катастрофичность. Данные выводы имеют теоретическую значимость для понимания не только семантики, но и структуры детской эколитературы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Booth, W. C. The Rhetoric of Fiction* / W. C. Booth. – Univ. of Chicago Press, 1961. – 543 p.
2. *Жданова, А. В.* К истории возникновения литературного феномена ненадежной наррации / А. В. Жданова // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2009. – №2. – С. 151–164.
3. *Potter, B. The Complete Tales: Peter Rabbit* [Electronic resource] / B. Potter. – A Collection of Beatrix Potter Stories. – Warne, 2006. – 400 p. – Mode of access: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/582/pg582-images.html>.
4. *Carpenter, H. The Same but Different: Conservatism and Revolution in Children's Fiction* / H. Carpenter / *Children's Literature: Approaches and Territories*. – Milton Keynes : Open University, 2009. – P. 56–69.
5. *Hunter, E. The Warriors. Dawn* / E. Hunter. – HarperCollins, 2015. – 400 p.
6. *Pennypacker, S. Pax* / S. Pennypacker. – Balzer + Bray, 2016. – 224 p.
7. *Hunter, E. The Warriors. Moonrise* / E. Hunter. – HarperCollins, 2015. – 336 p.

8. Phelan, J. The Implied Author, Deficient Narration, and Nonfiction Narrative: Or, What's Off-Kilter in The Year of Magical Thinking and The Diving Bell and the Butterfly? / J. Phelan // *Style*. – Penn State University Press, 2011. – Vol. 45, No. 1. – P. 119–137.

9. Рагачэўская, М. С. Цывілізацыя і прырода ў творах сучасных англамоўных і беларускіх аўтараў / М. С. Рагачэўская. – Вестн. МГЛУ, Серия 1, Филология. – 2013. – No 2. – С. 103–110.

Поступила в редакцию 17.02.2021

УДК 821.161.3.09-82.09

Лапцёнок Ирина Брониславовна

кандидат филологических наук, доцент,
заместитель директора по учебной работе
Института повышения квалификации
и переподготовки кадров
Белорусский государственный университет
культуры и искусств
г. Минск, Беларусь

Laptsionak Iryna

PhD in Philology, Associate Professor,
Deputy Director for Academic Affairs
of the Institute for Advanced Training
and Retraining
Belarusian State University of Culture and Arts
Minsk, Belarus
laptenokirina@tut.by

БЕЛОРУССКАЯ РЕЦЕПТИВНАЯ СРЕДА ПОЭТА СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА В ПЕРЕВОДАХ И ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ 1920–1930-х ГОДОВ

BELARUSIAN RECEPTIVE ENVIRONMENT OF THE POET SERGEY YESENIN IN TRANSLATIONS AND LITERARY CRITICISM OF THE 1920s AND 1930s.

В статье исследуются основные аспекты восприятия, познания и выявления особенностей поэзии С. Есенина белорусскими переводчиками и литературными критиками 1920–1930-х годов. Путем проведения анализа форм осмысления творчества поэта в белорусском контексте, изучения посвященных ему литературно-критических работ определено, что вышеназванный период характеризовался значительным интересом белорусского литературного сообщества к личности С. Есенина, вниманием к основным концептам его творчества.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *литературное взаимодействие; научно-исследовательская рецепция; рецептивная среда; литературный перевод; белорусское историческое литературоведение.*

The article examines the main aspects of perception, cognition and identification of features of S. Esenin's poetry by Belarusian writers of the 1920s and 1930s. By analyzing the forms of understanding the poet's work in the Belarusian context, studying the literary-critical works dedicated to him, it was determined that the above period was characterized by a significant interest of the Belarusian literary community in S. Esenin and attention to the basic concepts of his work.

К e y w o r d s: *literary interaction; research reception; receptive environment; literary translation; Belarusian historical literary criticism.*

Актуальнасць разгляду рэцэпцыі спадчыны С. Ясеніна абумоўлена ўвагай сучаснага грамадства да феномена паэта, які ўяўляе сабой унікальную з'яву ў сусветнай літаратуры. Даследчыкі бачаць у яго творчасці працяг «шэкспіраўскіх і байранаўскіх традыцый, “моцартаўскую стыхію”, перакладчыку з Ф. Віёнам, Дж. Леопардзі, С. Я. Надсанам, Ф. Г. Лоркам» [1, с. 39].

Малавывучаная праблема рэцэпцыі паэзіі С. Ясеніна ў сусветнай культуры ўпершыню была даследавана ў 1980-я гг. у дысертацыі В. І. Юшынай, прысвечанай аналізу навукова-даследчай рэцэпцыі яго спадчыны ў англамоўных краінах, – «Поэзия С. Есенина в оценке современного зарубежного литературоведения и критики (США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия)» (1981).

Матэрыялы даследавання сведчаць, што ўжо ў самым пачатку творчага шляху С. Ясеніна яго вершы на мове арыгінала чыталі «ў Парыжы, Берліне, Рыме, Мадрыдзе, Лондане, Варшаве, Сафіі, Празе, Нью-Ёрку, Браціславе і некаторых іншых гарадах свету» [1, с. 40]. Пачынаючы з 1921 г. у еўрапейскіх краінах, Амерыцы, Японіі і Кітаі пачалі з'яўляцца пераклады яго твораў і прысвечаныя яму артыкулы. У першай палове 1920-х гг. паэзія С. Ясеніна была перакладзена «больш чым на 10 моў свету» [Там жа]. Пераважная частка твораў была ўзноўлена ў сярэдзіне 1920-х гадоў. На гэты час прыпадае і пачатак цікавасці да паэта ў Беларусі. У 1925 г. у газеце «Савецкая Беларусь» быў надрукаваны верш «Персідскія матывы» ў перакладзе У. Дубоўкі. Беларускі паэт адзначаў, што яго выбар вызначаўся імкненнем адлюстравачь творчасць С. Ясеніна, з якім ён быў асабіста знаёмы, на роднай мове: «Думаю, што прычына адна – шанаванне памяці гэтага цудоўнага паэта, якога я ведаў асабіста, не раз слухаў чытанне яго вершаў» [2, с. 32].

Развіццё крытычнай думкі, накіраванай на пазнанне і выяўленне аб'ектыўнай мастацкай ацэнкі паэзіі С. Ясеніна праходзіла складана і супярэчліва, што было звязана як з неардынарнасцю асобы паэта, так і шырынёй эмацыянальна-вобразнага і тэматычнага спектра яго паэзіі: «уражлівая шматзначнасць адлюстраваных паэтам эмоцый у значнай ступені тлумачыць разнастайныя, часам супрацьлеглыя і выключаючыя адна адну непасрэдныя ацэнкі яго творчасці. Настойлівае вылучэнне якога-небудзь матыву альбо тэмы і адрыв іх ад агульнага руху ясенінскай паэзіі немінуло прыводзіў да аднабаковасці і скажаў воблік паэта» [3, с. 17]. Пры гэтым прыжыццёвая крытыка аказвала несумненны ўплыў на інанацыянальную рэцэпцыю яго творчасці.

У сувязі з гэтым асабліваю цікавасць для вывучэння рэцэптыўнага асяроддзя паэта С. Ясеніна ў Беларусі ўяўляе сабой перыяд 1920–1930-х гг., які адносіцца да ліку найменш даследаваных сучасным літаратуразнаўствам. Малавядомыя сёння публікацыі аб творчасці паэта, размешчаныя ў беларускім перыядычным друку ў гэты перыяд, дапамагаюць, з аднаго боку,

выявіць, наколькі ўплывовымі былі агульныя тэндэнцыі, панаваўшыя у сусветнай крытыцы ў адносінах да асэнсавання творчасці паэта, а з другога – дазваляюць вызначыць яскравыя аспекты, характэрныя для беларускага рэцэптыўнага асяроддзя С. Ясеніна.

Матэрыялы перыядычнага друку сведчаць, што ўвага да яго творчасці ўзнікла ў беларускай крытыкі яшчэ пры жыцці паэта. У 1925 г. ў газеце «Чырвоны сцяг» (№ 7) выйшаў адзіны ў Беларусі прыжыццёвы артыкул пра С. Ясеніна – рэцэнзія на кнігі «Краіна Савецкая» (Тыфліс, 1925) і «Персідскія матывы» (Масква, 1925), аўтарства якога было пазначана крыптонімам «З. Б.».

Аўтар артыкула аддзяляе «Краіну Савецкую» ад папярэдняй творчасці паэта, указваючы на тое, якім павінна быць развіццё яго творчай індывідуальнасці: «Ясенін “Краіны Савецкай” – наш Ясенін. Ён ужо вельмі часта замест карчмы нюхае “прамудрасць мудрых радкоў” Маркса: мы ў праве чакаць ад яго новых лепшых спеваў. А чакаць іх ад Ясеніна можна» [4, с. 90], «гэта ўжо ня Есенін вузка-асабовых, мрокавых мотываў, шынкарска-хуліганскіх настрояў», а паэт «які пачаў шукаць свайго месца ў будаўніцтве новага жыцця» [4, с. 88]. «Балада аб дваццаці шасці» названа крытыкам адным з лепшых твораў паэта, паколькі «яшчэ больш падкрэслівае пераход Ясеніна да новага, жыццёвага» [4, с. 90].

Разам з тым, аўтар звяртае ўвагу на тое, што асаблівае тонкай натуры не даюць паэту поўнасцю пераступіць ў новае жыццё, цалкам адрэзаўшы мінулае: «“Вяртанне на радзіму”, “Стансы”, “На Каўказе”, “Лісты да жанчыны, маці, дзеда” – усё гэта шчырыя, моцныя, глыбокія вершы “хворага” чалавека» [Там жа].

Нягледзячы на перавагу, якая аддаецца стваральніку «Краіны Савецкай», адмоўная ацэнка «Персідскіх матываў» адсутнічае. Аўтар выдатна ўсведамляе, што гэта лірыка, якой «Есенін лечыць сябе пасля пералому» [Там жа].

Прадметам асобнага разгляду стаў цыкл «Рабінавае вогнішча» (3-я частка «Персідскіх матываў»), які складаецца з 4-х вершаў. Аўтар адзначае, што ў гэтым цыкле прадстаўлена творчасць «вузка-асабовага» Ясеніна: «“Рябиновый костер” – гэта рабінавыя спевы Есеніна. Тут і “отцвела липа” і “отзвенел рассвет”; “прошлого не жаль” і “рыданье”; “отзвучавшие годы”» [4, с. 90]. У якасці прыкладу прыводзяцца радкі з верша «Низкий дом с голубыми ставнями...»: «Восхищаются уж я не умею // И пропасть не хотел бы в глуши, // Но наверно навеки имею // Нежность грустную русской души» [4, с. 90].

Развіццё беларускага рэцэптыўнага асяроддзя паэта С. Ясеніна ў значнай ступені было звязана з шырокай цікавасцю да яго твораў, якая з’явілася неўзабаве пасля яго смерці: адны прапагандавалі паэта, іншыя крытыкавалі, яго кнігі перадаваліся з рук у рукі, вершы перапісваліся ў сшыткі і альбомы,

станавіліся папулярным музычным фальклорам. У другой палове 1920-х – 1930-я гг. выдадзена некалькі зборнікаў у Польшчы, больш за 80 твораў у Славакіі, творы 15 паэтаў-перакладчыкаў у Чэхіі і г. д. [5, с. 42–45].

Паводле меркавання літаратуразнаўцаў у міжваеннае дваццацігоддзе «нікому іншаму не было прысвечана столькі напоўненых любоўю вершаў, ні адзін замежны паэт не перакладаўся і не друкаваўся так ахвотна, ні пра каго крытыка не адгукнулася з такой спагадай, як пра Ясеніна» [5, с. 43]. Ясенінская паэзія аказала ўплыў на творчасць многіх славянскіх паэтаў, асабліва ў перыяды іх творчага станаўлення. Некаторыя з іх спрабавалі яго пераймаць. Паэтаў прыцягвалі характэрныя для яго паэзіі лірызм, выключная шчырасць, павышаны эмацыянальны напал, метафарычнасць, зварот да вясковай тэматыкі, народна-фальклорных вытокаў. У пачынаючых паэтаў ясенінская творчасць спараджала наватарства, якое вяртала іх сваімі каранямі ў нацыянальныя традыцыі.

Беларускі кантэкст рэцэпцыі творчай спадчыны С. Ясеніна ў 1920-я гг. здзіўляе глыбінёй і шырынёй свайго ўздзеяння. На смерць паэта адгукнуліся вершамі многія паэты Беларусі (А. Гурло, М. Лужанін, А. Вольны, А. Дудар і інш.).

Адразу пасля смерці С. Ясеніна з’явіліся водгукі на яго творчасць у перыядычным друку. У віцебскай абласной газеце «Заря Запада» быў апублікаваны артыкул В. Шаршаневіча «Паэт Сяргей Ясенін». Прыкладна ў гэты ж час дадзены артыкул апублікавалі іншыя беларускія выданні – мінская газета «Звязда», гомельская абласная газета «Полесская правда». В. Шаршаневіч называе С. Ясеніна «Дон-Кіхотам вёскі» і звяртае асаблівую ўвагу на дваістасць творчай натуры паэта, які да канца сваіх дзён ішоў двума шляхамі: «То ён хацеў “задраўшы штаны, бегчы за камсамолам”, то тут жа побач прасіў пасля смерці яго пакласці “ў рускай сарочцы пад абразом паміраць» [6, с. 3]. Заглядаючы ў творчую лабараторыю паэта, ён звярнуў увагу, што поспех паэзіі С. Ясеніна не столькі ў яго прыродных схільнасцях, колькі ў яго карпатлівай творчай працы. Аўтар назваў прыкрай памылкай яго самагубства і адзначыў, што асоба такой велічыні, як С. Ясенін, не можа быць забыта грамадствам пасля яго смерці.

У гэтым жа годзе ў часопісе «Полымя» (№ 1) выйшла публікацыя «С. А. Есенін (Увагі на краёх газэт)» аб ранняй творчасці С. Ясеніна, прадметам якой з’яўляецца вёска, «з яе “кондовым избяным мистицизмом”, на восі якога круціліся ў агоністычны перыод рэакцыі – інтарэсы, настроі і патрэбы сялянства» [7, с. 175]. Яе аўтар акцэнтуюе ўвагу на тым, што паэзія С. Ясеніна не толькі мае права быць, але і ўяўляе сабой унікальную творчую майстэрню: «Навучальна-гістарычнаму даследцу, бытапісальніку і ўдумліваму мастаку аднолькава прыгаджацца раннія зборнікі з Есенінскіх вершаў, як матэрыял, у якім усебакова, знадворку і з сярэдзіны, вычэрпваецца вёска, у эпоху перадасоцыяльных навальніц» [Там жа].

У той жа час увага паэта да горада, яго імкненне да праслаўлення ўрбаністычнага пейзажу падаецца ў негатывным ключы: «пачынаецца перараджэнне яго мастацкай асобы, распаданне творчай тканіны яго музы» [7, с. 175]. На думку крытыка, справа была не ў тым, што С. Ясенін не змог дасягнуць майстэрства як мастак у адлюстраванні дадзенай тэмы, а ў тым, што яна з'яўлялася неарганічнай яго паэтычнай натуры: «Горад адразу стаў чужым для душы поэты, бо неба гораду не з “голубого, простенького ситца”, ня “близкое”, а “далекое и в копот и гари”; бо людзі гораду – не “бесхитростные труженники и озорники”, а “расчетливые злодеи”» [Там жа].

З пункту гледжання даследчыка, памылкай было «ашлюбіць горад з вёскай і зрабіць у гэтым шлюбе гаспадаром любую яму вёску, з яе анархічным тэмпераментам, знадворку ахварбаваным у пантэістычны пасэізм» [7, с. 177], бо ў выніку «гораду Есенін ня прыняў» і «ад вёскі адкалоўся» [7, с. 175].

Найбольш грунтоўным даследаваннем, апублікаваным у беларускім выданні ў 1920-я г., стаў артыкул «Да спрэчкі пра Есеніна» С. Вальфсона. У ім выразна пазначаны феномен успрымання паэта ў першыя гады пасля яго смерці: «За час, што мінуўся ад смерці Есеніна, аб ім напісана столькі, колькі не напісалі за першы год смерці Пушкіна, Лермантава, Шаўчэнкі, Міцкевіча. Ідзе суд Савецкай грамадзкасці над Сяргеем Есеніным, – Есеніна судзяць, аб ім спрачаюцца да хрыпаты» [8, с. 157].

Аўтар артыкула выразна акрэсліў дыхатамію крытыкі дадзенага перыяду. З аднаго боку, сказанае пра С. Ясеніна «памагае ўразумець яго, лепей разабрацца ў яго паэтычнай спадчыне, лягчэй улавіць соцыяльную абстаноўку яго творчасці, глыбей выявіць грамадзкія карані Есенінскай поэзіі, прамацаць яе пульс» [Там жа]. Іншая частка крытыкі, на яго думку, была неканструктыўнай: яна «толькі зацямяе, перакручвае ды скажае есенінскае аблічча, абмяжоўваецца шаблённымі нічога ня вартымі фразамі, дыміць фіміямам, наклёўвае цэтлічкі, усхваляе, аддае анафэме, пашырае чад абывацельскай плёткі, займаецца інстытуцкім абажаннем, вохамі ды ўздохамі» [Там жа].

У адрозненне ад папярэдніх публікацый, у дадзеным артыкуле акцэнт зроблены на эстэтычным складніку паэзіі С. Ясеніна: «Прырода была найвялікшай невычарпальнай крыніцай яго натхнення і творчасці» [8, с. 159]. З пункту гледжання даследчыка, «лёгка Сяргея Ясеніна зусім ня былі дапасаваны да таго, каб дыхаць паветрам краю, што тварыў найвялікшую сусветную рэвалюцыю, і ён задыхнуўся» [Там жа].

Працягам даследавання арганічных складнікаў ясенінскай паэзіі стала абмеркаванне стасункаў «вёска–горад». Аўтар вызначыў, што «ўсе карані яго “я” былі ў вёсцы, у яе побыце, у яе звычых, у яе чорназёмных пластох» [8, с. 160]. Горад не быў прыняты паэтам: «Ясенін аказаўся ў гарадох роднага краю чужаземцам, што заблытаўся. Ён да канца свайго жыцця так і не пазнаў сапраўднага гораду з яго рабочымі і кварталамі, з яго фабрыкамі і заводамі,

з яго лябораторыямі ды інстытутамі, музэямі і бібліятэкамі і жорсткімі клясавымі антагонізмамі» [8, с. 160]. Вынікам канфлікту горада і вёскі ў свядомасці С. Ясеніна стала ўнутранае супраціўленне паэта, яго буянства, якое вылілася ў «самыя нечаканыя формы: калі яго вершаў не друкавалі часопісы, ён пісаў імі на плоце Страстнага манастыра; каля яго не прызнавалі крытыкі, ён даваў Пятроўцы назву вуліцы Сяргея Есеніна і прыбіваў аб гэтым адпаведныя дошчачкі на рагах; калі яму здавалася, што яго мала чытаюць, у сталоўцы, дзе ён карыстаўся ўплывам, пачалі падаваць біфштэксфы а la Есенін» [8, с. 163].

У адрозненне ад аўтараў папярэдніх публікацый, якія гаварылі аб унутранай распусце С. Ясеніна як неад’емнай частцы яго натуры, у дадзеным даследаванні яго буянства тлумачылася формай вымушага ўнутранага пратэсту: «Есенін быў вельмі лірычнай і адначасова “соцыябельнай” натураю для таго, каб яму “не претил кабацкий угар”» [8, с. 164]. Сапраўдным шокам для паэта сталі не толькі знешнія, але і ўнутраныя змены, якія адбыліся з вёскай і яе жыхарамі: «Богабаязная, каленасхіленая вёска пачала выраўноўваць спіну і разбураць векавыя аўтары. У вёсцы з’явіўся новы жыццёвы фон, яна жыве новымі клопатамі дня, у яе ўкліняецца новы побыт, ад якога ніткі цягнуцца да далёкага гораду, што зламаў поэту» [8, с. 166].

У артыкуле шырока аналізуецца такі важны кампанент фарміравання рэцэптыўнага асяроддзя ў перыяд 1920-х гг. як увага да яго творчасці шырокіх колаў насельніцтва: «яго вершы даходзілі, краналі сэрца і знаходзілі водгук у кожнага пасвойму. Селянін і рабочы-самавучка, што цанілі поэзію, рабфакавец і рабкор-літаратары, спрактыкаваныя пісьменнікі і маладыя паэты чыталі і ведалі Есеніна і чакалі яго чарговых вершаў» [8, с. 171].

Асобным прадметам аналізу стаў культ яго распачы і душэўных праваў. На думку даследчыка, гэта звязана з няправільнай трактоўкай яго твораў, скажэннем сапраўдных каштоўнасцей яго творчай спадчыны: «у Есеніна знаходзяцца формулы апоэтызавання ўпадніцкіх настрояў, яго асабістая драма акружаецца своеасаблівым романтичным арэолам, яго пагібельлю аргументуюць перад самымі сабою кандыдаты ў самагубцы» [8, с. 173]. У той жа час у артыкуле выказваецца занепакоенасць хваляй самагубстваў, якая пракацілася па краіне і абарвала дзясяткі жыццяў. У сувязі з гэтым аўтар прапануе «ўзяць ад Есеніна яго радасць жыцця, яго пераможнасць, яго ўрачыстасць над жыццём і ўнесці ўсё гэта ў жыццё» [8, с. 174]. У дадзеным ключы разглядаецца артыкул М. І. Бухарына «Злыя заметки» (апублікаваны ў часопісе «Узвышша»), асноўны пасыл якой заключаецца не ў тым, каб «агульназняславіць Есеніна», а ў тым, каб «моладзь навучылася адносіцца да гэтага Есеніна крытычна, беручы добрае і патрэбнае, адкідаючы гніль, ня блытаючы Есеніна з “есеніншчынай”» [8, с. 175].

Даследчык адзначае, што, нягледзячы на вонкавую правільнасць ідэалагічных падыходаў, вынік падобных артыкулаў быў сумным: «Пачалося тое

самае “агульнае зняслаўленне” Есеніна, проці якога выступала “Комсомольская правда» [8, с. 175]. У якасці прыкладаў негатыўнай ацэнкі творчасці С. Ясеніна прыводзіцца анты-ясенінская «продукцыя» А. Я. Кручоных, згодна з якой патрабавалася «забараніць выданне ядавітай поэзіі Есеніна» [8, с. 176], а таксама артыкул Л. Сасноўскага «Развенчайте хулиганство», у якім С. Ясенін названы «свихнувшимся талантливым неудачником», а яго паэзія – «лирикой взбесившихся кобелей» [8, с. 176].

З канца 1920-х гг. афіцыйны падыход усё глыбей стаў пранікаць у трактоўку мастацкіх твораў і літаратурных сувязей, адбывалася актыўная барацьба па выкараненню так званай «ясеніншчыны». Нягледзячы на лютую барацьбу ў літаратуры супраць «упадніцкіх» настройў і хуліганства, імя С. Ясеніна не было выкраслена з беларускай перакладной літаратуры.

Так, у выданне «Анталогія рускай савецкай паэзіі» (1936) увайшоў верш «Русь Савецкая» ў перакладзе А. Дудара [9, с. 103–106]. Для дадзенага перакладу характэрна імкненне да максімальна дакладнага ўзнаўлення мастацкай вобразнасці твора, сэнсу і гучання арыгінала, у тым ліку на ўзроўні слоўнай адпаведнасці: *Ўжо адцвітанне да цябе прышло, // Другія юнакі інакшы спеў спяваюць. // Яны бадай што болей зацікавяць – // Ім маці – ўся зямля ўжо, не сяло – Ужэ ты стал немного отцветать, // Другие юноши поют другие другие песни. // Они, пожалуй, будут интересней – // Уж не село, а вся земля им мать.*

А. Дудар дакладна перадаў квінтэсэнцыю твора, узнавіў блізка да арыгінала змест і гучанне верша, адлюстравав ідэйна-тэматычнае яго напаўненне і асноўную ідэю, перадаў асноўныя тропы ясенінскага верша: метафары (*жизнь кипит – жыццё кіпіць; но голос мысли сердцу говорит – ды голас думкі сэрцу шле адказ; и клёны морщатся ушами длинных веток – і клёны морицацца вушмі даўгога голля*), эпітэты (*бревенчатая птица – бярвянчасты птах; пилигрим унылый – пілігрым пануры; жидкой позолотой – рэдкай пазалотай*), параўнанні (*у волости, как в церкви, собрались – да воласці нібы ў царкву прыйшлі; И ноги босые, как телки под ворота, // Уткнули по канавам тополя – І ногі босыя, як цёлкі пад вароты, // Уткнулі па канавах тапалі*), рытарычныя пытанні і воклічы (*Ну что ж! // Прости, родной приют – Ну што-ж! // Прытулак мой, бывай!; Кого позвать мне? С кем мне поделиться // Той грустной радостью, что я остался жив? – Каго пазваць? З кім падзяліцца шчасцем // Журботным шчасцем, тым што я живу?*).

Адметныя паралелі праглядаюцца таксама паміж зместам перакладзенага твора і падзеямі ў жыцці перакладчыка (яго арышты ў 1929 і 1930 гг., ссылка, доўгачаканае вяртанне дадому ў 1932 г.). Паэзія С. Ясеніна, была блізкай А. Дудару, яскравай, неардынарнай і супярэчлівай постаці, сваім «бунтарскім» духам і гранічнай шчырасцю.

Такім чынам, пытанне пра ўспрыманне ясенінскай спадчыны ў Беларусі ў 1920-я гг. можна назваць адным з найбольш адметных у кантэксте праб-

лемы рэцэпцыі рускай савецкай паэзіі. Сам факт павышанай увагі да рускага паэта, «рэагавання» на яго творы сведчыць пра значнасць творчасці С. Ясеніна для беларускай культуры. З аднаго боку, гэта з'яўляецца адлюстраваннем агульнай тэндэнцыі, якая склалася ў сусветным літаратуразнаўстве ва ўспрыманні твораў С. Ясеніна ў вышэйадзначаны перыяд, з другога боку, яна ўвабрала ў сябе прыметы асаблівай увагі беларускай супольнасці да яго творчасці, аб чым выразна сведчаць літаратурна-крытычныя работы і пераклады твораў паэта.

Аналіз меркаванняў літаратурных крытыкаў, апублікаваных у беларускім друку, дэманструе іх дакументальную каштоўнасць як у адносінах да творчай індывідуальнасці С. Ясеніна, так і да творчасці беларускіх пісьменнікаў дадзенага перыяду, развіцця беларускай літаратурнай крытыкі. Увядзенне ў навуковае абарачэнне літаратурна-крытычных работ, якія адлюстроўваюць змест беларускага рэцэптыўнага асяроддзя паэта, несумненна будзе спрыяць узбагачэнню крыніцазнаўчай асновы беларускага гістарычнага літаратуразнаўства.

ЛІТАРАТУРА

1. *Машкова, А. Г.* Сергей Есенин в славянском мире / А. Г. Машкова // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – № 4. – 2015. – С. 39–52.
2. *Кенька, М.* Сяргей Ясенін у беларускіх перакладах: перастварэнні аднаго верша / М. Кенька // Роднае слова. – 2004. – № 2. – С. 32–36.
3. *Хило, Е. С.* Восприятие поэзии С. А. Есенина в Германии (1920–2010-е гг.): переводы, издания, критика, литературоведение / Е. С. Хило, Н. Е. Никонova. – Томск : Изд. Дом Томского гос. ун-та, 2015. – 230 с.
4. *З.Б. С. Ясенін.* [Рэц. на кн. : Есенин С. Страна Советская. Тифлис, 1925; Есенин С. Персидские мотивы. М., 1925] // Чырв. Сцяг. – 1925. – № 7. – С. 62, 88–90.
5. *Машкова, А. Г.* Сергей Есенин в славянском мире / А. Г. Машкова // Вест. Моск. ун-та. – Сер. 9. Филология. – № 4. – 2015. – С. 39–52.
6. *Шершеневич, В.* Поэт Сергей Есенин / В. Шершеневич // Заря Запада. – 1926. – 15 янв. – С. 3.
7. *Леанідовіч, П.* С. А. Есенін (Увагі на краёх газэт) / П. Леанідовіч // Польша. – 1926. – № 1. – С. 174–179.
8. *Вольфсон, С.* Да спрэчкі пра Есеніна // Польша. – 1927. – № 5. – С. 157–182.
9. *Анталогія рускай савецкай паэзіі* / пад рэд. А. Александровіча, П. Броўкі. – Мінск: Дзяржвыд БССР, 1936. – 334 с.

Поступила в редакцию 26.02.2021

Хмельницкий Николай Николаевич

кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры теоретического и славян-
ского литературоведения
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Khmielnitski Mikalai

PhD in Philology, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Theoretical and Slavic Literary Criticism
Belarusian State University
Minsk, Belarus
KhmelnickiNN@bsu.by

МАСТАЦКАЯ РЭКАНСТРУКЦЫЯ ГІСТОРЫІ РОДУ Ў АПОВЕСЦІ М. КУНЦЭВІЧ «ЛЯСНІК»

KIN HISTORY RECONSTRUCTION IN THE SHORT NOVEL “LEŚNIK” BY M. KUNCEWICZOWA

В статье выявлены авторские стратегии художественной реконструкции исторической и родовой (фамильной) памяти в повести польской писательницы М. Кунцевич (M. Kuncewiczowa) «Лесник» (1952). Раскрыты роль и значение семейных традиций, социума, системы образования, религии, трудового воспитания, национально-освободительного восстания 1863–64 гг., белорусско-польского пограничья в процессе становления индивидуальности главного героя. Исследованы специфика художественного отражения быта и традиций жителей белорусского Полесья, механизмы взаимоотношений «человек–общество–власть». Также выявлено функционирование белорусского дискурса в повести М. Kuncewiczowa (сюжет, хронотоп, персонажи, природа, язык автора и героев и др.).

К л ю ч е в ы е с л о в а: *польская литература; белорусско-польское пограничье; автобиографизм; хронотоп; художественный билингвизм; творческая индивидуальность; белорусские реалии; автор.*

The article reveals the author's artistic reconstruction strategies of historical and clannish (family kin) memory in the short novel “Leśnik” (Forester) (1952) by the Polish writer M. Kuncewiczowa. The formation of the main hero's personality is traced through the role and values of family traditions, social environment, education system, religion, labour upbringing, 1863–64 national liberation uprising, and Belarusian-Polish borderlands. The article studies the specifics of the artistic embodiment of the life and traditions of residents of the Belarusian Polesye; and mechanisms of the “man–society–authorities” relationships. The functioning of the Belarusian discourse in the short novel (plot, chronotope, characters, nature, the author's and heroes' language, etc.) is also considered.

Key words: *Polish literature; Belarusian-Polish borderlands; autobiography; chronotope; artistic bilingualism; creative personality; Belarusian realities; author.*

Марыя Кунцэвіч (Maria Kuncewiczowa) – польская пісьменніца, якая ў сваіх творах адлюстравала супярэлівасці жыцця розных слаёў гарамадства ў Польшчы 1920–30-х гг., а таксама ў ваенны і пасляваенны час. Яе творчая індывідуальнасць фарміравалася пад уздзеяннем Г. Сянкевіча, якога яна называла творцам польскіх душ, а таксама Э. Ажэшка, чые традыцыі яна працягвала і ўзбагачала. Не была М. Кунцэвіч ўбаку і ад новых тэндэнцый у польскай літаратуры XX стагоддзя. А. Шалаган, разважаючы аб ролі і зна-

чэнні творчасці М. Кунцэвіч, слухна падкрэсліла: «Яна была прызнаным празаікам, творы якой на ранняй фазе прэзентавалі псіхалагізм, так характэрны для міжваеннага дваццацігоддзя, а пазней далучылася да новых тэндэнцый у прозе. Напрамак гэтых змен, які прыводзіў пісьменнікаў да вызвалення ад ціску канструявання фікцыйнай фабулы, быў блізкі Кунцэвіч, творчасць якой самым непасрэдным чынам звязана з асабістай біяграфіяй» [1, с. 6].

У міжваеннай Польшчы М. Кунцэвіч шмат друкавалася ў перыядычных выданнях, вяла актыўную грамадска-культурную дзейнасць: яна з'яўлялася заснавальнікам і членам Прафесійнага саюзу польскіх пісьменнікаў (1920) і польскага ПЭН-цэнтру. Літаратурную вядомасць і прызнанне сярод чытачоў М. Кунцэвіч прынеслі такія кнігі, як «Два месяцы» («Dwa księżycy», 1933), «Чужаземка» («Cudzoziemka», 1935), «Ключы» («Klucze», 1943), «Фантомы» («Fantomy», 1971) і інш. У гэтых творах пісьменніца па-мастацку даследавала этнічныя стэрэатыпы, праблемы нацыянальнай ідэнтыфікацыі, адносіны сучаснікаў да польскіх нацыянальна-вызваленчых паўстанняў, увасобіла моманты гісторыі свайго роду на шырокім гісторычным і сацыякультурным фоне. Беларускі дыскурс у мастацкай спадчыне М. Кунцэвіч прысутнічае на розных узроўнях: ад успамінаў да экскурсаў у гісторыю роду і краіны, прычым пісьменніца часта актуалізоўвае праблему паскоранасці і спецыфічнасці як індывідуальна-асабовых, так і сацыяльна-культурных працэсаў у зоне памежжа.

У верасні 1938 г. М. Кунцэвіч здзейсніла падарожжа на брэсцкае Палессе, мэтай якога было знаёмства з «да гэтай пары багатым фальклорам, народным мастацтвам і экзотыкай краявідаў Палесся, як роўна наладжванне кантактаў і знаёмства з жыццём яго жыхароў» [2, с. 1]. Уражанні ад наведвання гэтага краю былі пакладзены ў аснову самага любімага ёю твора – аповесці «Ляснік» («Leśnik»). Задума напісаць кнігу пра свой род па лініі бацькі з'явілася у М. Кунцэвіч яшчэ ў 1933 годзе. Праўда, яе фрагмент быў апублікаваны толькі ў 1939 годзе [3]. Сам твор убачыў свет ў 1952 г. падчас эміграцыі аўтаркі. У хуткім часе «Ляснік» быў перакладзены на многія мовы і выдадзены нават у Англіі і ЗША. Аповесць прыхільна прынялі Е. Гедройц, М. Ваньковіч, М. Дамброўская, адзначыўшы ў першую чаргу цікавы памежны (крэсовы) матэрыял у творы. Вядомы польскі паэт Ю. Тувім высока ацаніў кнігу за беларускі матэрыял у ёй: «Кунцэвіч надоўга запамніла, што фрагмент аповесці вельмі спадабаўся Тувіму, які патэлефанаваў ёй з віншаваннямі, асабліва хвалячы мову, насычаную беларускімі элементамі» [1, с. 244].

Ідэю напісання падобнай кнігі, па словах пісьменніцы, ёй прапанаваў С. Балінскі, чалавек і пісьменнік, якога вельмі хвалявалі пытанні гісторыі роду сем'яў на польска-беларускім памежжы. Пры напісанні аповесці М. Кунцэвіч актыўна звярталася да дзённіка бацькі, успамінаў сваякоў, сямейнага архіва. Пісьменніца адзначала ў сваіх успамінах, што ў аснове сюжэта «Лясніка» – «літаратурная парафраза маладосці майго бацькі» [4, с. 116] – Юзэфа Шчапанскага. Твор стаў для М. Кунцэвіч своеасаблівай спробай сплаціць творчы доўг перад родам па лініі бацькі. Яна, друкуючы фрагмент аповесці ў

1939 г., прапанавала чытачам пазнаёміцца з падрабязным планам твора, некаторыя запісы якога будуць цікавымі ў кантэксце нашай тэмы: «Дзяцінства Адама ў дробнашляхецкім асяродку на Крэсах. Паўстанне 1963 г. і наступнае дзесяцігоддзе. Дзеянне адбываецца ў вёсцы і малым мястэчку... Заможная і дробная шляхта, беларускі люд. Эпізод з Траўгутам... Бацькі героя. Наступствы рэпрэсій пасля паўстання, выселеныя з Белай Русі, якія жывуць у Новым Месцы пад Піліцай» [1, с. 242–243].

У кнізе «Фантомы» М. Кунцэвіч наступным чынам успамінае аб каранях свайго роду па лініі бацькі Юзафа: «Мой бацька, нашчадак дробнашляхецкага роду, сям'і, якая была пераселена ў XVII ст. на дзікі усход Рэчы Паспалітай, з'явіўся на свет у Чарнаўчыцах на Белай Русі¹. Ён быў сынам напаўчыноўніка, напаўпаўстанца і Зоф'і Шчэпанскай, з дома Эйхлераў, палескай саксонкі, матроны і паэткі» [2, с. 21]. Паводле сямейнай легенды, дзед бацькі М. Кунцэвіч падчас паўстання даў начлег ў сваім доме аднаму з кіраўнікоў паўстання 1863 г. Р. Траўгуту, за што гаспадар быў расстраляны.

У эпіграфі да аповесці М. Кунцэвіч раскрывае творчую задуму напісання твора: «“Ляснік” не з'яўляецца гістарычнай аповесцю ў прамым значэнні гэтага слова. Твор з'яўляецца літаратурнай фікцыяй, а ў большай ступені – мяшанкай рэальных фактаў і выдуманых, народных традыцый і сямейных легенд. Бацька мой, Юзаф Дыянізы Шчапанскі, незадоўга да смерці пакінуў няскончаны дзённік, які дапамог мне вызначыць этна- і геаграфічныя каардынаты дзеяння. Гэты тэкст пад псеўданімам Кшыштофіч знаходзіцца ў зборах Асалінэўм² (Ossolineum) у Вроцлаве. Як мне здаецца, канфлікты і драмы, адлюстраваннем якіх з'яўляецца гэта аповесць, да сённяшняга дня не страцілі сваёй актуальнасці» [5, с. 5].

Аповесць М. Кунцэвіч «Ляснік» у пасляваеннага чытача стала сапраўдным бестселерам, бо з'явілася цікавай спробай аўтара пранікнуць у мінулае сваёй сям'і, рэканструяваць і зразумець характары, настрой, думкі, погляды ніколі не бачаных ёю ў рэальнасці сваякоў, матывацыю іх учынкаў, якія маглі паўплываць на лёс наступных пакаленняў, адлюстраваць сацыяльна-гістарычныя асаблівасці жыцця народаў памежжа.

Асноўнае месца дзеяння ў творы – брэсцкае Палессе, мястэчка Бернаўчыцы і невялікі хутар Бабруўка, дзе гаспадарылі стары ляснік Эліхвір і яго жонка Мартына, дзед і бабуля галоўнага героя. Як ляснік, дзед галоўнага героя выконваў свае абавязкі вельмі адказна: *«Дзед Эліхвір жыў у Бабруўцы, дзе дзе знаходзілася яго сядзіба як наглядальніка гамачаўскага дабра. Князі Мітгэніштайны, уласнікі гэтага дабра, зрусіфікаваныя і за верную службу цару годна ім ўзнагароджаныя, наведвалі свае беларускія воласці на мяжы Кароны і Літвы адзіна са спартыўнага інтарэса. Эліхвір некалькі дзесяткаў гадоў кіраваў у гэтых лясах так самаўладна, як яго Мартына на гаспадарцы. Толькі што яна мела менш клопату з куніцамі і ласкамі, чым ён з мужыцкімі*

¹ Чэрнаўчыцы – зараз аграгарадок у Брэсцкім раёне.

² Назва бібліятэкі і выдавецтва (Zakład Narodowy im. Ossolińskich).

крадзяжамі тутэйшых мужыкоў» [5, с. 22]. Вакол былі заповедныя пушчы, прыгожыя лугі, рака, балоты – адным словам, глухія першародныя мясціны. Час дзеяння – цяжкая і драматычная эпоха – шасцідзесятыя гады XIX ст. (перад і пасля нацыяльна-вызваленчага паўстання 1863-64 гг.). Аўтар твора запрашае чытача ў далёкую польска-беларускую правінцыю, забытую богам і людзьмі, якая падчас паўстання 1863–64 гг. стала эпіцэнтрам гераічных і драматычных падзей: «Год 1863 завяршыўся ў Бернаўчыцах як века труны <...> Край быў сумны, шляхціцкі апрапаналі жалобную вопратку, на вуліцах звінелі драўляныя ружанцы і срэбныя бранзалеты, прыгадваючы кайданы. Большасць знаёмай моладзі была схавалася пад зямлёй: у магілах і сібірскіх капальнях... Сяляне таксама ўпалі духам: цар са сваёй ласкай быў далёка, а раззлаваныя за здраду паны – блізка» [5, с. 35].

Галоўны герой твора М. Кунцэвіч – падлетак Казімір, дзіця памежжа, уражлівая натура, хлопец, які вымушаны спадзявацца выключна на сябе. Ён, поўны супярэчлівых пачуццяў, здзяйсняе часам не самыя лепшыя ўчынкі, але заўсёды шчыры, праўдзівы, любіць і абараняе сваякоў. Герой праходзіць абрад своеасаблівай духоўнай і сацыяльнай ініцыяцыі, каб пасля жыццёвых вандровак вярнуцца загартаванай асобай на малую радзіму – зямлю продкаў. На ўсё, што адбываецца, пісьменніца глядзіць вачыма героя-юнака, не звяртаючыся ні да якіх асацыяцый і алегорый. М. Кунцэвіч, малюючы жыццё сваіх персанажаў у правінцыяльнай атмасферы 1860-х гг., распавядаючы пра традыцыі сваёй сям’і, надзяляе і чытача пэўным гістарычным бачаннем, аднак ні на хвіліну не даючы яму запам’ятаць, што ён жыве ў іншым хранатопе. У павольны, досыць падрабязны, нетаропкі расповяд пра сталенне галоўнага героя, пісьменніца ўплятае расповед пра цяжкую для тутэйшага народа і яго прадстаўнікоў эпоху крушэння надзей, аб складанасцях у сацыяльных і нацыянальных адносінах, аб праблемах польскіх і рускіх, беларускіх і яўрэйскіх. «У “Лясніку” на першы план вылучаны праблемы патрыятызму і польскасці, нацыянальнай свядомасці ў кантэксце трагічных лёсаў краю, дылема быцця чужых і “тутэйшых”, мэандры выбару жыццёвай дарогі, а таксама такіх пытанняў агульнага характару, як адзінота, немагчымасць паразумення з іншым чалавекам, цяжкасць адназначнай ацэнкі пазіцыі людзей і матываў, якія імі кіруюць» [1, с. 244].

Казімір разам з маці па нядзелях наведваў касцёл у мястэчку; члены сям’і моляцца Матцы Боскай Астрабрамскай, падчас святаў збіраюцца разам за сталом. Пасля смерці бацькі юнак вымушаны быў пайсці працаваць памочнікам лясніка, але праз некаторы час яго абвінавацілі ў забойстве селяніна-беларуса, які спрабаваў красці лес (праўда, як пасля высветлілася, гэта зрабіў не галоўны герой твора). Пазней ён, католік, пры дапамозе сваёй цёткі трапляе на навучанне ў праваслаўную гімназію у Варшаве (як іранічна заўважае апавядальнік, «тутэйшы, дурны Казюк» [5, с. 50] едзе вучыцца ў сталіцу). Падчас побыту ў Варшаве Казімір, дзякуючы бацьку свайго сябра, змог прачытаць творы забароненага расійскімі ўладамі А. Міцкевіча, што рашуча паўплывала на фарміраванне светапогляду юнака, а таксама пазнаё-

міцца з патрыятычна настроенай моладдзю. Па гэтай прычыне Казімір будзе часта адчуваць здзек з боку аднакласнікаў, нават выпадковых знаёмых. У адным са сваіх лістоў да маці герой з распаччу разважае: «Першая гімназія для праваслаўных, і туды я патрапіў толькі дзякуючы пратэкцыі цёткі. Але як ужо прынялі мяне сюды, то пераходзіць у іншую забаронена. Пан Кжыжанойскі мяне па гэтай прычыне не любіць, але я ўжо прывык, што караняжы¹ ў большасці сваёй усіх не любяць» [5, с. 81]. Месца нараджэння галоўнага героя, традыцыі яго бацькоўскай зямлі часта становіліся прадметам кпінаў «яснавляльных жыхароў Варшавы», пра што можа сведчыць наступны дыялог у творы: «Пан міла дадаў:

– Вядома, у Літве. Ці не ведалі, пане шавец, што гэты кавалер, перш чым прыехаць сюды, наведваў Смаргонскую акадэмію?—Усе рассмяяліся, нават дзяўчына. Шавец пакруціў галавой:

– Што гэты кавалер з Літвы, можна адразу зразумець па мове, але не ведаў, што з мядзведзямі вучыўся балету.

– Ано, вучыўся, вучыўся, а зараз у Варшаве з рускімі графіямі будзе танцаваць» [5, с. 79].

Падчас знаёмства з аповесцю М. Кунцэвіч «Ляснік» чытача не пакідае адчуванне магчымай катастрофы, сацыяльнай буры, якая можа знішчыць свет герояў, а таксама пэўным чынам паўплываць і на будучыню нашчадкаў. У творы мы назіраем «паэзію прыроды» сумежжа, той часткі брэсцкага Палесся – адметна-запаведнай і ў той жа час – страшнай, непрадказальнай, якая часта паўстае ў іпастасі першабытнай дзікай свабоды, дзе з дабром непадзельна існуе зло. Нездарма і радаснае, і трагічнае ў жыцці герояў аповесці часцей адбываецца ў інтэр’еры лясоў, у дарозе, у мястэчку і фальварках.

Малая айчына галоўнага героя твора – край полінацыянальны, шматканфесійны, а яшчэ – у пэўнай ступені – язычніцкі, цёмны, звар’яцелы ад таго, што адбываецца вакол і не залежыць ад яе жыхароў. Гэтаму спрыяла перакрываўванне шляхоў, традыцый, ідэалогій... У гэтай сувязі настаўнік Варшаўскай гімназіі нездарма заўважае: «Там страх якое змяшанне паняццяў... На гэтым самым вашым “польскім” Палессі, якое часам называюць Літвой, мясцовае насельніцтва, якое называюць беларусамі, твайго бацьку, узорнага, як я чуў, чыноўніка царскай адміністрацыі, неспраўджана абвінавацілі ў польскім перавароце... Можна, і не зусім фальшыва?» [5, с. 88]. Гэтыя землі ў творы сама пісьменніца называе то Літвой, то «Паўночна-Заходнім краем» [5, с. 22]. Апазіцыя хранатопа «тут і там», Літва і Польшча з’яўляецца ў творы неаднойчы: «Край за Бугам не адразу стаў іншым, і назвы станцый былі яму яшчэ знаёмыя. Акрамя таго, пры кожным адкрыцці дзвярэй у купэ, чужасць выяўлялася ўсё мацней. Людзі размаўлялі па-польску не так, як у Бернаўчыцах; каб зразумець, ён мусіў паўтараць у думках некаторыя

¹ Тут – жыхары цэнтральнай (кароннай) Польшчы (Заўвага – М. Х.)

словы, надаваючы ім іншы акцэнт. Калі ж ён адгукаўся, то ўсе паварочвалі галовы ў яго бок. Малое дзіця закрычала да кур за акном цін-цін, а не цып-цып, як у Бабруўцы» [5, с. 65].

М. Кунцэвіч часта канкрэтызуе каардынаты мастацкага дзеяння, якія знаходзяцца ў знаёмых і нам гарадах і мястэчках: Брэст, Кобрын, Слуцк... Вось, напрыклад, апісанне дарогі ў ваколіцах Брэста, у якім нават сучасны чытач без цяжкасці пазнае некаторыя рэаліі: «Пыльная дарога цягнулася нудна паміж палямі ў баку маста над Бугам, да грозных брам цытадэлі, да закратаваных акон вайсковых кашар, да садоў Вронскіх і да халодных касцёлаў» [5, с. 68].

У аповесці М. Кунцэвіч малое галерэю каларытных вобразаў з тутэйшага насельніцтва, якія ў сваёй мове стала выкарыстоўваюць беларусізмы (а пісьменніца, падкрэслім, добрасумленна іх фіксуе): «*zausim ograbiliby...*» [5, с. 18]; «*Praudu każe – znów westchnął stary probaszcz, a to “praudu każe” to było jego białoruskie porzekadło*» [5, с. 24]; «*tak spędza moja babka na wsi litewskiej, ale bardziej jeszcze białoruskiej*»; «*Szto ty każesz, – odezwał się po białorusku, nie otwierając powiek*» [5, с. 28]; «*Bożeczka mój, a pan Bielewicz raptem rozchorowawszy się. Aj, aj, jak u niego oczy wylupili się!*» [5, с. 20].

У аўтарскіх разважаннях, рэпліках і дыялогах герояў аповесці не раз актуалізуецца праблема этнаідэнтыфікацыі тутэйшых жыхароў. Так, гаспадар варшаўскай кватэры са злосцю звяртаецца да Казіміра: «*А я табе кажу, няхай Ягуся сядзіць дома і баста! Не хачу, каб мне тут гэты паляшук гаспадарыў у маёй кватэры...*» [2, с. 104]. Аўтар-апавядальнік з разуменнем ставіцца да абумоўленых гістарычнымі падзеямі і палітыкай улад склада-насцей нацыянальнага самавызначэння тутэйшага насельніцтва: «*На Палессі тады пра сябе ніхто добра не ведаў пра тое, Лях ён ці Літвін, ці рускі чалавек карэнны або, можа, з немцаў. Адно чыноўнікі сцвярджалі напэўна: хто селяніна прыніжае, той пан, інакш кажучы, паляк. Мець за зяця царскага чыноўніка з палякаў магло быць спрыяльным Эліхвіру*» [5, с. 22].

М. Кунцэвіч на старонках свайго твора спрабуе, хоць і эскізна, намаляваць групавы партрэт беларусаў, якія спакон вякоў жылі на гэтай зямлі. Вось, напрыклад, сцэна каля касцёла ў Вялікдзень: «*Адзін за адным выходзілі з шэрагу Хамдзюкі, Грэсюкі, Расалюкі, спацелыя, у выцвілых кажуха і пад назіральным вокам старой Чучынскай, ледзь раз стукнуўшы яйкам аб яйка, аддавалі даніну пану. Стос рознакаляровых фарбаванак назапасіўся каля яго ног... Раптам дзесьці з глыбіні грамады выйшаў рэдкавус каліноўшчык, сын зруселага шляхціца*» [5, с. 21]. М. Кунцэвіч рэалістычна падае знешняе аблічча беларускіх жанчын і мужчын: «*Тоўстыя і худыя бабы, пераважна ў белых ці чорных хустках, завязаных пад барадой, сядзелі на прызьбе, піскліва смеючыся і наплёўваючы семкі. Мужчыны ў скураных ботах і тоўстых кафтанах, барадатыя, басавітыя, некаторыя ў світках, спрытна зыркаючы з-пад грывы валос, роўна абрэзаных на чале, змаўкалі, калі з'яўляўся Казя і пацягвалі насамі*» [5, с. 54]. У аповесці М. Кунцэвіч групавы партрэт беларусаў ствараецца з індывідуальных характарыстык і прадстаўляе своеасаблі-

вую «суму індывідуальнасцей» (А. Барбюс). Пісьменніца час ад часу аздабляе дзеянне выразным «беларускім інтэр'ерам»: *«Пакуль працягваўся кірмаш, жвавыя беларускія калядкі абуджалі памяць тых часоў, калі яна разам з Пятром спявала сваёй першароднай дачцэ пра Кузьму і Даміяна, пастухах, якія прынеслі Божаму Дзіцяці гаршчок з бацьвіннем...»* [5, с. 41].

Такім чынам, аповесць М. Кунцэвіч «Ляснік» з'явілася своеасаблівай мастацкай рэканструкцыяй гістарычнай і генетычнай памяці. Памежжа, сутыкненне, узаемадзеянне розных нацыянальных мадэлей свету, самабытныя традыцыі, моўны каларыт, прыродныя і матэрыяльныя рэаліі рэгіёна былых усходніх ускраін Польшчы, адлюстраваныя ў аповесці М. Кунцэвіч, надаюць яе прозе беларуска-польскі каларыт, ствараюць адметныя характары герояў-памежнікаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Szalagan, A. Maria Kuncewiczowa. Monografia dokumentacyjna. 1895–1989 / A. Szalagan. – Warszawa : Instytut Badań Literackich, 1995. – 479 s.
2. Kronika Kulturalna / Kurier Poranny. – 1938. – № 226. – S. 3.
3. Kuncewicz, M. Piotr i Augusta. Fragment powieści «Mąż Róży» / M. Kuncewicz // Wiadomości Literackie. – 1939. – № 29. – 9 (VII) – S. 1–2.
4. Kuncewicz, M. Fantomy / M. Kuncewicz. – Warszawa : Pax, 1971. – 253 s.
5. Kuncewicz, M. Leśnik / M. Kuncewicz. – Warszawa : Wydawnictwo Krajowa Agencja Wydawnicza, 1988. – 128 s.

Поступила в редакцию 17.02.2021

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

З. А. Харитончик

Рецензия

на книгу Чернявской Валерии Евгеньевны «Текст и социальный контекст. Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения». – М. : Ленанд, 2021. – 208 с.

Передо мною недавно выпущенная издательской группой URSS новая книга Валерии Евгеньевны Чернявской, известного лингвиста, автора многих работ в области дискурса, приобретших к настоящему времени благодаря своей популярности и высокому индексу цитирования статус классических. Как и предшествующие издания автора, она посвящена дискурсу, отличаясь, однако, от них тем, что в центр внимания ученым поставлена одна из сложнейших и потому требующих определенной исследовательской смелости проблема его понимания и необходимых для этого условий. Ключом к решению данной проблемы стала методологическая установка автора, сформулированная следующим образом: «Нельзя не признать, что автономный лингвистический анализ был бы не достаточен в своих объяснительных возможностях смыслопорождения и понимания в социуме. Адекватный анализ должен включать взгляд со стороны общества с привлечением экстралингвистической информации о политических, идеологических, экономических обстоятельствах, а не останавливаться только на взгляде изнутри лингвистики. Почему? Очевидно потому, что опора на то, что лингвистически выражено, т.е. на эксплицитное в структуре, дает возможность говорить о той составляющей реальности, которая видима, заметна. При этом без объяснений остался бы вопрос об имплицитном, о том, как получить доступ к изучению и объяснению того, что лингвистически не выражено. Анализ, ограниченный лингвистической оформленностью, не даст ответа, как “общество влияет на человека задолго до того момента, как он открывает рот и использует слова”...» (с. 9).

Для достижения понимания и тем самым эффективности коммуникации необходим, по убеждению В. Е. Чернявской, социальный контекст во всем множестве определяющих его факторов. Эта далеко не новая, высказываемая и ранее, основополагающая идея, конечно же, не вызывает ни у кого возражений. Однако и это принципиально выделяет рецензируемый труд в кругу дискурсивных изысканий, в работе Валерии Евгеньевны она находит свое развитие, о чем свидетельствуют, в первую очередь, вводимые автором ключевые понятия: *прак-тика* как характеристика социальной реальности, постоянно воспроизводимой в коммуникативном взаимодействии людей/

социальных акторов, с широким диапазоном вовлекаемых составляющих (субъекты дискурса, индивидуальные или коллективные, ритуалы, идеологические установки, культурно специфические нормы и конвенции); *индексальность*, основывающаяся на связи используемых языковых единиц с прошлым опытом, с предшествующими коммуникативными практиками; *рефлексивность*, определяемая как «обращенность на что-либо, а именно, сопоставление действия с его осмыслением и описанием, придание значения через осмысление» (с. 13). Особое место в ряду вводимых ключевых понятий занимает *контекстуализация*, никак не ограничиваемая традиционными рамками лексического, грамматического окружения единиц речевых структур и ситуативных обстоятельств, но формируемая получателем сообщения под влиянием коллективной практики понимания в социуме. Как указывает автор, «Контекст сам становится объектом активного конструирования... Контекст способен создавать такую рамку отношений между семантикой и прагматикой высказывания, когда прагматика поглощает и гасит семантику. Прагматика начинает доминировать в выдвижении одних смыслов и погашении других» (с.14), что позволяет контексту «...работать как «инструмент принуждения», как сильнодействующий фактор смыслообразования» (с. 13). Результатом контекстуального конструирования становится *социальное значение*, или *социальный смысл*, интерпретируемые как связанные с определенным контекстом и возникающие в связи с социальным поводом коммуникативные приращения, сопутствующие значениям языковых единиц (высказываний). Будучи общим для языкового коллектива и надстраиваясь над личностными смыслами, социальное значение приобретает статус социального индекса.

Устанавливая обязательную детерминированность понимания и непонимания в том или ином виде социальным контекстом, гораздо более широким и, что важно, скрытым по своей природе, В. Е. Чернявская выдвигает в центр рефлексивной деятельности человека еще один аспект дискурса, который в та-ком плане есть не что иное, как объект метапрагматики.

Четкая очерченная методологическая платформа последовательно и логично раскрывается в 8 главах книги: Глава 1. Язык в действии: между семантикой и прагматикой; Глава 2. Язык в действии: текст, дискурс, корпус; Глава 3. Понимание: от принципа кооперации к контекстуализации; Глава 4. Контекстуализация и управление контекстом; Глава 5. Метапрагматика коммуникации; Глава 6. Языковая идеология и власть дискурса; Глава 7. Политизация контекста; Глава 8. Поликодовая коммуникация. Уже названия глав подсказывают, как разворачивается в книге панорама социального контекста – тех внешних составляющих, которые выполняют роль основных и существенных смысловых опор, задающих рамки и перспективу для интерпретации выражаемого в форме речевых структур содержания.

Идя от дихотомии «эксплицитное/имплицитное», от сложного взаимодействия творческих возможностей смыслопорождения субъектами коммуникации и детерминированности, предзаданности понимания смыслов

и посткоммуникативной реакции, определяющих грань между семантикой и прагматикой, автор обосновывает переход от текста к дискурсу, т.е. макросемантическому и глубинно-семантическому анализу языка.

Данный переход имеет важное методологическое значение: в качестве объекта анализа при дискурсивном подходе выступает общее интертекстуальное и интердискурсивное единство разных, тематически объединенных текстов, в котором отдельный текст является лишь одним из его репрезентативных элементов. Как пишет автор, – «Наша интертекстуальная компетентность позволяет очертить большой социокультурный фрейм, в котором высказывание укоренено и в рамках которого следует понимать отдельное высказывание» (с. 151), и в таком случае на первый план выходит интердискурсивность, определяемая автором следующим образом: «Интердискурсивность – это не диалог своего и чужого текстов в форме цитат, аллюзий, но взаимодействие различных фреймов в процессе порождения и восприятия смыслов» (с. 145).

Лейтмотивом концепции, развиваемой В. Е. Чернявской, становится следующий тезис: для того, чтобы раскрыть закономерности понимания в условиях асимметрии, или несовпадения знаний и пресуппозиций коммуникантов как непреложного условия коммуникации, необходимо сместить «фокус исследований с анализа кооперативного взаимодействия и распознавания интенции на понятие смысла в общем разделяемом (или неразделяемом) контексте», т.е. в социально обусловленной ситуации. Выход в социокультурное пространство обеспечивается вовлечением в анализ идеологии языка с ее политкорректностью, диктуемой возрастной, гендерной, социально-статусной спецификой использования языка в связи с регулярными поведенческими, эстетическими, эмоциональными и моральными различиями социальных групп. Значимы для конструирования и понимания смыслов также визуальные знаки как компонент распространенной поликодовой коммуникации.

Приводимый в книге богатый эмпирический материал – современные или исторически близкие читателю тексты, прочтение (понимание) которых обязательно предполагает выход за собственно лингвистические рамки и обращение к ситуативной и культурной составляющим широкого социального контекста – составляет убедительную доказательную базу концепции автора.

Следует подчеркнуть, что в своем построении автор никоим образом не отрицает опыт, накопленный в анализе художественных текстов и критическом анализе дискурса, широко известную парадигму Грайса с ее Принципом Кооперации и максимами, теорию релевантности Д. Спербера и Д. Вилсон и др. Раскрывая серьезные ограничения их объяснительной силы, Валерия Евгеньевна Чернявская связывает этот недостаток предшествующих концепций с отсутствием в них социальной перспективы, учет которой как необходимое условие понимания является основным требованием активно разрабатываемой сегодня постграйсовской парадигмы.

Органично вписываясь в данное направление благодаря акценту на социальном контексте, концепция Валерии Евгеньевны Чернявской выделяется среди имеющихся разработок, по нашему мнению, пристальным взглядом к вытекающим из этого достаточно распространенного в современных дискурсивных трудах методологического посыла коллективным последствиям – контекстуализации как социально контролируемом процессе, идеологии языка с ее политкорректностью, интердискурсивностью и др. свойствами и их глубокой характеристикой, что ставит данную теорию в один ряд с наиболее интересными и оригинальными современными разработками дискурсивного анализа.

Естественно, что в книге, основной задачей которой является дискурсивный анализ смыслопорождения и акцент делается на значимости социального значения, описание роли семантики и прагматики языковых форм в социальном значении занимает немного места. Однако декодирование их смысла – базовая составляющая и отправная точка понимания высказываний и текста в целом, что осознается самим автором и неоднократно подчеркивается в тексте. Думается в этой связи, что несколько большее внимание к актуализации в тексте знаний, заключенных в репрезентируемых языковыми формами концептуальных структурах, особенно знаний, не эксплицитно закрепленных за языковой формой, а скрытых, латентных и как бы ожидающих своего контекста для реализации, способствовало бы уточнению социального значения, в состав которого данные типы знаний, на наш взгляд, также входят.

Заклучая краткий анализ общей концепции, развиваемой в данной книге В. Е. Чернявской, подчеркнем, что в ней наиболее привлекательными, по нашему мнению, являются динамичность, процессуальность и направленность на социальные значения – еще одна значимая составляющая в успешном понимании дискурса. Несомненно, этот нужный и оригинальный труд будет с большим интересом воспринят исследователями в разных областях гуманитарного знания: лингвистами, специалистами в теории коммуникации, социологами, когнитологами и др., и станет еще одним важным источником при подготовке специалистов широкого профиля.

Поступила в редакцию 05.04.2021

ВЕСТНИК МГЛУ

Серия 1. Филология

№ 2 (111), 2021

Научно-теоретический журнал

Ответственный за выпуск *Л. А. Тарасевич*

Редакторы: *В. М. Василевская, О. С. Забродская*
Ст. корректор *С. О. Иванова*

Журнал зарегистрирован
Министерством информации Республики Беларусь 26 апреля 2010 г.
в Государственном реестре средств массовой информации за № 1333.

Адрес редакции: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск
E-mail: vestnik@mslu.by

Подписано в печать 29.04.2021. Формат 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография. Усл. печ. л. 11,39. Уч.-изд. л. 12,76. Тираж 100 экз. Заказ 22.

Издатель и полиграфическое исполнение: учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет». Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий от 02.06.2017 г. № 3/1499. ЛП № 02330/458 от 23.01.2014 г. Адрес: ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск.

Индекс подписки 75017/750172